

Н.В. Муращенкова, В.В. Гриценко, М.Н. Ефременкова

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ПРОСТРАНСТВО
ЭМИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

Кросс-культурный анализ

Н.В. Муращенкова, В.В. Гриценко, М.Н. Ефременкова

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ПРОСТРАНСТВО
ЭМИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Кросс-культурный
анализ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ
МОСКВА · 2023

УДК 316.6:314.74
ББК 88.54
М91

<https://elibrary.ru/jjwpws>

Монография подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по результатам проекта «Социально-психологическое пространство эмиграционных намерений молодежи: кросс-культурный анализ» (№ 20-013-00156)

Рецензенты:

кандидат психологических наук, доцент, ведущий эксперт
Центра общего и дополнительного образования имени А.А. Пинского
Института образования НИУ ВШЭ А.С. *Обухов*;
доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития Саратовского государственного национального исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского *Р.М. Шамионов*

Мурашенкова, Н. В., Гриценко, В. В., Ефременкова, М. Н.

М91 Социально-психологическое пространство эмиграционных намерений студенческой молодежи: кросс-культурный анализ [Текст] : моногр. / Н. В. Мурашенкова, В. В. Гриценко, М. Н. Ефременкова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. — 304 с. — ISBN 978-5-7598-2941-6 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-4006-0 (e-book).

На основании анализа отечественных и зарубежных научных работ в области психологии эмиграции авторами разработана теоретическая модель социально-психологического пространства эмиграционных намерений современной молодежи. Предложены два опросника по изучению мотивационных оснований и компонентов планируемого эмиграционного поведения студенческой молодежи; проведена эмпирическая верификация модели социально-психологического пространства эмиграционных намерений студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России в условиях пандемии COVID-19. Изучены кросс-культурные различия социально-психологического пространства эмиграционных намерений российской, белорусской и казахстанской молодежи; проанализирована роль тематических онлайн-форумов, посвященных эмиграции, в развитии эмиграционной активности современной российской молодежи и преодолении пре-аккультурационного стресса у потенциальных эмигрантов. Разработана трехуровневая (на уровне субъекта, группы и общества) система рекомендаций по предупреждению эмиграции молодежи из России.

Монография может быть интересна и полезна специалистам по работе с молодежью — психологам, социологам, педагогам, государственным служащим и др. — Беларуси, Казахстана и России.

УДК 316.6
ББК 88.54

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-2941-6

ISBN 978-5-7598-2941-6 (в обл.)
ISBN 978-5-7598-4006-0 (e-book)

© Мурашенкова Н.В., Гриценко В.В.,
Ефременкова М.Н., 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5

Раздел 1. Теоретические основы изучения социально-психологического пространства эмиграционных намерений современной молодежи

Глава 1. Социально-психологическое пространство эмиграционных намерений молодежи как объект психологического исследования	11
Глава 2. Теоретическая модель социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи	26

Раздел 2. Кросс-культурный анализ структуры социально-психологического пространства эмиграционных намерений современной студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России

Глава 3. Эмиграционная активность современной молодежи Беларуси, Казахстана и России (выборка, процедура и контекст исследования)	73
Глава 4. Методический инструментарий для анализа структуры социально-психологического пространства эмиграционных намерений студенческой молодежи	78
Глава 5. Географические направления и особенности планируемой эмиграции студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России.....	92
Глава 6. Мотивационная основа эмиграционной активности студенческой молодежи трех стран	102
Глава 7. Ценностные основания эмиграционной активности белорусских, казахстанских и российских студентов	114

Глава 8. Социальная идентичность и эмиграционная активность студентов трех стран	134
Глава 9. Представления о настоящем и будущем своей страны как факторы эмиграционной активности студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России	150
Глава 10. Представления о личном настоящем и будущем как факторы эмиграционной активности белорусских, казахстанских и российских студентов	168
Глава 11. Система эмоциональных привязанностей как фактор эмиграционной активности студенческой молодежи трех стран	183
Глава 12. Ощущение безопасности, страх перед COVID-19, воспринимаемая дискриминация и удовлетворенность жизнью как предикторы эмиграционной активности белорусских, казахстанских и российских студентов	188
Глава 13. Результаты эмпирической верификации мультигрупповой модели социально-психологического пространства эмиграционных намерений студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России	195
Глава 14. Качественный анализ российского интернет-пространства как среды для принятия решения об эмиграции и преодоления пре-аккультурационного стресса	215
Заключение	232
Список литературы	241
Приложения	273
Приложение 1. Система рекомендаций, применимых на уровне субъекта, группы и общества с целью сохранения образованной молодежи в России и предупреждения ее эмиграции	275
Приложение 2. Анкета для изучения социально-психологического пространства эмиграционных намерений студенческой молодежи	279

ВВЕДЕНИЕ

Данная монография — это итог коллективной научной работы, посвященной кросс-культурному анализу системы психологических факторов эмиграционных намерений студенческой молодежи трех стран: Беларуси, Казахстана и России. Идея создания этой монографии возникла в далеком 2019 году — в другой жизни, как может показаться теперь, с высоты 2023 года и тех событий, свидетелями которых мы стали. Стремительные кардинальные перемены, произошедшие в 2020 году с началом пандемии COVID-19 и продолжившиеся в дальнейшем, могли бы поставить под сомнение актуальность начатого научного проекта. Но этого не последовало. Напротив, произошедшие изменения значительно повысили актуальность исследуемой научной проблемы. И сегодня мы с уверенностью можем утверждать, что результаты нашей работы позволяют комплексно взглянуть на проблему социально-психологической обусловленности эмиграционной активности современной молодежи. И мы надеемся, что данная монография окажется полезной для глубокого понимания и эффективного решения проблемы миграционного оттока молодого образованного трудоспособного населения нашей страны.

За три года научной работы мы решили (надеемся, что продуктивно) ряд задач. Было проведено теоретическое обоснование актуальности и перспектив изучения социально-психологического пространства эмиграционных намерений современной студенческой молодежи разных стран. На основании тщательно-го глубокого анализа отечественных и зарубежных научных работ в области психологии эмиграции мы разработали теоретическую модель социально-психологического пространства эмиграционных намерений современной молодежи. Модель базируется на синтезе двух психологических концепций: теории планируемого поведения А. Айзена и концепции социально-психологического пространства А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко. Мы разработали два авторских опросника по изучению мотивационных оснований и компонентов планируемого эмиграционного поведения студенческой молодежи и использовали их, наряду с

методиками других авторов, в основном эмпирическом исследовании. Мы провели эмпирическую верификацию модели социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи трех стран. При этом сбор данных основного исследования осуществлялся в непростых условиях пандемии COVID-19 при выраженной гражданской активности молодежи трех стран, обусловленной социально-политическими условиями и изменениями в изучаемых странах. Это предоставило дополнительные возможности для контекстного анализа планируемого эмиграционного поведения молодежи. На основе собранных данных мы изучили кросс-культурные различия социально-психологического пространства эмиграционных намерений российской, белорусской и казахстанской молодежи, выявив схожие и отличные черты в системе социально-психологических детерминант планируемого эмиграционного поведения у студентов трех стран. Наряду с этим, учитывая значимость цифровой среды в жизни современной молодежи, мы проанализировали российское интернет-пространство тематических онлайн-форумов, посвященных эмиграции. Это дало возможность определить роль данных форумов в развитии эмиграционной активности современной российской молодежи и преодолении пре-аккультурационного стресса у потенциальных эмигрантов. Наконец, на основании системного анализа полученных результатов мы разработали и представили в приложении 1 данной монографии рекомендации по сохранению ценного образованного молодого человеческого капитала в России.

Будем рады, если монография привлечет внимание специалистов из различных областей и направлений, работающих с молодежью (педагогов, психологов, социологов, государственных служащих), и всех тех, кому небезразлична судьба нашего молодого поколения, нашего общества и нашей страны.

Мы выражаем глубокую признательность доктору психологических наук, профессору, директору Центра социокультурных исследований Александру Николаевичу Татарко, который на протяжении трех лет выступал научным консультантом по проекту, принимал участие в обсуждении результатов исследования, давал ценные комментарии и содержательный отклик на нашу работу.

Мы также очень признательны нашим коллегам из Беларуси, Казахстана и России, благодаря которым сбор эмпирических данных оказался возможен: Елене Ивановне Бурдиной, Светлане Дзахотовне Гуриевой, Наталье Валентиновне Калининой, Всеволоду Валентиновичу Константинову, Елене Васильевне Кулеш, Арине Юрьевне Маленовой, Светлане Александровне Стельмах, Галине Александровне Фофановой.

Дорогие читатели, нам было очень интересно работать над этим проектом. Надеемся, что и вам будет интересно знакомиться с его результатами, изложенными на страницах данной монографии.

*С уважением,
Надежда Муращенко,
Валентина Гриценко,
Мария Ефременкова*

Раздел 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЭМИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭМИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ МОЛОДЕЖИ КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Молодежь как ценный ресурс общества: риски эмиграционной мобильности

Эмиграция современной молодежи — это повсеместное явление, характерное для всех стран мира, будь то Россия [Байков и др., 2018; Зинченко, Зотова, 2013; Рязанцев, Гребенюк, 2014; Савоскул, 2015; Kvartiuk et al., 2020; Tartakovsky et al., 2017b], государства постсоветского пространства [Богданова, 2018; Bryer et al., 2020; Nugin, 2014; Van Mol et al., 2018], страны Европы [Bjarnason, Thorlindsson, 2006; Gajdošová, Orosová, 2019; Meyer, 2018; Orosová et al., 2017; Thulin, Vilhelmson, 2016; Van Dalen, Henkens, 2007, 2013; Wiest, 2016; Williams et al., 2018], Китай [Liu-Farrer, 2016; Xiang, Wei, 2009], США [Marrow, Klekowski von Koppenfels, 2020], страны Южной Америки [Roth, 2012], Африки [Bagraim, 2013; Ossai et al., 2020], Азиатско-Тихоокеанского региона [Gibson, McKenzie, 2011]. В самом общем виде эмиграция (от лат. *emigre* — «выселяюсь», «переселяюсь») определяется в науке как «выезд из одной страны в другую на постоянное (иногда на неопределенно длительное время) проживание, как правило, с изменением гражданства» [Юдина, 2007, с. 332]. Вместе с тем существуют формы эмиграции: безвозвратная (постоянная) и возвратная (временная) эмиграция [Ионцев и др., 2016]. Временная эмиграция, в свою очередь, может быть краткосрочной (условно — до трех месяцев) и долгосрочной (свыше трех месяцев) [Ионцев и др., 2016]. В социальной психологии эмиграцию рассматривают как особый тип социального поведения личности, вовлеченный в социальный контекст [Фролова, 2010], обусловленный изменением практически всех сторон и условий жизни субъекта и тесно связанный с процессами адаптации [Бондырева, Колесов, 2004], как средство реализации эмиграционной жизненной стратегии [Фролова, 2020]. Эксперты чаще всего сходятся во мнении относительно того, что эмиграция

молодежи из страны на постоянное место жительства за границу — это явление негативное, влияющее на демографическую ситуацию в стране, ее социально-экономическую безопасность, динамику развития и социальный оптимизм общества [Байков и др., 2018]. Однако несмотря на это в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года¹ вопросы эмиграции молодежи практически не представлены [Ионцев и др., 2016].

За прошлый год проблема эмиграции молодежи из нашей страны обострилась в связи с объявлением о начале специальной военной операции России в Украине 24 февраля 2022 года. Согласно данным Росстата, число выбывших из страны за период с января по май 2022 года (419 085 человек) в два раза превышает аналогичный показатель за тот же период, зафиксированный в 2021 году (202 562 человек). По данным ведомства, с начала 2022 года продолжает наблюдаться миграционный отток населения России [Социально-экономическое положение России, 2022]. При этом есть основания полагать, что данная тенденция сохранится и далее, что может быть связано с ростом числа желающих уехать из России после объявления частичной мобилизации в стране 21 сентября 2022 года. Так, по данным российских и зарубежных СМИ, ссылающихся на официальные источники информации, власти Казахстана и Грузии в первую неделю после объявления в России частичной мобилизации зафиксировали значительное увеличение числа россиян, въезжающих в эти страны (более чем на 30% в сравнении с предшествующим периодом)².

Стоит отметить при этом, что тенденция роста числа уезжающих из России фиксируется на фоне общего снижения эмиграционных настроений россиян (по данным ВЦИОМ) [Эмиграционные настроения: мониторинг, 2022], в том числе и российской молодежи, о чем свидетельствуют результаты опроса «Левада-

¹ <http://kremlin.ru/events/president/news/58986>.

² МВД Грузии сообщило число граждан РФ, въехавших в страну за последние десять дней. <https://www.newsgeorgia.ge/mvd-gruzii-soobshhilo-chislo-grazhdan-rf-vehavshih-v-stranu-za-poslednie-10-dnej>. В Казахстан с 21 сентября въехали более 200 тысяч россиян. Депортировали семерых. <https://www.gazeta.ru/politics/2022/10/04/15571807.shtml>.

Центра»³ [Эмиграционные настроения, 2022]: если в феврале 2022 года о своих эмиграционных желаниях сообщали 43% опрошенных в возрасте 18–24 лет, то в марте — уже 25% респондентов в данной возрастной группе. Но при этом нельзя также исключать и то, что многие из желающих уехать из страны на момент данного опроса (24–30 марта 2022 года) могли *уже* осуществить этот переезд.

Научный анализ работ в области психологии эмиграции дает основания предполагать, что переезд за границу в текущих условиях выбирают те, кто не только материально, но и психологически к нему готов/предрасположен. Психологические факторы играют не менее значимую роль в формировании эмиграционного поведения, чем какие-либо другие [Муращенкова, 2021б]. В связи с этим ретроспективный анализ социально-психологического пространства эмиграционных намерений российской молодежи особенно важен как для понимания психологических движущих сил / ресурсов эмиграционного поведения в современной России, так и для анализа его последствий. Эти последствия связаны с прогнозированием характера изменений психологического профиля российской молодежи в будущем: понимание психологических характеристик потенциальных/реальных эмигрантов дает возможность моделировать вероятные изменения в стране исхода при потере определенной категории граждан в результате их переезда [Berlinschi, Narutyunyan, 2019; Voneva, Frieze, 2001]. И наиболее продуктивным в данном случае является социокультурный подход, позволяющий провести сравнительный анализ изучаемых феноменов и взаимосвязей у представителей разных культурных групп.

Проблема миграционного оттока населения (в том числе и молодежи) не нова для России. Согласно официальным данным, в доковидный период в 2018 году всего из России эмигрировали 440 831 человек [Бюллетень Росстата «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году»]⁴. На

³ С 5 сентября 2016 года «Левада-Центр» включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

⁴ Вероятнее всего, в реальности данная цифра выше, так как официальная статистика не включает информацию о тех, кто переезжает за границу, но не снимается с регистрационного учета по месту жительства.

возрастной диапазон от 15 до 19 лет пришлось 5,43% эмигрантов (23 955 человек), от 20 до 24 лет — 13,48% (59 432 человека), от 25 до 29 лет — 14,04% (61 887 человек). Таким образом, процент эмигрировавших в 2018 году молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет составил 32,95% от общего количества эмигрантов из России. Особого внимания требуют результаты проведенного в сентябре 2019 года опроса «Левада-Центра»⁵, отражающие актуальные для доковидного периода эмиграционные настроения российской молодежи [Гончаров, Волков, 2019]. Согласно этим данным, 53% опрошенных в возрасте 18–24 лет в сентябре 2019 года хотели уехать за границу на постоянное место жительства. Результаты проведенного нами опроса (октябрь 2019 — январь 2020 года) на выборке студентов-смолян в возрасте от 17 до 24 лет практически идентичны данным «Левада-Центра»: 52,2% наших респондентов высказались о своем желании эмигрировать из России [Муращенкова, 2021а]. В целом рост эмиграционных намерений у молодых людей фиксируется «Левада-Центром» начиная с 2014 года, а ученые [Варшавская, Чудиновских, 2014; Иванова, 2017; Леденева, Некипелова, 2003; Рочева, Варшавер, 2020] отмечают, что эмиграционные намерения были и остаются достаточно распространенным явлением в среде российской молодежи. Ученые подчеркивают, что проблема утечки ценного человеческого капитала усугубляется тем, что эмиграция из России на сегодняшний день является практически неуправляемым процессом [Байков и др., 2018; Зинченко, Зотова, 2013; Ионцев и др., 2016].

На этом фоне дополнительными факторами, стимулирующими эмиграционную мобильность российской молодежи, могут являться проблемы и противоречия в реализации государственной молодежной политики в стране на разных уровнях управления [Омельченко, Лисовская, 2022]. Как отмечают Е.Л. Омельченко и И.В. Лисовская, анализируя результаты тридцати интервью с экспертами в области молодежной политики России, существуют различия и противоречия в понимании и прочтении чиновниками молодежной политики государства, что обусловлено в

⁵ С 5 сентября 2016 года «Левада-Центр» включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

том числе различиями в отношении к молодежи: как к ресурсу, объекту или значимому агенту / субъекту / активному участнику социальных изменений [Омельченко, Лисовская, 2022]. И одним из ключевых дискуссионных вопросов в данном случае является прочтение и понимание государственными служащими смысла и практик патриотического воспитания как важнейшего фактора профилактики эмиграционной активности молодежи.

Значимым «выталкивающим» фактором эмиграции для молодых россиян выступает также неудовлетворенность качеством получаемого образования, социально-экономической ситуацией и перспективами развития страны в целом [Басманова и др., 2013; Варшавская, Чудиновских, 2014]. Самые распространенные каналы эмиграции молодежи — образовательный и трудовой [Байков и др., 2018]. И даже временная образовательная и трудовая миграция за рубеж, как показывает практика [Ионцев и др., 2016; Флоринская, Карачурина, 2018], часто становится каналом выезда российской молодежи на постоянное место жительства за границу.

Подчеркнем, что профилактика миграционного оттока населения требует изучения эмиграционных намерений прежде всего молодежи, так как на уровне общества эмиграционные намерения молодежи являются предикторами популяционной динамики. И именно образованная молодежь в современную эпоху цифровой глобализации чаще обращается к эмиграции как средству достижения значимых целей [Thulin, Vilhelmson, 2016]. В то же время качество образования, состояние здоровья, ценности и цели молодежи страны в настоящем во многом определяют качество и уровень жизни в стране в будущем. То есть молодежь является ценным ресурсом любого общества. А молодые люди, проявляющие эмиграционную активность, как правило, являются особенно ценным социальным капиталом: неслучайно тема эмиграционной активности молодежи часто обсуждается в сочетании с такой традиционной темой, как «утечка умов» [Голиков, Ковалькова, 2015; Ионцев и др., 2016; Ушкалов, Малаха, 2016; Флоринская, Карачурина, 2018; Orosová et al., 2018], а также с менее традиционной, но все чаще описываемой «утечкой счастья» [Helliwell et al., 2018; International Migration and World Happiness, 2018; Ivlevs, 2015; Polgreen, Simpson, 2011].

В рамках социально-демографического подхода «молодежь» определяется как отдельная группа на основании двух критериев: общей специфики интересов, ценностей, статусных параметров, а также возраста. Границы молодежной группы чаще пролегают в диапазоне от 14–16 лет до 25–30 лет [Байков и др., 2018]. В России с 2020 года⁶ возраст молодежи официально определен границами от 14 до 35 лет (Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»). В рамках изучения эмиграционной активности молодежи особого внимания требует анализ эмиграционных намерений студенчества как специфической группы, отличающейся выраженной познавательной мотивацией, высоким образовательным уровнем, социальной активностью и, как отмечают психологи [Зимняя, 2010], достаточно гармоничным сочетанием интеллектуальной и социальной зрелости.

Как показывают исследования, наибольшее стремление к эмиграции демонстрируют именно молодые образованные люди [Thulin, Vilhelmson, 2016], студенты и выпускники университетов [Gajdošová, Orosová, 2019], особенно на этапе перехода от получения высшего образования к трудоустройству [De Jong, Fonseca, 2020; Hoppe, Fujishiro, 2015; Ossai et al., 2020]. Это отчасти может объясняться гипотезой наиболее впечатлительных лет [Krosnick, Alwin, 1989], согласно которой особенно восприимчивы к изменениям люди в течение позднего подросткового возраста и периода ранней зрелости. У студентов целесообразно изучать именно эмиграционные намерения, так как реализовать эмиграционное поведение они еще не могут в силу объективных причин [Gajdošová, Orosová, 2019]. У выпускников же вероятность реализации эмиграционных намерений наиболее высока в первые два года после окончания обучения [Hoppe, Fujishiro, 2015].

Студенчество как социально-психологическая группа характеризуется чаще всего возрастной однородностью (период поздней юности и ранней зрелости от 18 до 25 лет), высокой мобильностью, общностью интересов и образа жизни, специфической студенческой субкультурой (предполагающей многообра-

⁶ <https://rg.ru/documents/2021/01/11/molodez-dok.html>.

зие форм коллективной деятельности и высокую интенсивность общения), а также ориентацией на собственное будущее (поиск себя, своего места в жизни, развитие идентичности, формирование профессиональных и личных интересов и планов, ориентация на достижения и самореализацию). В то же время студентам часто присущи проявления иллюзорного романтизма, нигилизма, максимализма и волевой дисгармонии [Шарипов, 2012]. Перечисленные особенности в условиях нестабильности априори могут являться факторами формирования выраженной эмиграционной активности [Frieze et al., 2004; Orosova et al., 2017; Williams et al., 2018]. Однако риск утраты представителей студенчества в результате эмиграции может быть обусловлен и специфическими особенностями условий, в которых они находятся [Флоринская, Карачурина, 2018], а именно: современной образовательной средой вузов, ориентированных на международное сотрудничество, а также широким цифровым информационным пространством, предоставляющим доступ к данным об основных каналах и механизмах эмиграции с возможностью личного общения и взаимодействия с эмигрировавшими сверстниками, чаще всего транслирующими позитивные представления об эмиграции в целом. Безусловно, все это несет в себе дополнительные риски. Однако речь здесь не идет о необходимости прекращения международного сотрудничества, ликвидации перечисленных возможностей в вузовской среде, ограничения цифрового контента с целью сохранения человеческого капитала внутри страны. Речь идет о необходимости разработки на научной основе специальных программ предварительной подготовки студентов к международной академической мобильности, а также создания благоприятных условий в рамках страны для реализации устремлений и потенциала молодежи с целью профилактики ее эмиграционного поведения.

Студенческая молодежь может рассматриваться как коллективный субъект [Журавлев, 2018], в связи с чем анализ социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи может производиться на индивидуальном (отдельные представители студенчества как объекты исследования социальной психологии личности), групповом (группы студенческой молодежи в рамках страны как объект исследования соци-

альной психологии группы) и макросистемном (студенческая молодежь разных стран как объект исследования социальной макропсихологии) уровне [Юревич, Ушаков, 2007]. Возрастной интервал от 18 до 25 лет — это фаза жизненного пути, на которой будущее определено в минимальной степени, изменения происходят особенно интенсивно, а для реализации возможны множественные жизненные траектории и пути [Arnett, 2000]. Эмиграционные намерения молодых людей в возрасте 18–25 лет особенно подвижны в силу более высокого уровня неопределенности на данном этапе жизни в сравнении с более поздними периодами [Dommermuth, Klüsener, 2018]. Таким образом, студенческая молодежь закономерно попадает в фокус внимания исследования социально-психологических детерминант планируемого эмиграционного поведения, с одной стороны — как группа риска в плане актуализации эмиграционной активности, а с другой стороны — как значимый социальный капитал общества, как наиболее образованная, активная, трудоспособная часть населения, от которой зависят будущее страны и ее демографическая и социально-экономическая безопасность, а также социальное и психологическое благополучие общества в целом.

1.2. Значимость психологического анализа факторов эмиграционной активности современной молодежи

Как актуальное явление современной действительности эмиграционное поведение является объектом изучения различных наук: демографии, социологии, экономики, психологии и др. Довольно часто исследования в области международной миграции носят междисциплинарный характер, что обусловлено системностью, многомерностью и многоуровневостью причин и факторов, влияющих на эмиграционное поведение людей [De Naas, 2014; Orosova et al., 2018]. Однако в последнее время справедливо обращается особое внимание на роль и место психологии в междисциплинарной дискуссии в области международной миграции [Schwartz et al., 2019]. Наряду с этим высокий уровень эмиграционной активности молодежи в странах как с низким, так и с высоким уровнем дохода ставит под сомнение доминанту экономической составляющей мотивации потенци-

альных эмигрантов и стимулирует обращение к анализу вероятных психологических факторов соответствующего поведения. Возможность прогнозирования формирования эмиграционных намерений у молодых людей на основе знания психологических детерминант данных намерений создает дополнительные возможности профилактики эмиграционной активности среди молодежи и сохранения, тем самым, ценного социального капитала на уровне страны. Помимо этого изучение психологических особенностей потенциальных эмигрантов позволяет прогнозировать вероятные изменения в развитии страны исхода по причине возможной утраты определенной категории людей в результате их переезда [Berlinschi, Narutyunyan, 2019; Boneva, Frieze, 2001], что также подтверждает значимость психологических изысканий в рассматриваемой научной области. Так, например, инвестиции, торговля, внедрение новых технологий могут быть очень чувствительны к уходу людей с высоким уровнем общего доверия и склонностью к риску. Эмиграция людей с низкой терпимостью к коррупции и обману может привести к тому, что негативные поведенческие нормы в стране исхода будут усилены. А в ситуации выраженности политических мотивов переезда и значимости собственной политической приверженности для потенциальных эмигрантов их отъезд может изменить политические группы и расстановку сил в стране происхождения.

Молодежная политика, ориентированная на эффективную реализацию потенциала молодого поколения и его сохранение на уровне страны, должна помимо прочего учитывать интересы, ценности, представления и ожидания самой молодежи. Неслучайно значимость *взаимодействия* молодежи и органов власти при реализации молодежной политики отражена в «Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Согласно данному документу, «признание молодежи равноправным партнером в формировании и реализации государственной молодежной политики» является одним из основных принципов ее реализации, а одной из приоритетных задач является «интенсификация механизмов обратной связи между государственными структурами, общественными объединениями и молодежью» [Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до

2025 года, 2014]. То есть речь идет о важности и необходимости слушать и слышать молодежь, понимать ее поколенческие [Радаев, 2018], культурологические и социально-психологические особенности [Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности, 2020]. Классические линии жизненного пути и профессионального развития становятся все менее актуальными для современной молодежи России, которая социализируется в условиях поливариативности жизненных стилей, выборов и стратегий и является особенно мобильной и адаптивной к изменяющемуся социальному контексту [Кравцова, Кузинер, 2022; Радаев, 2019]. Современная студенческая молодежь (не только в России, но и в других странах) все больше склонна к гибкости при восприятии и оценке социального мира, признает сложность и противоречивость человеческого поведения, отмечает ценность и продуктивность собственной активности в достижении значимых результатов [Мурашенкова, 2022]. Данные тенденции повышают актуальность изучения психологических оснований эмиграционной активности современной молодежи.

1.3. Возможности и перспективы изучения социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи Беларуси, Казахстана и России

В отечественной и зарубежной психологии существуют исследования социально-психологических предикторов эмиграционных интенций и поведения личности [Аллахвердян, Аллахвердян, 2003; Бакина и др., 2019; Басманова и др., 2013; Блинова, 2013; Болотова, 2013; Бондырева, Колесов, 2004; Гуревич, 2004, 2005; Зинченко, Зотова, 2013; Кузнецова, 2012; Лиукконен, 2008; Мостиков, 2015; Плющ и др., 2014; Сычев и др., 2021; Фролова, 2015, 2020; Хрусталева, 1996; Чувашов, 2014; Чувашов, Татарко, 2014; Юревич, Цапенко, 2009; Clark, Lisowski, 2017; Coulter et al., 2011; Dommermuth, Klüsener, 2018; Engle et al., 2015; Hooijen et al., 2020; Hoppe, Fujishiro, 2015; Klabunde, Willekens, 2016; Kleu, 2017; Remhof et al., 2014]. Однако отсутствуют исследования, посвященные выявлению и анализу *целостной структуры социально-психологического пространства, в рамках которого формируются эмиграционные намерения современной*

молодежи. Отсутствуют исследования, направленные на анализ культурных различий социально-психологического пространства эмиграционных намерений современной молодежи, при том что понятия психологического и социально-психологического пространства уже прочно вошли в терминологический аппарат отечественной психологии благодаря исследованиям А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко [Журавлев, Купрейченко, 2006, 2012], Ю.М. Забродина [Забродин, 2005], С.К. Нартовой-Бочавер [Нартова-Бочавер, 2005; 2016], И.А. Соиной [Соина, 2012], Д.И. Фельдштейна [Фельдштейн, 1996].

А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко отмечают, что социально-психологическое пространство личности — это частный случай психологического пространства, которое образовано объектами, имеющими социальную природу [Журавлев, Купрейченко, 2012]. То есть это сформированная субъектом система позитивно, нейтрально или негативно значимых социальных объектов и явлений (включая самого субъекта), занимающих конкретные позиции в структуре этого пространства, находящихся в специфических связях и отношениях друг с другом и выполняющих некоторые функции или роли в соответствии с определенными нормами и правилами. Социально-психологическое пространство — это реальность, сформированная самим субъектом в соответствии с его мировоззрением, это «своеобразная переходная, “буферная зона” между внешним миром и внутренним миром субъекта» [Журавлев, Купрейченко, 2012, с. 12].

В психологии выделяют общие содержательные и формально-динамические характеристики социально-психологического пространства [Журавлев, Купрейченко, 2012]. К содержательным характеристикам относят элементы пространства (люди, группы, объекты и явления), «координатные оси» (ценности и смыслы, цели и функции, различные виды связей и отношений, например, доверие, принадлежность и др.), основные связи и отношения между элементами пространства, закономерности, которым подчиняется пространство, и тенденции его изменения. Формально-динамическими характеристиками социально-психологического пространства являются: сформированность и структурированность пространства, его плотность или разреженность, закрытость или проницаемость границ, устойчивость

к внешним воздействиям и др. Среди ключевых психологических предикторов структуры и содержания социально-психологического пространства субъекта ученые часто выделяют потребностно-мотивационные, ценностно-смысловые компоненты личности, а также представления субъекта о мире и собственном месте в нем [Леонтьев, 2007; Соина, 2012]. Социально-психологическое пространство детерминирует жизнь и поведение человека, группы и общества в целом. В свою очередь, выделяют различные типы социально-психологического пространства. Параметрами классификаций могут являться сферы жизнедеятельности, типы элементов пространства, а также типы субъекта — носителя пространства, в связи с чем выделяются пространства личности, малой или большой группы, конкретного региона и общества в целом [Журавлев, Купрейченко, 2012].

С точки зрения нашего исследования, особо значимыми являются следующие базовые положения концепции социально-психологического пространства личности, представленной в отечественной психологии: «о понимании социально-психологического пространства как основы и результата самоопределения субъекта; о детерминации социально-психологического пространства социальными связями и отношениями; о существовании взаимодействия между различными объектами социально-психологического пространства личности; о типичности, универсальности структуры социально-психологического пространства различных субъектов; о множественности социально-психологических пространств у одного субъекта; о многообразии видов и структур социально-психологических пространств; о многообразии процессов формирования социально-психологического пространства и оснований категоризации его элементов» [Журавлев, Купрейченко, 2012, с. 12].

Целью нашего исследования стало выявление общих и специфических характеристик социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи трех стран: Беларуси, Казахстана и России. Выбор данных государств для проведения исследования не случаен и обусловлен рядом причин. Прежде всего Россия, Беларусь и Казахстан — это государства постсоветского пространства, имеющие общую историю и тесные связи, но в то же время уже более тридцати лет функцио-

нирующие как независимые государства, для которых характерны различные трансформации и суверенные пути развития. После распада союзного государства эти страны, с одной стороны, стремились к сохранению тесных социально-экономических и культурных связей (о чем говорит создание Таможенного союза, Единого экономического пространства). С другой стороны, в каждой из этих стран, избравшей собственный исторический путь развития, сложились свои политические, экономические, социокультурные реалии, которые не могли не повлиять на социализацию молодых людей, на их идентичность и устремления [Дергунова, Лукафина, 2017; Дырина, 2021; Нысанбаев и др., 2019].

Значимо также географическое положение трех стран и доминирующие ценности населения каждой из них. Географически Казахстан в большей степени расположен в Центральной Азии, Беларусь — в Восточной Европе, а Россия — в Восточной Европе, Северной и Центральной Азии. Согласно данным исследовательского проекта «Всемирный обзор ценностей»⁷, Беларусь сочетает в себе выраженные ценности выживания с секулярно-рациональными ценностями, в Казахстане в гораздо большей степени тяготеют к традиционным ценностям и более ярко выражены ценности самовыражения, Россия занимает в данной координатной системе промежуточное положение между Беларусью и Казахстаном (шестая волна измерений WVS) [Локшин, 2020]. Таким образом, подобное «промежуточное», «срединное» географическое и ценностное положение России между Беларусью и Казахстаном позволяет, на наш взгляд, прогнозировать возможности выявления общих и специфических характеристик социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи данных стран в процессе кросс-культурного анализа.

Фундаментальная научная проблема, на решение которой направлено исследование, — это поиск новых эффективных подходов и методов сохранения образованного человеческого капитала на уровне страны. Эффективное решение данной проблемы предполагает проведение психологического анализа компонентов планируемого эмиграционного поведения молодежи, опре-

⁷ <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>.

деление системы их социально-психологических предикторов, проведение анализа структуры социально-психологического пространства эмиграционных намерений у представителей молодежи из различных культурных групп с целью выявления сходств и различий для более полного и глубокого понимания сущности изучаемого проблемного поля.

В своей работе мы опираемся на ряд тезисов. Эмиграционное поведение включает в себя несколько этапов, самым длительным из которых обычно является этап планирования, а его основным компонентом — формирование эмиграционного намерения. Эмиграционное намерение как основной элемент эмиграционной направленности личности детерминируется комплексной системой социально-психологических факторов, образующих целостное социально-психологическое пространство взаимосвязанных элементов (ценностей, представлений, типов отношений, типов идентичностей и др.). Данное социально-психологическое пространство имеет общие и специфические черты у представителей молодежи разных стран. Кросс-культурный анализ структуры социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи может способствовать повышению эффективности прогнозирования и профилактики эмиграционной активности молодежи изучаемых стран.

Текущее исследование отличается новизной в связи с тем, что в отечественной и зарубежной психологии отсутствуют научные работы, направленные на выявление содержания и структуры социально-психологического пространства эмиграционных намерений, не проводился и кросс-культурный анализ социально-психологического пространства эмиграционных намерений современной молодежи. Мы надеемся, что полученные результаты обогатят не только отечественный, но и зарубежный опыт понимания социально-психологической природы и детерминант планируемого эмиграционного поведения молодежи, а также его последствий, проявляющихся как в плоскости макросоциальных (на уровне обществ), так и микросоциальных (на уровне личности) процессов.

Мы также надеемся, что результаты исследования будут углублять и расширять проблемное поле теории социально-пси-

психологического пространства личности, стимулировать развитие данной концепции и рост теоретических и эмпирических исследований в этой области. Текущее исследование предполагает также формулирование системы рекомендаций, применимых как на уровне субъекта, группы, так и на уровне общества в целом, относительно сохранения человеческого капитала в условиях страны и предупреждения массовой эмиграции молодежи (приложение 1). Полученные данные могут быть использованы в процессе прогнозирования эмиграционного поведения молодежи, а также в процессе оказания психологической поддержки и помощи потенциальным эмигрантам из числа молодежи. Результаты будут способствовать расширению понимания специалистами в сфере молодежной политики и помогающих профессий психологических причин эмиграционного поведения и детерминирующих его условий.

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЭМИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ МОЛОДЕЖИ

2.1. Эмиграционное намерение как компонент планируемого эмиграционного поведения и ядро соответствующего социально-психологического пространства

Ключевым элементом (ядром) социально-психологического пространства эмиграционного намерения является само намерение и другие эмиграционные интенции, присутствующие в сознании молодежи в открытом (осознанном) или скрытом (латентном) состоянии как возможная основа для формирования эмиграционного намерения. О наличии латентных эмиграционных интенций мы можем говорить, в частности, при готовности субъекта в условиях воображаемой ситуации рассуждать на тему того, в какую бы страну он уехал жить в результате гипотетически предоставленной возможности для этого. Прежде чем перейти к анализу эмиграционного намерения и его значимых характеристик, подчеркнем, что изучение социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи как системы социально-психологических детерминант предполагает, во-первых, обращение фокуса исследовательского внимания на добровольное, а не вынужденное эмиграционное поведение [Boneva, Frieze, 2001], во-вторых, анализ процессуального (предполагающего наличие этапов или стадий), а не просто событийного характера эмиграции [Boneva, Frieze, 2001; Docquier et al., 2014; Kley, 2017] и, в третьих, учет макрофакторов формирования эмиграционных интенций: той социальной, политической и экономической среды, в которой они развиваются [Carling, Schewel, 2018]. Данные макрофакторы как среда развития эмиграционных интенций, взаимодействуя с индивидуальными психологическими и социально-психологическими характеристиками (микрофакторами), обуславливают вектор развития эмиграционных интенций [Carling, Collins, 2018; Collins, 2018; Meyer, 2018].

Эмиграционное поведение, связанное с переездом в другую страну на постоянное место жительства, включает в себя

несколько этапов. В отечественной и зарубежной науке можно встретить концепции, описывающие двух- [Carling, Schewel, 2018; Docquier et al., 2014), трех- [Kley, 2017; Kley, Mulder, 2010; Рыбаковский, 2003] и четырехэтапные [Tabor, Milfont, 2011] модели добровольной эмиграции. Дж. Карлинг и К. Шевел [Carling, Schewel, 2018] выделяют два этапа: формирование и реализацию эмиграционных намерений. Примером трехэтапной модели добровольной эмиграции является модель С. Клэй [Kley, 2017; Kley, Mulder, 2010], в которой в качестве первичной стадии выделяется этап рассмотрения вопроса о переезде. В случае положительного решения в пользу эмиграции осуществляется второй этап — планирование переезда. Завершающей стадией является этап реализации запланированного. Л.Л. Рыбаковский также предлагает трехстадийную миграционную модель, включающую подготовительный этап (формирование территориальной подвижности), основной (собственно переселение) и заключительный (адаптация на новом месте) этапы [Рыбаковский, 2003]. А.С. Табор и Т.Л. Милфонт [Tabor, Milfont, 2011] описывают модель добровольной эмиграции, включающую четыре стадии: этап предварительного рассмотрения вопроса об эмиграции, этап размышления, этап действия и стадию аккультурации. Четырехэтапная модель эмиграционного поведения наиболее полно и дифференцированно, на наш взгляд, отражает процесс международной мобильности. Ориентация на данную модель позволяет реализовать системный и комплексный подход к исследованию эмиграционного поведения, дает возможность оценить специфику связи между определенными эмиграционными интенциями людей и реальными действиями по осуществлению переезда, позволяет выявить психологические факторы эмиграционного поведения, а в отдельных случаях оценить и предикторы возвратной миграции. Однако в методическом плане данный подход ориентирует исследователя на проведение продольных срезов, что часто требует значительных временных, трудовых и материальных затрат.

Несмотря на количество выделяемых этапов, каждый из подходов предполагает наличие предварительного подготовительного этапа эмиграционной активности, рубежом итогом которого, как правило, выступает формирование эмиграционного намерения личности. Эмиграционное намерение [Clark,

Lisowski, 2017; Coulter et al., 2011; Dommermuth, Klüsener, 2018; Engle et al., 2015; Hooijen et al., 2020; Hoppe, Fujishiro, 2015; Klabunde, Willekens, 2016; Kley, 2017; Remhof et al., 2014; Чувашов, 2014; Чувашов, Татарко, 2014] — это частный вид эмиграционных интенций личности, наряду с рассматриваемыми в исследованиях эмиграционными желаниями [Cai et al., 2014; Carling, Collins, 2018; Collins, 2018; Coulter et al., 2011], эмиграционными ожиданиями [Cebolla-Boado, Soysal, 2018; Tong et al., 2020], эмиграционными стремлениями [Carling, Collins, 2018; Carling, Schewel, 2018; De Jong, Fonseca, 2020; Marrow, Klekowski von Koppenfels, 2020; Meyer, 2018; Van Mol, 2016; Van Mol et al., 2018] и другими феноменами [Carling, 2019]. В общем виде интенция рассматривается в науке как «волевое побуждение, существующее в настоящем, но направленное на будущее или на преследуемую цель»¹. В психологии интенция — это «направленность сознания, мышления на какой-либо предмет»² безотносительно к тому, является ли он реальным или только воображаемым [Большой психологический словарь, 2009]. Соответственно, эмиграционные интенции — это обобщающее понятие, характеризующее различные категории, связанные с проявлением эмиграционной активности на уровне сознания (эмиграционное желание, установка, намерение и т.д.). Ученые особо подчеркивают значимость изучения эмиграционных интенций для понимания самого процесса принятия решения об эмиграции [Kley, 2017; Tabor et al., 2015; Van Dalen, Henkens, 2013; Williams et al., 2018].

Эмиграционное желание как эмоциональный генератор является пусковым механизмом и энергетическим потенциалом добровольного эмиграционного поведения [Collins, 2018; Gollwitzer, 1996]. Наличие желания эмигрировать свидетельствует о позитивной оценке личностью тех возможностей, которые предоставляет переезд. Однако только лишь наличия желания недостаточно для реализации эмиграционного поведения. Результаты многих исследований подтверждают тот факт, что

¹ *Конт-Спонвиль А.* Философский словарь. М.: Этерна, 2012. С. 149.

² Краткий психологический словарь / ред. А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. С. 121.

желающих эмигрировать всегда значительно больше, нежели тех, кто планирует эмиграцию и совершает какие-либо реальные действия по ее подготовке [Муращенкова, 2021a; Tabor et al., 2015]. Эмиграционное стремление предполагает большую субъектную активность, нежели просто желание эмигрировать [Carling, Collins, 2018]. Некоторые ученые, разводя понятия «эмиграционное желание» и «эмиграционное стремление», указывают на роль коллективных и нормативных измерений в формировании последнего [Ray, 2006]. В то же время значимым маркером серьезности и устойчивости эмиграционного стремления становится формирование эмиграционного намерения и осуществление планирования эмиграции, связанного с выбором места предполагаемого переезда, сбором материальных средств, поиском источников информационной и социальной поддержки и т.д. Однако исследовательская оценка эмиграционных желаний (наряду с оценкой эмиграционных намерений и планов) играет немаловажную роль, так как наличие желания эмигрировать является основным маркером начального этапа добровольного эмиграционного поведения, а именно — предварительного рассмотрения вопроса о переезде за границу как возможного, реального и привлекательного [Kley, 2017]. Эмиграционное желание может стать основой для формирования эмиграционного намерения. Желание эмигрировать, как правило, входит в структуру эмиграционного намерения в ситуации принятия решения о добровольной эмиграции. При этом значимыми параметрами для оценки эмиграционного намерения являются характер (постоянный или временный) планируемой эмиграции, направление (страна назначения) и срок осуществления предполагаемого переезда [Carling, Schewel, 2018].

Эмиграционное намерение — это рубеж перехода на стадию осуществления переезда. В отечественной психологии намерение определяется как сознательное решение, выполняющее функцию побуждения и планирования поведения или деятельности человека [Большой психологический словарь, 2009], как сознательное стремление завершить действие в соответствии с намеченной программой в условиях, когда цель деятельности отдалена и ее достижение отсрочено [Ильин, 2002]. В этом случае намерение является побудителем действий, направленных

на достижение промежуточных целей. Побудительная сила намерения формируется за счет двух компонентов: актуализации значимой непосредственной потребности, звеном в удовлетворении которой намерение является, а также воздействия интеллектуальной активности, посредством которой человек осознает средства, позволяющие достичь удовлетворения потребности. То есть намерение представляет собой возникающее в процессе психического развития человека новое функциональное образование, в котором в неразрывном единстве выступают аффективные и интеллектуальные компоненты [Большой психологический словарь, 2009]. Намерение организует поведение человека, позволяет ему произвольно действовать с целью удовлетворения своих потребностей. Таким образом, применительно к эмиграционному поведению эмиграционное намерение может рассматриваться как сознательное решение осуществить эмиграцию в соответствии с намеченной программой, выполняющее функцию побуждения и планирования эмиграционного поведения, в условиях, когда сам переезд отдален и отсрочен.

Отечественные ученые часто указывают на недостаток эмпирических социально-психологических исследований намерений вообще и эмиграционных намерений в частности в связи со слабой разработанностью их теоретической и методической базы [Джанашиа, 2011; Зинченко, Зотова, 2013; Кузнецова, 2012]. В то же время некоторые зарубежные и отечественные ученые обращаются к изучению эмиграционных намерений [Clark, Lisowski, 2017; Coulter et al., 2011; Dommermuth, Klüsener, 2018; Engle et al., 2015; Hooijen et al., 2020; Hoppe, Fujishiro, 2015; Klabunde, Willekens, 2016; Kley, 2017; Remhof et al., 2014; Чувашов, 2014; Чувашов, Татарко, 2014], беря за основу теорию планируемого поведения А. Айзена [Ajzen, 1991, 2002; Fishbein, Ajzen, 2010] как наиболее часто используемую зарубежную концепцию, на которую опираются исследователи при изучении различных форм поведения и активности человека и которую современные психологи рассматривают как одну из наиболее эмпирически подтвержденных на примерах самых разных типов поведения [Рассказова, Иванова, 2015].

Согласно теории А. Айзена, намерение — это фактор готовности личности к определенному поведению. Чем сильнее

намерение, тем больше вероятность того, что человек реализует поведение. Значимым методологическим преимуществом использования теории планируемого поведения А. Айзена при изучении эмиграционных намерений является подтверждаемая эмпирическими исследованиями обоснованность рассмотрения эмиграционного намерения как феномена, позволяющего прогнозировать реальное эмиграционное поведение [Tjaden et al., 2019; Van Dalen, Henkens, 2007, 2013; Williams et al., 2018]. Тесная связь между эмиграционными намерениями и официально зарегистрированными миграционными потоками подтверждена в исследовании, охватывающем более 160 государств [Tjaden et al., 2019]. Согласно результатам отдельных зарубежных исследований [Van Dalen, Henkens, 2007, 2013; Williams et al., 2018], эмиграционное поведение объясняется намерениями в среднем в 30–34% случаев. В связи с этим анализ социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи, рассматриваемых с позиции теории планируемого поведения, опосредованно повышает прогностическую способность изучаемых социально-психологических предикторов применительно к реальному эмиграционному поведению. В том числе и поэтому при изучении эмиграционных намерений молодежи в рамках данного исследования мы опираемся на теорию А. Айзена.

Опора на теорию планируемого поведения в методическом плане предполагает разработку авторского опросника эмиграционных намерений на основе рекомендаций, сформулированных в соответствии с базовыми положениями теории [Ajzen, 1991, 2002; Fishbein, Ajzen, 2010; Francis et al., 2004]. При этом опросник должен включать не только утверждения/вопросы, ориентированные на оценку самого эмиграционного намерения, но и пункты, позволяющие оценить факторы, влияющие на его формирование [Fishbein, Ajzen, 2010], а именно: установки респондентов в отношении эмиграционного поведения (его позитивная или негативная оценка), субъективные нормы (мнения респондентов об ожиданиях других людей относительно их возможного эмиграционного поведения и готовность им соответствовать), воспринимаемый поведенческий контроль (показатель того, насколько легким или сложным представляется респондентам процесс реализации данного поведения). Допол-

нительным оцениваемым параметром может выступать также поведение по реализации эмиграционного намерения.

2.2. Методические аспекты изучения эмиграционных намерений в современной психологии

Качественный научный подход к изучению эмиграционных намерений не возможен без учета научно-методических разработок и тенденций, оформившихся в последние годы в области психологического анализа эмиграционных интенций. Наличие категориального разнообразия в проблемном поле эмиграционных интенций молодежи требует от исследователя четкого понимания того, что он планирует изучать и измерять, а также как и с помощью каких инструментов он будет это делать. Для этого необходимы четкость в терминах, выбор стратегии исследования, подбор/разработка и использование адекватного психологического инструментария с учетом описываемых в литературе тенденций, ошибок и ограничений.

Выявление психологических причин и драйверов эмиграционных интенций обычно предполагает использование одной из трех исследовательских стратегий [Carling, 2019]. Две из них фокусируются на фактической миграции. Первая стратегия предусматривает продольные срезы на одних и тех же респондентах, осуществивших или не осуществивших эмиграцию. С ресурсной точки зрения это довольно дорогая и длительная процедура, в силу чего подобный дизайн используется нечасто [Hoppe, Fujishiro, 2015; Willekens et al., 2016]. Вторая стратегия предполагает поперечные срезы с целью сравнения тех, кто уехал, и тех, кто остался [Tartakovsky et al., 2017b]. Причем информация об эмигрантах часто поступает от их родственников и знакомых и носит ретроспективный характер, что ведет к ограничению надежности получаемых данных [Polavieja et al., 2018]. В третьем случае в фокусе внимания оказываются те, кто непосредственно имеет эмиграционные интенции или не имеет их. Основные данные собираются в работе с целевой выборкой, ретроспективность вопросов исключается [Van Dalen, Henkens, 2013].

Чаще всего в современной психологии для изучения эмиграционных интенций используют опросные методы. Ценной

в методологическом плане является работа Дж. Карлинга и К. Шевел [Carling, Schewel, 2018], в которой приводится обобщенная типология вопросов, применяемых учеными в качестве инструментов оценки эмиграционных интенций в зависимости от используемых концепций и терминологического аппарата. В ней описываются различные методологические и методические проблемы, которые могут возникнуть при измерении эмиграционных интенций с помощью этих вопросов. В частности, авторы указывают на значимость выбора слов и склоняются к использованию понятий «переезд», «проживание за границей» вместо терминов «миграция» и «эмиграция». Дж. Карлинг и К. Шевел предостерегают исследователей от попыток изучать сложные явления, используя простые вопросы, и призывают их не ограничиваться вариантами ответов «нет» и «да», а применять шкалу Ликерта (понимая эмиграционные интенции как континуум) и включать в анкетные листы серии вопросов, что позволит описывать различные стороны эмиграционных интенций респондентов. Отмечая неустойчивый характер эмиграционных интенций, Дж. Карлинг и К. Шевел указывают на значимость включения в исследовательские анкеты или интервью вопросов о возможных прошлых размышлениях об эмиграции и о гипотетических реакциях на вдруг предоставленные возможности эмиграции («Что было бы, если...»).

Наряду с вышеуказанным стоит отметить и такие значимые тенденции организации и проведения психологических исследований эмиграционных интенций, как отход в дизайне исследований от так называемой предвзятости мобильности [Carling, Schewel, 2018; De Haas, 2014; Hooijen et al., 2020] и необходимость рассмотрения стремления к эмиграции и стремления остаться как эквивалентных вариантов выбора личности [Carling, Schewel, 2018], а также продуктивность сочетания качественных и количественных методов исследования при изучении эмиграционных интенций [De Haas, 2014; Hooijen et al., 2020], признание важной роли интервью в выявлении непредсказуемых аспектов и факторов эмиграции [Collins, 2018; Hooijen et al., 2020]. И это особенно важно в контексте признания того, что эмиграция, как правило, не является линейным процессом и на соответствие/несоответствие того, что планируется, тому, что

происходит в реальности (реализация/нереализация эмиграционного поведения), могут влиять многочисленные контекстные, социальные и/или личностные факторы [Норре, Fujishiro, 2015]. Еще одна тенденция — признание важности организации психологических экспериментов [Baláž, Williams, 2017]. Ученые отмечают также возможности и перспективы использования вообразаемых ситуаций при изучении эмиграционных интенций [Koikkalainen, Kyle, 2016] как способа обращения к образу будущего субъекта. Наряду с этим рекомендуется рассматривать эмиграционные интенции как сложные многосоставные конструкции и измерять их различные аспекты [Benson, O'Reilly, 2016]. Нередким является и использование в современных исследованиях эмиграции данных, полученных в процессе глобальных опросов, проведенных на уровне страны [The Mexican Migration Project, The China Education Panel Survey, Die Sozialerhebung и др.] или нескольких государств [The Migration between Africa and Europe project, The MIGNEX, The Gallup World Poll, The EUMAGINE project, The Balkan Public Barometer и др.].

2.3. Психологические детерминанты эмиграционных намерений молодежи как элементы социально-психологического пространства

Значимыми компонентами социально-психологического пространства эмиграционных намерений являются также психологические драйверы эмиграционной активности. При разработке теоретической модели социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи нам важно было ответить на вопрос: какие психологические конструкты могут быть включены в систему психологических предикторов эмиграционных намерений современной молодежи на основе данных существующих эмпирических исследований?

Анализ научных работ показал, что при изучении психологических факторов эмиграционной активности ученые не часто держат в фокусе внимания разнородные выборки [Andresen, Margenfeld, 2015], обычно изучаются отдельные возрастные и/или социальные когорты [De Jong, Fonseca, 2020; Hooijen et al., 2020; Remhof et al., 2014; Van Mol, 2016; Williams et al., 2018]. *Эмигра-*

ционными намерениям молодежи посвящен целый пласт исследований в зарубежной психологии [Agadjanian et al., 2008; Begović et al., 2020; Boneva, Frieze, 2001; Bryer et al., 2020; Cairns, Smyth, 2011; Canache et al., 2013; De Jong, Fonseca, 2020; Gajdošová, Orosová, 2019; Hooijen et al., 2020; Marsiglia et al., 2011; Orosová et al., 2018; Paulauskaitė et al., 2010; Remhof et al., 2014; Tartakovsky et al., 2017a; Tong et al., 2020 и др.]. Сегодня эмиграция молодежи все чаще рассматривается учеными как непрерывный процесс субъективного становления [Carling, Collins, 2018; Collins, 2018], в ходе которого воедино сводятся прошлое, настоящее и будущее субъекта, а эмиграционные намерения становятся частью личностных проектов идентичности, содержащих ответы на вопросы «Кем я хочу быть?» и «Где я хочу быть?».

Когда речь идет о молодежи, ведущей движущей силой эмиграционной активности становится тема карьеры, трудоустройства и профессионального развития [Bernardini-Zambrini et al., 2011; Bryer et al., 2020; Frieze et al., 2004; Hooijen et al., 2020; Муращенкова и др., 2020]. Из всех студентов в большей степени нацелены на эмиграцию, как правило, те, в жизненных приоритетах которых на первом месте стоят карьерные ориентации и работа [Frieze et al., 2004.; Frieze et al., 2006; Kvartiuk et al., 2020]. Б. Бонева и И. Фриз [Boneva, Frieze, 2001] отмечают, что для европейских студентов с эмиграционными намерениями характерен комплекс личностных характеристик («синдром личности мигранта»), отличающих их от тех, кто желает остаться в стране проживания. К этим характеристикам они относят большую ориентацию на работу, нежели на семью, выраженную мотивацию власти (значимость контроля и влияния на других, желание произвести впечатление и получить признание) и достижения (стремление превзойти себя, сделать что-то интересное и уникальное), а также низкий уровень мотивации аффилиации (желания устанавливать и поддерживать межличностные отношения) [Boneva, Frieze, 2001]. Значимость мотивации достижения в эмиграционной активности молодежи находит свое подтверждение и в исследовании, проведенном на латиноамериканской выборке [Graham, Markowitz, 2011], согласно которому потенциальные эмигранты — это люди с выраженными устремлениями к достижениям, но разочарованные невозможностью ре-

ализации своих планов в стране проживания. У американских студентов выявлена положительная связь между мотивацией достижения и планами обучения за границей [Li et al., 2013]. Согласно результатам нашего исследования, выполненного на выборке смоленских студентов (октябрь 2019 — январь 2020 года), на эмиграцию в большей степени ориентированы учащиеся вузов, четко осознающие свои желания и жизненные цели, но высказывающие опасения относительно высокой вероятности проявлений расовой и этнической дискриминации в стране и невозможности эффективного и благоприятного для себя трудоустройства в России [Муращенко и др., 2020].

Изучая личностную обусловленность эмиграционной активности молодежи, современные ученые часто обращаются к пятифакторной (Big Five) модели [Canache et al., 2013; Fouarge et al., 2019; Jokela et al., 2008; Jokela, 2009; Paulauskaitė et al., 2010; Tabor et al., 2015]. Отмечается положительная связь эмиграционных намерений молодежи с открытостью новому опыту и экстраверсией [Canache et al., 2013; Paulauskaitė et al., 2010; Remhof et al., 2014]. Доброжелательность, добросовестность и нейротизм, как правило, оказываются отрицательно связаны с эмиграционными намерениями [Fouarge et al., 2019; Paulauskaitė et al., 2010]. Однако в некоторых исследованиях выявлена положительная связь эмиграционных намерений с нейротизмом у мужчин [Silventoinen et al., 2008; Tabor et al., 2015]. Значимую роль открытости новому опыту в обусловленности эмиграционных намерений молодежи подтверждают исследования, выявляющие позитивную связь между эмиграционными намерениями и стремлениями к изменениям и новым впечатлениям [Orosová et al., 2018; Van Dalen, Henkens, 2013], а также работы, рассматривающие склонность к риску и поиску приключений как движущую силу эмиграционной активности молодежи [Berlinschi, Narutyunyan, 2019; Dohmen et al., 2007; Van Dalen, Henkens, 2013; Williams, Baláž, 2012; Williams et al., 2018]. Ученые [Dohmen et al., 2007] отмечают, что отношение к риску может стать фактором готовности личности погрузиться в другую культуру. А значимым фактором вовлечения субъекта в эмиграционное поведение является общая самооффективность личности как фактор вероятности попадания субъекта в незнако-

мые ситуации [Gajdošová, Orosová, 2019; Hoppe, Fujishiro, 2015; Jasinskaja-Lahti, Yijälä, 2011; Van Dalen, Henkens, 2013].

Значимым психологическим фактором формирования эмиграционных намерений являются индивидуальные ценности личности, которые опосредуют и регулируют ее поведение в самых разных сферах, в том числе и в ситуации эмиграции [Tartakovsky, Schwartz, 2001] у представителей различных культурных, этнических и возрастных групп [Мурашенкова, 2021a; Ромашева, 2021; Ромашева и др., 2021; Tartakovsky et al., 2017b]. Результаты исследования, проведенного Ж.Ж. Ромашевой в период с декабря 2020 по март 2021 года [Ромашева и др., 2021], показали, что эмиграционные установки русских граждан из различных областей России в возрасте от 17 до 35 лет положительно связаны с ценностями Открытости изменениям и Самоутверждения и отрицательно связаны с ценностями Сохранения (в терминологии теории базовых индивидуальных ценностей Ш. Шварца [Schwartz, 2015]). Эти данные согласуются с результатами, полученными Е. Тартаковским с коллегами [Tartakovsky et al., 2017b] на выборке евреев (средний возраст — 42 года), вернувшихся в Россию после эмиграции. Для респондентов с эмиграционным опытом ценности Открытости изменениям и Самоутверждения оказались более, а ценности Сохранения — менее значимы, чем для евреев, проживающих в России и не имеющих такого опыта. Связей эмиграционных интенций с ценностями Самопреодоления в представленных работах обнаружено не было. В то же время в нашем предыдущем исследовании [Мурашенкова, 2021a] у студентов-смолян (граждане России, 86% — русские) в возрасте от 17 до 24 лет был выявлен ценностно-мотивационный комплекс предикторов эмиграционных намерений, в который вошли в том числе и ценности Самопреодоления. Планирование переезда за границу у студентов-смолян оказалось положительно связано с ценностями Самоутверждения и Самопреодоления и отрицательно — с ценностями Сохранения [Мурашенкова, 2021a]. В то же время Ж.Ж. Ромашевой в исследовании с участием 364 граждан Казахстана (казахов по национальности) в возрасте от 17 до 35 лет, проживающих в северных и южных регионах страны, в одной группе респондентов была обнаружена отрицательная связь эмиграционных установок с

ценностями Самопреодоления [Ромашева, 2021]. Данная связь (в сочетании с отрицательной связью с ценностями Сохранения и положительной связью с ценностями Самоутверждения) была выявлена у студентов из южных регионов страны, говорящих на казахском языке (опрос проводился с декабря 2020 по июнь 2021 года) [Ромашева, 2021]. При этом у русскоговорящих респондентов из южных регионов Казахстана установка на переезд за границу оказалась одновременно положительно связана с ценностями Открытости изменениям и отрицательно — с ценностями Сохранения. Русскоговорящие казахи из северных регионов страны продемонстрировали аналогичные связи эмиграционных установок с ценностями Открытости изменениям и Сохранения в сочетании с положительной связью с ценностями Самоутверждения. Однако у казахов из северных регионов Казахстана, говорящих на казахском языке, эмиграционные установки оказались связаны только с ценностями Самоутверждения (положительно) и ценностями Сохранения (отрицательно).

Пространство психологических факторов эмиграционных намерений молодежи включает в себя и разные типы идентичности. Так, вполне ожидаемо, что выраженная гражданская идентичность имеет отрицательную связь с эмиграционными намерениями [Magrow et al., 2020; Сычев и др., 2021], и наоборот — высокая неопределенность гражданской идентичности усиливает намерения эмигрировать [Jung et al., 2019]. Существуют исследования, определяющие роль этнической идентичности в развитии намерений международной мобильности [Agadjanian et al., 2008; Caron, 2020; Tartakovsky et al., 2017a; Ye, Deng, 2020]. Так, на выборке евреев, проживающих в России, обнаружено косвенное влияние этнической идентичности на эмиграционные намерения за счет ее позитивной связи с отношением к Израилю — стране предполагаемой эмиграции [Tartakovsky et al., 2017a]. Предикторами эмиграционных намерений могут являться принадлежность к этническому меньшинству и воспринимаемая дискриминация [Caron, 2020]. На выборке молодежи Кыргызстана [Agadjanian et al., 2008] обнаружены этнически обусловленные специфические типы эмиграционных предпочтений: выявлено, что европейцы в большей степени склонны к эмиграции из Кыргызстана, нежели азиаты. К тому же азиаты

в большей степени ориентированы на временную эмиграцию, а европейцы — на постоянную [Agadjanian et al., 2008].

Такой показатель, как уровень религиозности, отрицательно связан с выраженностью эмиграционных намерений [Docquier et al., 2020; Frieze et al., 2006; Gajdošová, Orosová, 2019; Tartakovsky et al., 2017a]. В частности, в исследовании, проведенном в девяти исламских странах [Falco, Rotondi, 2016], выявлено, что люди, придерживающиеся более радикальных взглядов, менее склонны к эмиграции.

В современных условиях глобализации и конструирования множественных идентичностей [Arnett, 2002] ученых также интересует вопрос связи эмиграционной активности с таким феноменом, как космополитизм. На выборке немцев и корейцев [Froese et al., 2013] была подтверждена гипотеза о том, что космополитизм является значимым предиктором готовности индивидов к работе за рубежом. При этом космополитизм рассматривался как сознательная открытость миру и культурным различиям [Skrbis et al., 2004] и готовность к взаимодействию с «другими» [Hannerz, 1992]. Немаловажную роль в проявлении эмиграционной активности молодежи играют также культурная гибкость, культурная чувствительность [Froese et al., 2013] и уровень доверия к другим религиям и национальностям [Berlinschi, Narutyunyan, 2019].

Эмиграционные намерения молодежи демонстрируют тесную связь с отношением к стране исхода и стране предполагаемого переезда с удовлетворенностью теми условиями, которые предлагают эти страны [Nghiêm-Phú, Nguyễn, 2020; Tartakovsky et al., 2017a]. С выраженными эмиграционными намерениями, как правило, связано негативное отношение к стране проживания и позитивное отношение к стране предполагаемого переезда [Tartakovsky et al., 2017a].

Эмиграция подразумевает территориальное перемещение в пространстве, смену среды проживания. В связи с этим отмечается такое свойство, как полиобъектность эмиграционного намерения, связанная с процессом социального сравнения страны исхода и страны предполагаемого переезда, оформившихся как образы стран проживания и предполагаемого переезда [Кузнецова, 2013]. Как отмечает С.А. Кузнецова, «место жительства —

это не просто географический объект... это пространство жизнедеятельности, которое наполняется личностным смыслом как условие, способствующее или препятствующее реализации значимых мотивов и целей»³. Однако эмиграционное намерение возникнет в том случае, если у личности есть представления о других потенциальных местах жительства, что запускает такой механизм социального познания, как социальное сравнение. «Без переживания ценности, значения и смысла другого возможного места жительства, о котором человек знает или имеет какие-то представления, не может возникнуть миграционное намерение»⁴. Основанием для сравнения становятся те возможности, которые предоставляют различные места проживания для реализации потребностей, задач, ценностей личности. Возникновению эмиграционного намерения способствует результат сравнения в пользу другого, отличного от текущего, места проживания субъекта. Однако отношение к месту проживания и месту предполагаемого переезда может быть неоднозначным, амбивалентным и даже конфликтным [Кузнецов, Кузнецова, 2003], что может выражаться в особенностях ценностно-мотивационной сферы субъекта, в частности в соотношении представлений субъекта о «выталкивающих» факторах страны исхода и о «притягивающих» факторах страны предполагаемого переезда. К тому же принятие решения об эмиграции — это важнейшее решение, затрагивающее не только самого субъекта, но и других близких и значимых для него людей. В связи с этим сам процесс принятия решения об эмиграции может быть довольно сложным в эмоциональном плане.

Отношение потенциального эмигранта к стране текущего проживания связано с оценкой наличных возможностей, а также перспектив развития страны в будущем; в связи с этим предполагаемым предиктором эмиграционного намерения становится отношение субъекта к настоящему (оценка наличных возможностей) и будущему (оценка перспектив) страны текущего проживания [Плющ и др., 2014; Плющ и др., 2017]. В то же время,

³ Кузнецова С.А. Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований // Социальная психология и общество. 2013. № 4. С. 62.

⁴ Там же. С. 41.

как отмечают Т.А. Нестик и В.Н. Ролдугина, «образ будущего страны в представлениях подростков и молодежи является не только отражением сложившейся социально-экономической и политической ситуации в российском обществе, но и выступает в роли самореализующегося пророчества»⁵, что подтверждает особую значимость изучения представлений молодежи о настоящем и будущем страны с точки зрения прогнозирования характера этого будущего. Т.А. Нестик и В.Н. Ролдугина отмечают также, что молодое поколение в современной России более критически оценивает настоящее страны, нежели представители других поколений [Нестик, Ролдугина, 2018], что может являться значимым фактором развития эмиграционных намерений у молодежи.

Особую роль при формировании отношения к стране исхода и стране назначения играют социально-политические установки и ценности субъектов, а также основанная на них оценка окружающей социальной среды [Berggren et al., 2020; Crisan et al., 2019; Ploresanu et al., 2018]. Важнейшим «выталкивающим» из страны фактором, стимулирующим возникновение эмиграционных намерений, является неудовлетворенность качеством государственных услуг и высокий уровень коррупции [Begović et al., 2020], а также неудовлетворенность демократическими институтами [Berlinschi, Harutyunyan, 2019]. Чаще о вероятности собственной эмиграции высказываются молодые европейцы, низко оценивающие качество предоставляемых в стране проживания государственных услуг, считающие, что уровень коррупции в ней очень высок [Williams et al., 2018], а государственные власти не заслуживают уважения [Berlinschi, Harutyunyan, 2019]. Именно неудовлетворенность качеством окружающей среды и проблемами в обществе, а не разочарование в условиях частной жизни становится значимым предиктором эмиграционных намерений молодежи в странах с высоким уровнем доходов [Van Dalen, Henkens, 2013]. В свою очередь, при анализе неэкономических факторов эмиграционной активности на выборке граждан Литвы была обнаружена значимая связь эмиграционных

⁵ Нестик Т.А., Ролдугина В.Н. Образ будущего России у представителей поколения Z // Человек и мир. 2018. Т. 2. № 2. С. 75.

намерений с низкой оценкой качества трудовых отношений (организационный климат, карьерные возможности, возможности для повышения квалификации, условия труда) и низкой уверенностью в будущей личной безопасности. Но несущественными для принятия решения об эмиграции оказались такие параметры, как качество услуг, качество гражданской жизни (свобода и толерантность), качество управления и коррупция. Данные результаты подтверждают значимость учета влияния макросоциального и культурного контекста при рассмотрении движущих сил эмиграционных намерений молодежи [Bryer et al., 2020].

Результаты исследований показывают, что эмиграционные намерения молодежи также связаны со снижением уровня субъективного благополучия личности. Термин «субъективное благополучие» в самом общем виде отражает оценку людьми качества их жизни. В состав этого понятия включают когнитивные (удовлетворенность/неудовлетворенность жизнью) и аффективные (положительные и отрицательные эмоциональные переживания по поводу тех или иных событий) оценки [Diener et al., 2002]. Индивид имеет высокий уровень субъективного благополучия, если он удовлетворен своей жизнью, часто испытывает положительные эмоции и редко — негативные эмоции [Diener et al., 1985]. Неудовлетворенность жизнью является важным психологическим фактором эмиграционной активности молодежи [Silventoinen et al., 2008]. Для лиц с более высоким уровнем субъективного благополучия, как правило, характерны менее выраженные желания международной миграции [Cai et al., 2014]. Отрицательная связь субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью с эмиграционной активностью обнаружена на европейской [Otrachshenko, Popova, 2014] и латиноамериканской выборках [Graham, Markowitz, 2011]. Однако А. Ивлевс [Ivlevs, 2015], опираясь на данные опроса представителей 35 стран Европы и Центральной Азии, утверждает, что связь между удовлетворенностью жизнью и эмиграционными намерениями имеет U-образный характер. То есть с большей вероятностью высказывают намерения международной мобильности люди с наибольшей и наименьшей удовлетворенностью жизнью. Л. Полгрин и Н. Симпсон, в свою очередь, обнаружили, что самые высокие темпы эмиграции характерны для наибо-

лее и наименее благополучных стран [Polgreen, Simpson, 2011]. Таким образом, вопрос о характере соотношения эмиграционных намерений и субъективного благополучия личности остается открытым.

Психологическими факторами, сдерживающими эмиграционную активность молодежи, согласно данным исследований, являются высокая степень привязанности к стране и месту проживания [Bagraim, 2013; Hooijen et al., 2020], высокая степень организационной приверженности [Miller et al., 2002], высокая степень привязанности к семье, партнеру, друзьям [Frieze et al., 2006; Gajdošová, Orosová, 2019; Hooijen et al., 2020], удовлетворенность домом/семьей [Gajdošová, Orosová, 2019]. Те студенты, которые указывают на значимость взаимоотношений с друзьями и родственниками, с меньшей вероятностью отмечают возможность собственной эмиграции [Kvartiuk et al., 2020]. Однако семейная среда может играть значимую роль и в формировании и развитии эмиграционных намерений. Она априори может являться пространством подготовки молодых людей к международной миграции в будущем [Ivlevs, King, 2012; Marsiglia et al., 2011; Tong et al., 2020]. Так, используя понятие «миграционный капитал семьи», исследователи [Ivlevs, King, 2012] отмечают, что дети из семей бывших мигрантов впоследствии чаще осуществляют самостоятельный переезд, нежели люди без подобного опыта. В отдельных странах, например в Ирландии, отмечается и такое явление, как поколенческая культура миграции [Moriarty et al., 2015]. Научные исследования, проведенные в Мексике [Marsiglia et al., 2011], Китае [Liu-Farrer, 2016; Tong et al., 2020], Германии [Wiest, 2016], демонстрируют своеобразие стилей семейного воспитания, семейной коммуникации, семейного дискурса в условиях целенаправленного планирования родителями будущей эмиграции собственных детей. В целом высокий уровень образования и профессионализации родителей рассматривается как предиктор выраженности эмиграционных намерений у детей [Labrianidis, Sykas, 2017; Xiang, Wei, 2009]. Данный вопрос тесно связан с темой отношения к эмиграции как к явлению. Эмпирические данные показывают [Orosová et al., 2018], что рассмотрение студентами эмиграции как нормального поведения и соответствующее позитивное от-

ношение к ней при наличии стремления к изменениям может стать предиктором их эмиграционных намерений.

Многие исследования посвящены выявлению роли социальных сетей за границей в развитии эмиграционных намерений молодежи [Cairns, Smyth, 2011; Docquier et al., 2014; Manchin, Orazbayev, 2018; Miller et al., 2002; Van Dalen, Henkens, 2013]. Так, на основе опроса, проводившегося в течение нескольких лет более чем в 150 странах, изучалось влияние социальных сетей на намерения людей мигрировать на международном и местном уровнях [Manchin, Orazbayev, 2018]. Выделялись близкие социальные сети (семья и друзья) за границей и в месте проживания и широкие социальные сети (жители той же страны с намерениями эмиграции или внутренней миграции). В результате было обнаружено, что социальные сети за границей являются более важной движущей силой эмиграционных намерений, чем факторы, связанные с работой или благосостоянием [Manchin, Orazbayev, 2018]. Одни ученые [Docquier et al., 2014; Miller et al., 2002] обосновывают, что наличие социальных связей с эмигрантами является ключевым фактором развития эмиграционных намерений, другие [Boneva, Frieze, 2001] отмечают, что социальные сети в стране назначения стимулируют эмиграционное поведение только в том случае, если у личности уже есть выраженное желание эмигрировать. Но в целом исследования показывают, что молодые люди, демонстрирующие эмиграционные намерения, чаще имеют друзей и родственников за рубежом, нежели те, у кого эти намерения отсутствуют [Cairns, Smyth, 2011; Van Dalen, Henkens, 2013]. Воспринимаемая поддержка значимых других является одним из ресурсов, позволяющим справляться с пре-аккультурационным стрессом, характерным для людей, принявших решение об эмиграции [Jasinskaja-Lahti, Yijälä, 2011].

Исследователи отмечают также положительную связь эмиграционных намерений с уровнем образования молодых людей [Ferreira et al., 2020; Kooiman et al., 2018; Marrow et al., 2020; Miller et al., 2002], уровнем их профессиональной квалификации [Van Dalen, Henkens, 2013], со знанием иностранных языков [Froese et al., 2013; Marrow et al., 2020], с предыдущим опытом международной мобильности (путешествия, туристические

поездки, стажировки, обучение, проживание за границей) [Berlinschi, Harutyunyan, 2019; Ivlevs, King, 2012; Froese et al., 2013; Hooijen et al., 2020; Kooiman et al., 2018; Marrow et al., 2020; Parsons et al., 2012; Tabor et al., 2015] и отрицательную связь с возрастом [Begović et al., 2020; Berlinschi, Harutyunyan, 2019; Tartakovsky et al., 2017a].

Отдельно стоит коснуться исследований, посвященных изучению эмоциональных аспектов принятия решения об эмиграции [Boccagni, Baldassar, 2015; Ho, 2014; Mai, King, 2009]. Эмоции стимулируют и сопровождают процесс эмиграции. Наряду с этим они играют важную роль и в процессе адаптации эмигрантов на новом месте [Хрусталева, 1996, 2010]. Ученые затрагивают такие темы, как роль любви, привязанности и сексуальных отношений в планировании эмиграции [Mai, King, 2009], изучение эмоциональной жизни мигрантов в процессе планирования и осуществления мобильности [Boccagni, Baldassar, 2015], способы совладания с амбивалентными, конфликтующими эмоциями [Gallo, 2014]. Отмечается перспектива междисциплинарного подхода к исследованию эмоциональной сферы потенциальных эмигрантов (учет индивидуально-психологического, социального, культурного, транснационального аспектов эмоциональной жизни и способов эмоционального реагирования) [Boccagni, Baldassar, 2015].

При попытке соединить внутриличностный и межличностный подходы при изучении роли эмоций в контексте эмиграции ученые рассматривают их как мост через пороговое пространство между индивидом и его социальным окружением [Zembylas, 2012], как основное звено между макро- и микроуровнями социальной реальности [Turner, Stets, 2005], как социально сконструированные элементы [Boccagni, Baldassar, 2015; Voiger, Mesquita, 2012; Stets, 2010]. Игнорировать эмоциональные факторы при оценке движущих сил эмиграционных намерений субъектов невозможно. Две области научных исследований (изучение эмиграции и изучение эмоций) имеют двусторонние взаимосвязь и взаимовлияние. С одной стороны, ученые указывают на то, что сам процесс международной мобильности является мощным катализатором изменений в эмоциональной жизни субъектов, что позволяет изучать эмоции «в движении» [Boccagni, Baldassar,

2015]. С другой стороны, эмоции являются теми движущими силами, которые позволяют глубже понять сам процесс принятия решения об эмиграции и наметить пути поддержки потенциальных эмигрантов на всех этапах осуществления запланированного [Vocagnì, Baldassar, 2015].

Для психологии эмиграции характерно обращение к таким сложным, контрастирующим эмоциям и чувствам, как надежда, ностальгия, вина, эйфория, страх, тревога, привязанность, отчаяние. Главный тезис, с которым соглашаются исследователи эмоциональных аспектов эмиграции, таков: эмоциональная сфера потенциальных и реальных эмигрантов является сложной, многогранной, часто противоречивой и амбивалентной [Vocagnì, Baldassar, 2015]. Отношения потенциальных эмигрантов со своим домом, местом проживания, местом потенциальной эмиграции, так же как и вопросы принадлежности и идентичности потенциального эмигранта, всегда аффективно заряжены. Само пребывание в состоянии планирования переезда за границу уже предполагает некоторую напряженность в отношении эмоциональных связей с субъектами и объектами «здесь» и «там» [Vocagnì, Baldassar, 2015]. Типовым образцом эмоционального опыта потенциального эмигранта и примером амбивалентности испытываемых чувств может служить состояние, характеризующееся одновременным переживанием влечения, радости и надежды на лучшую жизнь за границей в будущем в сочетании со страхом, тревогой, беспокойством относительно реализации задуманного и последующей адаптацией на новом месте, а также виной перед близкими и родными, которые остаются [Vocagnì, Baldassar, 2015].

Итак, поле психологических факторов эмиграционных намерений молодежи довольно широко и охватывает значительное число элементов, которые могут быть включены в структуру социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи. Наряду с этим данные предикторы могут быть соотнесены с выделяемыми С. Клэй [Kley, 2017] обобщенными группами факторов, способствующих эмиграции. С первой группой факторов, отражающей возникающие возможности для эмиграции [Kley, 2017], связаны такие психологические движущие силы эмиграционных намерений молодежи, как по-

зитивное отношение личности к эмиграции в целом, рассмотрение эмиграции как способа достижения значимых целей, низкая степень привязанности к стране исхода, неудовлетворенность существующими в ней условиями проживания, позитивное отношение к стране предполагаемого переезда. Вторая группа включает факторы, связанные с наличием социальной поддержки [Kley, 2017]. К ней могут быть отнесены такие социально-психологические факторы эмиграционных намерений, как воспринимаемая личностью семейная поддержка ее эмиграционной активности, наличие широкой сети актуальных межличностных контактов за рубежом. Третью группу факторов, способствующих эмиграции, составляют ресурсы субъекта для преодоления возникающих препятствий [Kley, 2017]. В качестве психологических предикторов эмиграционных намерений молодежи здесь могут выступать такие характеристики, как выраженные карьерные устремления, высокая мотивация власти и достижений, незначимость мотивации аффилиации, экстраверсия, открытость новому опыту, стремление к риску, изменениям и новым впечатлениям, открытость миру и культурным различиям, готовность к взаимодействию с «другими», высокий уровень доверия к другим религиям и национальностям, самоэффективность личности, способность справляться с амбивалентностью возникающих эмоций и чувств, высокий уровень образования, владение иностранными языками, систематизация и интеграция знаний и навыков, полученных в результате опыта международной мобильности.

2.4. Возможности (ресурсы) осуществления эмиграции, мотивы и отношение молодежи к эмиграции

Процесс формирования эмиграционных намерений тесно связан с наличием возможностей или ресурсов для их осуществления. Поэтому анализ эмиграционных намерений должен включать в себя также оценку соотношения стремлений и возможностей респондентов в отношении реализации эмиграционного поведения. Дж. Карлинг и К. Шевел [Carling, Schewel, 2018] пишут о том, что международная миграция является совокупным результатом двух основных факторов — стремления

и способности к эмиграции. Люди, обладающие и стремлением, и способностью к эмиграции, как правило, реализуют соответствующее поведение на практике («добровольные мигранты»). Однако есть те, кто, имея эмиграционное стремление, не обладают соответствующими возможностями («недобровольные немигранты»), что может стать причиной стресса и вести к неблагоприятным последствиям для личности. Подобный пример неблагоприятных последствий продемонстрирован в исследовании взаимосвязи эмиграционных намерений и употребления психоактивных веществ малообеспеченной мексиканской молодежью с неудовлетворенными эмиграционными стремлениями, живущей в сообществе с длительным миграционным прошлым, где переезд в США рассматривается как показатель личностной успешности и эффективности [Marsiglia et al., 2011]. Было выявлено, что нездоровый образ жизни может являться компенсаторным механизмом выживания и самолечения в ситуации стресса, вызванного невозможностью реализации эмиграционных планов и надежд. Подобные исследования особенно значимы с точки зрения выявления факторов риска и профилактики неблагоприятных последствий для тех, кто хотел бы эмигрировать, но не может этого сделать.

Особенно актуальным это могло быть в ситуации пандемии COVID-19, когда границы большинства стран были закрыты, что блокировало такой значимый для людей фактор субъективного благополучия, как осознание свободы передвижения [De Haas, 2014]. Для людей с эмиграционными интенциями это могло служить сильнейшим объективным стрессовым фактором, требующим подключения механизмов совладания, а одной из реакций на подобные ограничения свободы передвижения мог стать рост эмиграционных интенций среди населения [De Haas, 2014]. В то же время выраженный страх перед COVID-19 вполне мог блокировать международную мобильность (даже в ситуации открытия международных границ) и тормозить реализацию эмиграционных намерений личности. Данные предположения стимулировали нас как исследователей обратить внимание на необходимость учета пандемического контекста при организации изучения социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи.

Возвращаясь к вопросу о рассмотрении соотношения стремлений и возможностей к эмиграции, отметим, что наряду с «добровольными мигрантами» и «недобровольными немигрантами» Дж. Карлинг и К. Шевел [Carling, Schewel, 2018] описывают также «добровольных немигрантов», обладающих ресурсами для реализации эмиграционного поведения, но убежденных в том, что неподвижность в существующих условиях предпочтительнее международной мобильности. Для обозначения группы индивидов, у которых нет ни стремления, ни возможностей для эмиграции, К. Шевел [Schewel, 2015] вводит термин «добровольная неподвижность».

Помимо вопроса соотношения стремлений и возможностей к эмиграции значимым является также рассмотрение международной мобильности как многоаспектного явления, которое может иметь для индивида и самоценное, и инструментальное значение. Данный фокус внимания способствует более глубокому пониманию условий и факторов формирования эмиграционных намерений [Carling, Collins, 2018]. Эмиграционная активность как самоцель часто бывает обусловлена ценностью мобильности для личности, тягой к приключениям, опыту и независимости [Carling, Collins, 2018], она может быть связана со стремлением молодых людей к сепарации, отделению от родительской семьи, обретением самостоятельности [De Naas, 2014] и рассматриваться как стиль и образ жизни [Hoppe, Fujishiro, 2015]. Как средство эмиграция становится поведением, позволяющим решать значимые для индивида задачи, удовлетворять актуальные потребности [Carling, Collins, 2018].

Таким образом, можно выделить три группы потенциальных добровольных эмигрантов. Для первой будут характерны позитивное отношение к эмиграции как к самоцели, ценностное отношение к мобильности вообще как к стилю и образу жизни [Hoppe, Fujishiro, 2015], тяга к приключениям, опыту и независимости [Carling, Collins, 2018], любопытство, риск, потребность испытать себя в новых условиях [Кузнецова, 2013]. Для второй группы потенциальных эмигрантов международная мобильность будет выступать средством, поведением, позволяющим решать значимые задачи, удовлетворять актуальные потребности [Carling, Collins, 2018], реализовывать жизненные устрем-

ления [Carling, Schewel, 2018; De Haas, 2014; Dommermuth, Klüsener, 2018; Kley, 2017]. Третью группу будут составлять индивиды, сочетающие ценностное отношение к эмиграции как самоцели с ценностным отношением к ее инструментальным возможностям. В свою очередь, и мотивы эмиграции у субъектов будут связаны с особенностями отношения к международной мобильности как к самоцели и/или средству.

Обращаясь к проблеме эмиграционных мотивов, стоит отметить, что в целом проблема мотивации эмиграции не нова [Гуревич, 2005]. На протяжении многих лет исследователи стремятся раскрыть характер мотивов при принятии решения об эмиграции. Исследователи, как правило, анализируют мотивы в зависимости от их происхождения: экономические, политические, этнические, правовые, культурно-религиозные, психологические, эколого-климатические. При этом подчеркивается, что, как любое поведение, эмиграционное поведение является полимотивированным, то есть определяется не одним, а несколькими мотивами, среди которых есть стержневые, или центральные, и второстепенные. Отмечается также, что набор мотивов эмиграции, как правило, невелик [Савоскул, 2016; Флоринская, Карачурина, 2018]. Однако, несмотря на некоторую его ограниченность и постоянство, которое сохраняется на протяжении многих лет, исследователи все же указывают на существование различий в иерархической структуре эмиграционных мотивов у представителей разных социальных групп [Ушкалов, Малаха, 2016; Шагалкина и др., 2019]. Согласно теории «притяжения-выталкивания» (pull-push theory) Эверета Ли [Lee, 1966], на индивида в стране выбытия влияют в первую очередь две большие группы факторов: позитивные и негативные, или «притягивающие» и «выталкивающие». Между позитивными и негативными выделена группа промежуточных, препятствующих факторов, связанных с оценкой степени выраженности возможных объективных трудностей предстоящей эмиграции. Еще одну особую группу факторов, оказывающих влияние на принятие решения о миграции, составляют субъектные характеристики и жизненная ситуация самого человека [Lee, 1966].

Итак, опираясь на теорию «притяжения-выталкивания» Эверета Ли, можно выделить следующие группы эмиграцион-

ных мотивов: «притягивающие», «выталкивающие», промежуточные и индивидуально-личностные. В основе мотивов, «выталкивающих» индивида из страны, лежат факторы, которые делают страну происхождения малопривлекательной для него: низкий уровень зарплат и качества жизни, отсутствие возможностей для карьерного роста и самореализации, коррупция, бюрократия, отсутствие свободы слова и др. [Рязанцев и др., 2018; Transparency International, 2016]. Тогда как в основе мотивов, «притягивающих» в другие страны, лежат факторы, привлекательные для индивида, которые часто являются противоположными «выталкивающим», — это высокий уровень зарплат и качества жизни в новой стране, наличие перспектив для профессионального роста и самореализации, демократичная социально-экономическая обстановка и т.п. [Вартанян, 2016; Рязанцев и др., 2018; Papademetriou, Sumption, 2013]. При этом «выталкивающие» мотивы выступают в качестве исходных движущих сил для принятия положительного решения об эмиграции, а «притягивающие» — в качестве детерминант выбора конкретной страны для переезда [Van Hear et al., 2017]. Основу промежуточных мотивов могут составлять анализ и оценка расстояния между страной отбытия и страной прибытия, оценка степени открытости/закрытости границ между странами, стоимости жизни в стране предполагаемого пребывания и т.п. Индивидуально-личностные мотивы, побуждающие к эмиграции, обусловлены наличием у индивида определенных психологических характеристик (стремление к достижениям, склонность к риску, жажда приключений, ориентация на индивидуалистические и гедонистические ценности), а также личных жизненных обстоятельств, способствующих или препятствующих переезду на новое место жительства (воссоединение/расставание с семьей, замужество/женитьба, проблемы со здоровьем и др.) [Mueller, 1982; Гриценко и др., 2017].

В нашем предыдущем исследовании были изучены представления студентов-смолян о мотивах эмиграции современной молодежи [Гриценко и др., 2020a]. В исследовании приняли участие 255 студентов четырех смоленских вузов (Смоленский государственный медицинский университет, Смоленский государственный университет, Национальный исследовательский

университет МЭИ [филиал] в г. Смоленске, Смоленская государственная академия физической культуры, спорта и туризма) в возрасте от 17 до 24 лет (средний возраст — 19 лет). Из них 119 юношей (47%) и 136 девушек (53%). Большинство студентов (86,3%) идентифицировали себя как представителей русского этноса. Респондентам предлагалось ответить на открытый вопрос: «Как Вы думаете, почему некоторые молодые люди принимают решение переехать из России в другую страну на постоянное место жительства? Запишите наиболее значимые, на Ваш взгляд, причины для эмиграции молодежи из современной России». Данный вопрос можно считать проективным, то есть ответы на него могут отражать в том числе и содержание собственных причин возможной эмиграции студентов-смолян. Помимо этого респонденты отвечали также на открытый вопрос о своих географических предпочтениях в условиях воображаемой ситуации планируемой эмиграции: «Представьте, что у Вас появилась возможность переехать жить в любую страну, куда захотите. В какую страну Вы бы отправились?» Данные обрабатывались с помощью частотного анализа, качественного контент-анализа и тематического анализа [Braun, Clarke, 2021].

Отвечая на вопрос о географических предпочтениях воображаемой эмиграции, респонденты указали 391 страну, в отдельных случаях отмечая несколько стран одного географического направления. Относительно направления желаемого переезда ответы респондентов распределились следующим образом: 64% студентов-смолян назвали европейские страны, 20% выбрали североамериканское направление (США и Канаду), 9% указали восточное направление эмиграции (Япония, Корея), а 7% ответили, что не хотели бы никуда переезжать. Доминирующими ответами при указании европейских стран стали следующие: Германия (24%), Испания (15%) и Италия (10%). Наряду с этим назывались также Чехия, Франция, Швеция, Великобритания, Норвегия, Нидерланды. Стоит отметить, что географические эмиграционные предпочтения студентов-смолян соответствуют общим тенденциям выбора направлений реальной эмиграции российской молодежью [Воробьева, Гребенюк, 2017].

Полученные данные о представлениях студентов-смолян о мотивах эмиграции современной российской молодежи по-

зволили сделать вывод о низкой степени удовлетворенности студентов теми условиями жизни в России, в которых они находились [Гриценко и др., 2020а]. Наибольшее беспокойство у молодежи вызывали социально-экономические, политические и правовые аспекты жизни в России. Именно эти условия, по мнению студентов на тот момент, определяли ведущие эмиграционные мотивы российской молодежи. Всего на вопрос о наиболее значимых, по мнению студентов, причинах эмиграции молодежи из современной России мы получили 837 ответов, что в среднем составило 3,28 элемента на респондента (все респонденты так или иначе ответили на поставленный вопрос). Эти ответы были объединены в шесть смысловых групп и проанализированы с точки зрения соответствия «выталкивающим», «притягивающим» и индивидуально-личностным мотивам эмиграции. Промежуточных мотивов, которые могли бы участвовать в формировании эмиграционных намерений молодежи, в ответах респондентов выявлено не было.

Среди «выталкивающих» мотивов эмиграции, согласно полученным результатам, доминирующее положение заняли социально-экономические мотивы, связанные с неблагоприятными оценками социально-экономического положения в стране (28,0% от общего числа ответов). Чаще всего студенты отмечали «нестабильную экономику», «социально-экономический спад», «плохую экономическую политику государства», «рост цен на товары, услуги, топливо, ЖКХ» (30,3% всех ответов в группе «социально-экономических» мотивов). Многие в качестве причин эмиграции молодежи называли «низкие доходы населения», «низкий прожиточный минимум», «маленькую зарплату и пенсию» (17,5%). Неудовлетворенность экономической ситуацией сопровождалась негативными оценками уровня жизни населения страны в целом и в отдельных сферах в частности. Отмечалась неудовлетворенность системой здравоохранения («не развита система здравоохранения», «низкий уровень медицины», «в сфере здравоохранения недостаточно квалифицированных специалистов», «нет достойного лечения различных тяжелых заболеваний», «отсутствие доступной и качественной медицины» и т.п. [5,6%]) и сферой образования («низкий уровень образования», «отсутствие получения знаний на том уровне, на кото-

ром хотелось бы», «недостаточно квалифицированных специалистов в сфере образования» и т.п. [7,3%]). Значительная часть ответов указывала на проблемы в сфере трудоустройства молодежи («нет работы», «отсутствие рабочих мест», «нет возможности работать по профессии», «тяжело найти достойную работу», «при трудоустройстве очень многое решают родственные связи и знакомства» и т.д. [10,7%]). Интересна также выявленная подгруппа мотивов, условно названная нами «отсутствием перспектив развития в стране» и отнесенная к группе социально-экономических мотивов эмиграции («низкие перспективы развития», «отсутствие развития [стагнация]», «у молодежи нет возможностей для саморазвития в этой стране» и т.п. [28,6%]).

Второе место в иерархии «выталкивающих» мотивов эмиграции молодежи, по представлениям студентов, заняли те, которые отражали недовольство политической ситуацией в стране (15,5% от общего числа ответов). Относительно политической ситуации в стране в целом респонденты часто давали следующие ответы: «политический застой», «подорванное доверие к власти», «не устраивает внутренняя политика», «сомнения в компетентности властей», «несменяемость власти» (48,5% от всех ответов в группе политических мотивов). Значимым «выталкивающим» политическим мотивом эмиграции молодежи, по представлениям студентов, являлся также высокий уровень коррупции в стране («везде коррупция, с которой якобы позитивно борются, но на деле это абсолютно не так», «много коррупции», «сильно коррумпированная судебная система», «коррумпированность законодательной и исполнительной власти» [13,8%]). Многие студенты выражали сомнение в эффективности государственной социальной политики в России («низкие социальные гарантии», «низкое социальное обеспечение», «отсутствие поддержки населения со стороны государства» [15,2%]). Писали также о социальной несправедливости и безразличии власти («абсолютное безразличие к нуждам народа», «наше правительство помогает всем, кроме своего народа», «народ просто игнорируют», «плохое отношение государства к народу, так как принимается большое количество антинародных законов» [12,2%]), сетовали на отсутствие поддержки и должного уважения к интересам молодого поколения страны («молодежь в России не уважают,

даже работу найти сложно», «отсутствие понимания интересов молодежи со стороны государственной власти и структур», «отсутствие в стране профессиональной ориентации молодежи, что влечет за собой отсутствие мотивации и функционирования молодежи в целом» [10,3%]).

Правовые мотивы эмиграции занимали в выделенной иерархии третье место (7,6% общего числа ответов) и отражали недовольство молодежи правовой системой страны, отказ мириться со случаями несоблюдения законов со стороны органов исполнительной и судебной власти («избирательное отношение к закону: могут посадить за стаканчик на три года, а могут отпустить за украденные 1,5 млрд рублей», «неадекватное функционирование правоохранительных органов», «беззаконие со стороны власти, беззаконие со стороны полиции, несправедливость судов» [46,9% всех ответов в группе правовых мотивов]). Вместе с тем в ответах студенты указывали на беспокойство относительно правовой незащищенности («скрытый тотальный контроль за гражданами и навязывание мнения властей гражданам», «тотальная слежка за людьми» [30,1%]), относительно цензуры и ограничения свободы слова, мысли («в стране нет свободы слова, мысли», «нет возможности открыто излагать свои мысли [цензура]», «невозможность открыто говорить о том, что считаешь нужным», «несвобода, цензура во всех СМИ», «ложь по телевизору» [23%]). Мотивы эмиграции, отражающие недовольство молодежи природно-климатическими условиями, также звучали в ответах респондентов («не устраивает климат», «плохая погода», «недовольство климатическими условиями», «экологические проблемы», «плохая экология»), однако их число было значительно ниже (0,8% от общего числа ответов), нежели количество названных «выталкивающих» мотивов, связанных с недовольством социально-экономической (28,0%), политической (15,5%) и правовой (7,6%) сферами жизни. Таким образом, в представлениях смоленского студенчества наиболее мощными «выталкивающими» эмиграционными факторами для молодежи на момент опроса являлись те, которые актуализировали тревогу и опасения относительно собственного социально-экономического положения в стране, качества медицинских и образовательных услуг, политической ситуации,

коррупции, перспектив профессионального развития и трудоустройства, правовой безопасности, реализации прав на свободу мысли и слова.

Согласно полученным результатам, «притягивающие» факторы (то, ради чего молодые люди по представлениям студентов хотят переехать в другую страну) содержательно включали те же группы мотивов, что и «выталкивающие», однако иерархическое расположение их несколько различилось. Доминирующее положение также заняли социально-экономические мотивы (31,7% от общего числа ответов): «экономическое положение страны и экономическое положение гражданина в стране», «больше возможности получить высокооплачиваемую работу с ответственным руководством», «достойный для жизни уровень заработной платы за рубежом» и т.п. (28,7% от всех ответов в группе социально-экономических мотивов). Большое внимание респонденты уделяли уровню жизни в предполагаемой стране вселения («более высокое качество жизни», «лучшие условия жизни, даже в провинциальных городах», «комфортное проживание», «ниже налоги» [19,2%]). В качестве «притягивающих» мотивов отмечался также уровень здравоохранения и социальной сферы за рубежом («высокий уровень развития науки, медицины, сферы культуры», «финансовая поддержка науки», «более развитые технологии», «хорошая инфраструктура», «качественные дороги» [7,9%]). В студенческой среде был выражен дискурс относительно различий в уровне и качестве образования в России и за рубежом как «притягивающих» мотивов эмиграции молодежи («международный диплом признают во всех странах мира», «желание получить более востребованное образование», «учеба за границей дает хорошее будущее», «образование качественнее и ориентировано на практическую деятельность» и т.п. [12,5%]). Была выделена также подгруппа «притягивающих» мотивов — «наличие перспектив развития в стране», противоположная «выталкивающим» мотивам из блока «отсутствие перспектив развития в стране», описанным ранее. Встречались следующие ответы: «за границей больше возможностей для самовыражения», «больше возможностей и спокойствие в другой стране», «больше возможностей в плане работы, учебы и развлечений, возможности показать себя и свои способности», «больше

ше перспектив» (31,7%). Далее в иерархии «притягивающих» эмиграционных мотивов (по представлениям студентов) места распределились следующим образом: второе место по частоте встречаемости заняли правовые (3,5%), третье — природно-климатические (1,3%), а четвертое — политические мотивы (1,2%). Среди правовых мотивов высказывались мнения о соблюдении прав и свобод, равенстве, толерантном отношении к другой точке зрения, реализации права на поддержку и защиту личности со стороны государства («свобода выражения мыслей, слова, личности», «не боятся высказывать свое мнение», «больше прав», «защита граждан», «хорошее отношение к людям другой национальности», «толерантное отношение к людям»). Природно-климатические «притягивающие» мотивы были представлены такими ответами респондентов, как: «меньшая загрязненность окружающей среды», «чистота окружающей среды», «климат более подходящий». Политические мотивы эмиграции отражались в ответах типа: «удовлетворенность политическим устройством других стран», «человечная социальная политика». Таким образом, в представлениях студентов среди «притягивающих» эмиграционных мотивов молодежи, так же как и среди «выталкивающих», доминирующими являются мотивы, обусловленные оценкой социально-экономической ситуации в странах предполагаемого переезда, а также мотивы, отражающие особенности правовой системы этих стран, их политического устройства, природно-климатических условий.

Отдельную группу (по представлениям студентов), наряду с «выталкивающими» и «притягивающими» мотивами, составили так называемые «индивидуально-личностные» побудители эмиграции (10,4% от общего числа всех ответов), обусловленные наличием у молодых людей определенных субъектных характеристик, в частности таких как стремление к лучшему, познание нового/неизведанного, реализация себя, своих идей, желаний («поиск лучшей жизни», «желание большего», «желание получить больше возможностей для самореализации», «желание реализовать свои идеи, мечты, проявить себя», «поиск новых впечатлений», «желание найти что-то новое», «желание посмотреть мир», «желание кардинально сменить обстановку», «любопытство и любознательность» [79,3% от всех ответов в дан-

ной группе мотивов)], а также жизненных обстоятельств (20,7%) («переезжают к родственникам», «замужество с иностранными гражданами», «воссоединение с семьей», «нашли своего человека для создания семьи», «по семейным обстоятельствам», «имеют другую национальность, несмотря на то, что родились и жили в России, едут к истокам», «по состоянию здоровья», «проблемы в жизни»).

Таким образом, было выявлено, что в представлениях смоленских студентов эмиграционное поведение российской молодежи является полимотивированным и может быть детерминировано не только внешними факторами окружающей среды (как страны исхода, так и стран предполагаемого переезда), но и внутренними психологическими свойствами личности и складывающимися жизненными обстоятельствами. Это подтверждает актуальность глубокого изучения не только внешних (экономических, политических, природно-климатических и т.п.) причин эмиграционного поведения, но и внутренних социально-психологических детерминант формирования эмиграционных намерений молодежи. Описанные выше результаты легли в основу разработанного нами и использованного при изучении социально-психологического пространства эмиграционных намерений студентов Беларуси, Казахстана и России опросника «Мотивы планируемой эмиграции студенческой молодежи»⁶.

С психологической точки зрения особый интерес представляет также подход к изучению мотивов эмиграции Е. Тартаковского и Ш. Шварца [Tartakovsky, Schwartz, 2001]. Авторы представили теоретическую типологию мотивации к эмиграции, разработанную на основе теории базовых человеческих ценностей [Schwartz et al., 2012], и выделили четыре группы мотивов (в зависимости от ценностей индивида), ориентация на которые и выступает важной побудительной силой к смене страны проживания: 1) сохранение (физическая, социальная и психологическая безопасность для себя и семьи); 2) саморазвитие (личностный рост, развитие способностей, приобретение новых знаний и навыков); 3) материализм (финансовое благополучие, богатство, контроль над физическими ресурсами) и 4) идеализм

⁶ Описание опросника представлено в главе 4.

(самотрансцендентность или самопреодоление). Данная теория была проверена и подтверждена (на выборке молодых евреев из России, намеревающихся выехать за рубеж на постоянное место жительства) в отношении трех видов мотивации эмиграции: сохранения, саморазвития и материализма (мотивация идеализма в эмпирическом исследовании не изучалась). Результаты показали, что в основе эмиграционных намерений лежат базовые человеческие ценности, формирующие мотивы эмиграции и руководящие эмиграционным поведением субъектов. Таким образом, потребностно-мотивационная основа эмиграционного поведения тесно связана с ценностно-смысловой сферой субъекта.

Значимая роль ценностей в формировании эмиграционных намерений современной студенческой молодежи была подтверждена и в нашем предыдущем исследовании [Муращенкова, 2021a]. Была обнаружена положительная связь эмиграционных намерений молодых студентов смоленских вузов с ценностями Самопреодоления и Самоутверждения, лежащими в основе эмиграционных мотивов «идеализма» и «материализма» (в терминологии Е. Тартаковского и Ш. Шварца). Содержательно ценность Самопреодоления (как ценность более высокого порядка) включает в себя ценности «универсализм» и «благожелательность» и предполагает ориентацию личности на заботу о природе, защиту окружающей среды и людей, признание важности справедливости и равных возможностей для всех, проявление терпимости, понимания и принятия других, значимость помощи и заботы о близких. То есть, вероятно, невозможность, по мнению студентов, в условиях проживания в России удовлетворения потребностей, лежащих в основе ценностей Самопреодоления, ведет к поиску ими других стран для жизни, стран, где эта ценность, по их мнению, может быть реализована. Обнаруженная положительная связь эмиграционных намерений и ценностей Самоутверждения свидетельствует о том, что у респондентов эмиграционное поведение направляется также стремлением к удовлетворению потребностей в получении власти, обретении финансового благополучия. Наряду с этим было выявлено нивелирование значимости ценностей Сохранения студентами с эмиграционными намерениями, что, с од-

ной стороны, может выступать ценностной основой готовности к добровольной эмиграции как к нетрадиционному для большинства населения поведению (то есть готовности действовать вразрез с существующими в обществе обычаями, традициями, нормами и правилами), а с другой — является проявлением специфического эмиграционного мотива, связанного с отрицанием ценности стабильности, постоянства, традиционности, с выраженным стремлением к изменениям, пересмотру существующих норм и правил.

Полученные нами результаты согласуются с работами других отечественных ученых [Бакина и др., 2019; Варшавская, Чудиновских, 2014], в которых указано, что стимулирующими факторами международной миграции выпускников региональных вузов России являются представления о низком уровне дружелюбности среды проживания в стране, а значимым психологическим условием роста эмиграционной активности современной молодежи является рассогласование между ценностями и доступностью их реализации в текущих условиях места проживания.

Важнейшим эмиграционным мотивом для студентов и выпускников университетов становится поиск работы и успешное трудоустройство за рубежом [Гриценко и др., 2020а; Мурашenkova и др., 2020; Bernardini-Zambrini et al., 2011; Bryer et al., 2020; Hooijen et al., 2020; Kvartiuk et al., 2020]. При этом особую роль для потенциальных молодых эмигрантов играют возможности саморазвития и самореализации в профессии (перспективы профессионального становления и карьерного роста, профессиональная инфраструктура, возможности профессионального общения и приобретения опыта, условия работы), а не просто уровень заработной платы [Bernardini-Zambrini et al., 2011; Gibson, McKenzie, 2011]. Согласно результатам нашего пилотажного исследования, направленного на оценку характера связи страхов и опасений студентов с их эмиграционными намерениями, на переезд за границу ориентированы студенты, хорошо осознающие свои желания, цели и намерения и проявляющие опасения относительно невозможности эффективного, благоприятного для себя трудоустройства в России, а также опасения относительно высокого риска проявления расовой и этниче-

ской дискриминации [Мурашенкова и др., 2020]. Ю.П. Зинченко и О.Ю. Зотова указывают на то, что чувство опасности является одним из основополагающих пусковых механизмов при принятии решения о переезде за границу [Зинченко, Зотова, 2013]. То есть представления о собственной безопасности могут являться значимым компонентом социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи. Однако Ю.П. Зинченко и О.Ю. Зотова отмечают, что связь представлений о безопасности с эмиграционными намерениями не может быть простой и линейной, поскольку между восприятием собственного «я» и выбором индивидом поведенческой альтернативы «вклинивается» множество локальных факторов, относящихся к разряду социально-психологических феноменов [Зинченко, Зотова, 2013]. Одним из таких феноменов является представление личности об эмиграции вообще и эмигранте как субъекте соответствующего поведения в частности. Зарубежные ученые выявили, что позитивное отношение к эмиграции выполняет роль посредника между стремлениями к переменам и эмиграционными намерениями молодежи [Gajdošová, Orosová, 2019]. При этом исследователи отмечают особую роль интернета в формировании позитивного отношения к эмиграции. Обнаружена хоть и слабая, но положительная связь между степенью личного пользования интернетом и выраженностью эмиграционных планов [Moon et al., 2010; Thulin, 2014]. Отмечается, что интернет помогает интенсифицировать, удерживать и закреплять интерес людей к эмиграции и соответствующим планам, особенно на первичной вдохновляющей стадии [Thulin, 2014].

С вопросом формирования позитивного отношения к международной мобильности тесно связан феномен «культуры миграции» [Benson, O'Reilly, 2016; Carling, Collins, 2018; De Haas, 2014; Horváth, 2008; Kandel, Massey, 2002; Moriarty et al., 2015; Nugin, 2014; Ray, 2006; Roth, 2012; Timmerman et al., 2014; Tran, 2016] как отражение одобряемых и/или желательных в обществе норм поведения и действий, связанных с реализацией эмиграционных интенций. В данном случае эмиграционные интенции являются продуктом формирования субъективных оценок и отношений на основе посылов, транслируемых на разных уровнях (семейно-родственном, дружеском, социальном, экономиче-

ском, политическом, правовом) [Carling, 2002]. Так, например, в отдельных странах эмиграция молодежи может рассматриваться как перспективный шаг и/или необходимый этап профессионального становления и развития [Moriarty et al., 2015; Roth, 2012]. Эмиграционные интенции изначально могут быть включены в «окно стремлений» молодежи [Ray, 2006], и тогда реальные эмигранты становятся примером для подражания [Kandel, Massey, 2002] и проводниками на пути реализации этих стремлений. Такой феномен, как «культура миграции», связан с формированием особого отношения к международной мобильности в обществе [Meuer, 2018], предполагающего не только отказ от социальной стигматизации намеревающихся или уже эмигрировавших граждан [Kvartiuk et al., 2020], но и рассмотрение эмиграционного процесса как ожидаемой нормы поведения [Kandel, Massey, 2002; Orosová et al., 2017], как движения вперед, а не ухода [Nugin R., 2014], как процесса самообразования [Tran, 2016], как не просто возможного и желательного, но решающего, необходимого и даже квазиобязательного акта для отдельных категорий граждан [Horváth, 2008; Liu-Farrer, 2016].

Результаты проведенного нами ранее исследования, направленного на выявление структуры и содержания социальных представлений молодежи об эмиграции и эмигранте [Гриценко и др., 2020б], свидетельствуют о высокой согласованности ядерных компонентов социальных представлений респондентов об эмиграции и их соответствии основным элементам научного определения данного феномена, что во многом объясняется длительностью употребления термина «эмиграция» в научной и обыденной коммуникации. Анализ периферической системы представлений позволил выявить три контекста рассмотрения феномена эмиграции современными студентами. Два из них относятся к рассмотрению эмиграции скорее как вынужденной формы поведения с превалирующим европейским направлением движения, а один контекст отражает добровольный характер эмиграции как стратегии, предоставляющей дополнительные возможности и перспективы [Гриценко и др., 2020б]. Именно этот последний, доминирующий в сознании молодежи контекст может являться предиктором формирования эмиграционных намерений у молодежи и рассмотрения ими эмиграции как фор-

мы реализации собственного потенциала и актуальных устремлений. Образ эмигранта в сознании большинства респондентов имеет позитивные черты [Гриценко и др., 2020б]. Доминирующими в представлениях студентов об эмигранте являются волевые черты и проявления. Выраженными также стали представления о материальном достатке, трудолюбии, когнитивных способностях эмигранта и стремлении к лучшему. Совокупный процент негативных описаний эмигранта был невелик — 3,5% от всех характеристик, которые были даны респондентами при описании эмигранта. В целом анализ частоты встречаемости описаний эмигранта, имеющих негативную эмоциональную окраску, позволяет сделать вывод о том, что в представлениях большинства респондентов образ эмигранта имеет привлекательные черты, содержательно наполнен позитивными характеристиками, что в совокупности с другими факторами может являться значимым предиктором формирования эмиграционных намерений у студентов.

2.5. Структура социально-психологического пространства эмиграционных намерений современной молодежи

Обзор современных отечественных и зарубежных научных работ в области психологии эмиграционного поведения позволил определить систему предикторов эмиграционных намерений молодежи, которые могут составлять соответствующее социально-психологическое пространство. Текущее исследование базируется на интеграции двух концепций: теории планируемого поведения А. Айзена [Ajzen, 1991; Fishbein, Ajzen, 2010], как одной из наиболее эмпирически подтвержденной на примерах самых разных типов поведения [Рассказова, Иванова, 2015], и концепции социально-психологического пространства А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко [Журавлев, Купрейченко, 2012]. Значимым методологическим преимуществом использования теории планируемого поведения А. Айзена является подтверждаемая эмпирическими исследованиями обоснованность рассмотрения эмиграционных намерений как феномена, позволяющего прогнозировать реальное эмиграционное поведение [Tjaden et al., 2019; Van Dalen, Henkens, 2013; Williams et al., 2018]. В связи с

этим анализ социально-психологического пространства эмиграционных намерений, рассматриваемых с позиции теории А. Айзена, опосредованно повышает прогностическую способность изучаемых социально-психологических предикторов применительно к реальному эмиграционному поведению. В свою очередь, опора на концепцию социально-психологического пространства позволяет осуществить изучение социально-психологических предикторов эмиграционных намерений молодежи на качественно новом системном уровне — провести анализ целостной структуры социально-психологических детерминант с учетом их силы и вектора влияния. Кросс-культурный анализ, в свою очередь, дает возможность выявить общие и культурно-специфические компоненты социально-психологического пространства эмиграционных намерений российской, белорусской и казахстанской молодежи.

Базовым основанием для выделения социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи, с одной стороны, служит объективно фиксируемый и описанный ранее рост эмиграционной активности современной молодежи, что, в свою очередь, свидетельствует об интересе молодежи к данной форме активности и актуализации соответствующего молодежного дискурса. С другой стороны, в основе выделения социально-психологического пространства эмиграционных намерений современной молодежи лежат результаты исследований [Грищенко и др., 2020б; Фролова, 2020], согласно которым представления о переезде за границу как о форме реализации *успешной жизненной стратегии* являются центральными компонентами социальных представлений об эмиграции у значительной части молодежи. Наряду с этим подтверждается наличие двух противоположных жизненных стратегий у современной молодежи: эмиграционной стратегии и стратегии приверженности стране [Фролова, 2020]. При этом эмиграционное намерение как фактор готовности к эмиграции и результат принятия соответствующего решения имеет долгосрочные последствия и соотносится с масштабом жизненного пути не только самого индивида, но и значимых других, в связи с чем процесс формирования эмиграционного намерения является отражением и результатом процесса самоопределения личности.

Опираясь на проведенный теоретический анализ многочисленных существующих исследований⁷, а также на результаты собственных исследований [Гриценко и др., 2020а, 2020б; Муращенко и др., 2020; Муращенко, 2021а, 2021б, 2021в] в области психологии эмиграции, мы разработали авторскую теоретическую модель, согласно которой социально-психологическое пространство эмиграционных намерений молодежи мы рассматриваем:

- как результат самоопределения субъекта, как одно из множества возможных социально-психологических пространств личности, сформированное в процессе дискурса об эмиграции;
- как систему отношений субъекта к эмиграции и связанным с ней объектам и явлениям (само эмиграционное намерение как решение о переезде за границу; «я» субъекта в контексте эмиграции; страна настоящего проживания, которую субъект планирует сменить; страна предполагаемого переезда, куда субъект стремится попасть; сограждане субъекта [широкое социальное окружение]; значимые близкие люди [узкое социальное окружение]; другие люди [жители других стран, человечество в целом]);
- как систему взаимосвязанных предикторов, обуславливающих развитие эмиграционных намерений, ключевыми из которых являются следующие: позитивные установки в отношении эмиграции; уверенность в возможности реализации эмиграционного поведения; представления о позитивном отношении значимых других к эмиграционному поведению; мотивы эмиграции; представления субъекта о «выталкивающих» факторах страны исхода; представления субъекта о «притягивающих» факторах страны предполагаемого переезда; представления о настоящем и будущем страны текущего проживания; эмоциональная привязанность к стране и месту проживания, к значимым людям; ценности; представления о своем личном настоящем и будущем; социальная (глобальная, гражданская, этническая, профессиональная) идентичность; удовлетворенность жизнью; воспринимаемая дискриминация; воспринимаемая безопасность (в частности, переживание страха COVID-19

⁷ См. п. 2.3 главы 2.

и объективная дистанция с COVID-19⁸); воспринимаемая поддержка от значимых других за пределами страны проживания.

Социально-демографическими факторами, оказывающими влияние на развитие эмиграционных намерений, могут выступать пол, возраст, материальное положение, владение иностранными языками, опыт международной мобильности.

Мы предполагаем, что эмиграционные намерения могут быть положительно связаны с позитивным отношением к решению эмигрировать; с уверенностью в возможности реализации эмиграционного поведения; с представлениями о позитивном отношении значимых других к собственному эмиграционному поведению; с негативными представлениями о настоящем и будущем страны текущего проживания; со слабой выраженностью эмоциональных привязанностей субъекта к стране и месту текущего проживания, а также к значимым людям. Наряду с этим мы формулируем предположение о положительных связях эмиграционных намерений молодежи с ценностями Самоутверждения, Самопреодоления, Открытости изменениям и отрицательной связи с ценностями Сохранения (в терминологии теории Ш. Шварца). Помимо этого мы считаем, что эмиграционные намерения будут иметь положительные связи с негативными представлениями молодежи о своем личном настоящем; с низкой удовлетворенностью жизнью; с позитивными представлениями о своем личном будущем; с выраженной глобальной и профессиональной идентичностями; с низким уровнем выраженности гражданской идентичности; с высоким уровнем воспринимаемой дискриминации; с ощущением и представлением о собственной небезопасности в стране проживания; с низким уровнем страха перед COVID-19; с наличием воспринимаемой поддержки от значимых других за пределами страны проживания. Мы предполагаем также отрицательную связь эмиграционных намерений с возрастом респондентов и уровнем материальной обеспеченности и положительную связь с опытом международной мобильности и владением иностран-

⁸ Данные предикторы были включены в модель социально-психологического пространства как предполагаемые контекстные факторы планируемого эмиграционного поведения молодежи в условиях пандемии COVID-19.

ными языками. В ходе эмпирического исследования будут проверены выдвинутые предположения и выявлены кросс-культурные особенности взаимосвязей перечисленных предикторов с эмиграционной активностью у студенческой молодежи трех стран. При этом мы не формулируем гипотезы о характере связи эмиграционных намерений с полом, объективной дистанцией с COVID-19 и с этнической идентичностью молодых людей по причине неоднозначности данных, представленных в научной литературе. Выводы о связи этих переменных будут сделаны на основе результатов эмпирического исследования — кросс-культурного анализа различий социально-психологического пространства эмиграционных намерений российской, белорусской и казахстанской молодежи.

Ниже представлена модель эмпирического исследования социально-психологического пространства эмиграционных намерений студентов — граждан Беларуси, Казахстана и России. Подробное описание результатов эмпирического исследования представлено в разделе 2 данной монографии.

Таким образом, социально-психологическое пространство эмиграционного намерения личности является одним из множества видов социально-психологических пространств, которые могут сформироваться в процессе жизни человека. Данное пространство, ядром которого выступает эмиграционное намерение (развивающееся на основе желания эмигрировать) связано с планированием добровольного эмиграционного поведения. Планируемое добровольное эмиграционное поведение подвержено влиянию различных индивидуально-психологических и социально-психологических факторов, которые также являются компонентами социально-психологического пространства эмиграционных намерений субъекта. Однако данные факторы одновременно могут включаться в структуру и других социально-психологических пространств, что не исключает их значимой роли в детерминации эмиграционного намерения. Напротив, включенность психологических факторов эмиграционного намерения в различные виды социально-психологических пространств личности может являться основой для понимания психологических механизмов взаимосвязи и взаимовлияния разных социально-психологических

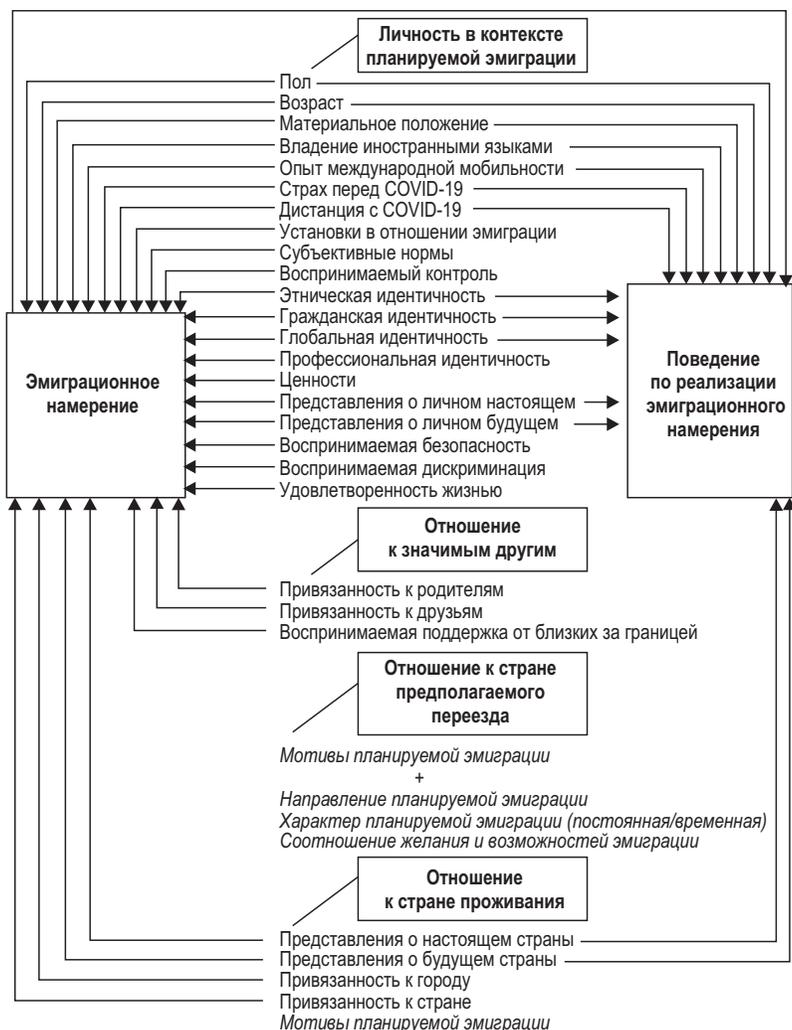

Рис. 2.5. Модель эмпирического исследования социально-психологического пространства эмиграционных намерений студентов — граждан Беларуси, Казахстана и России

Примечание. Внешний контекст — пандемия COVID-19, предполагаемое время реализации планируемой эмиграции — ближайшие пять лет; курсивом выделены элементы пространства, описываемые в эмпирической части, но не включенные в регрессионные модели.

пространств субъекта. Однако вышеуказанная проблематика выходит за пределы научной работы, результаты которой изложены на страницах этой монографии, но может являться перспективным направлением дальнейших исследований в данном научном проблемном поле.

Раздел 2

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЭМИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ, КАЗАХСТАНА И РОССИИ

ГЛАВА 3. ЭМИГРАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ, КАЗАХСТАНА И РОССИИ (ВЫБОРКА, ПРОЦЕДУРА И КОНТЕКСТ ИССЛЕДОВАНИЯ)

В исследовании приняли участие студенты вузов (в возрасте от 18 до 25 лет) — русскоговорящие граждане трех стран постсоветского пространства (Беларуси, Казахстана и России) с общей историей и языком, стран, сохранивших тесные экономические и культурные связи и характеризующихся схожими линиями молодежной политики [Айтжанова, 2018; Молодежь в Содружестве Независимых Государств, 2021; Silvan, 2019]. Для всех трех государств проблема сохранения молодежи является актуальной и требует решения. За период с 2010 по 2021 год в рассматриваемых странах значительно снизилась доля молодежи в возрасте от 15 до 29 лет в общей численности населения: с 22,7% до 16,0% в России, с 27,8% до 20,5% в Казахстане и с 22,6% до 16,0% в Беларуси¹, что было обусловлено в том числе и ростом международной мобильности молодежи. В 2019 году, по данным Статкомитета СНГ, из России эмигрировали 401 тыс. человек, из которых 138 тыс. человек (34,4%) — молодежь в возрасте от 15 до 29 лет; из Беларуси уехали соответственно 26 тыс. человек (9,4 тыс. человек [36,2%] из которых — это молодежь в возрасте от 15 до 29 лет), из Казахстана — 39,8 тыс. человек (9,4 тыс. молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет [24,0%]) [Молодежь в Содружестве Независимых Государств, 2021].

В то же время, несмотря на тесные экономические и культурные связи Беларуси, Казахстана и России, молодежь данных стран характеризуется своеобразием ценностно-мотивационных приоритетов [Данилов, Ротман, 2021; Ильинский, Луков, 2020; Молодежь в Содружестве Независимых Государств: статистический портрет, 2021; Рязанцев и др., 2021; Шарипова, Бейменбетов, 2021]. В связи с этим кросс-культурный анализ психологических драйверов эмиграционной активности студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России может способствовать

¹ Молодежь в Содружестве Независимых Государств: статистический портрет. М.: Статкомитет СНГ, ЮНФПА, 2021. С. 23–24.

как наилучшему пониманию причин и механизмов формирования эмиграционного поведения у образованных молодых граждан этих государств, так и выявлению социокультурной специфики планируемого эмиграционного поведения и опосредующих его факторов у молодых россиян.

Сбор эмпирических данных осуществлялся в ходе анонимного онлайн-опроса в период с января 2021 года по апрель 2021 года. Исследовательская анкета была размещена на платформе anketolog.ru. Ссылку на анкету распространяли среди студентов Беларуси, Казахстана и России преподаватели вузов трех стран. Это была выборка согласных, вознаграждение за участие в опросе не предусматривалось.

Всего было собрано 1723 анкеты (1104 от россиян, 313 от казахстанцев и 306 от белорусов). После отсева анкет респондентов, не соответствующих параметрам выборки, требованиям к заполнению, а также анкет, заполненных частично, в основную базу результатов исследования были включены 987 анкет (579 от россиян, 208 от белорусов, 200 от казахстанцев).

Отметим контекст, в котором осуществлялся сбор данных в Беларуси, Казахстане и России. С одной стороны, сбор данных проходил в условиях пандемии COVID-19 на фоне роста числа зараженных и погибших от коронавируса во всех трех исследуемых странах согласно данным еженедельных эпидемиологических сводок Всемирной организации здравоохранения [Weekly epidemiological update — 27 January 2021; Weekly epidemiological update on COVID-19 — 20 April 2021]. Помимо этого, в России сбор данных проходил на фоне протестной активности населения в различных городах страны [Архипова и др., 2021; Давыдов, 2022]. В Беларуси сбор данных также осуществлялся на фоне повышенной гражданской активности населения в условиях социально-политического и гражданского кризиса, возникшего после президентских выборов в 2020 году [Дырина, 2020]. В Казахстане онлайн-опрос проводился на фоне объективно существующих, но завуалированных на тот момент противоречий и кризисов в социально-политической и социально-экономической сферах. Сделать подобный вывод позволяют прокатившиеся в начале 2022 года массовые протесты населения в Казахстане и последовавшие за этим изменения в политической и

социально-экономической сферах [Митин, Стефанкин, 2022; Притчин, 2022].

Основную выборку российских респондентов составили 579 студентов российских вузов из Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Пензы, Смоленска и Хабаровска. Количество респондентов из Санкт-Петербурга и Москвы — 267 (46%). Все респонденты — граждане России в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст — 20 лет; SD = 1,6; 85% женщин), обучающиеся по следующим направлениям: гуманитарное (70%), экономическое (22%), техническое (8%). По этнической принадлежности 84% опрошенных идентифицировали себя как русские. Почти половина опрошенных — 264 студента (46 %) — отметили, что не принадлежат ни к одной религиозной конфессии, в то время как 256 студентов (44%) отнесли себя к представителям православия. С рождения проживают в городах, где проходил опрос, 54% респондентов, 43% студентов переехали из других населенных пунктов России. Не владеют иностранными языками 21% респондентов, 36% респондентов никогда не были за границей, 86% студентов обучаются на бакалавриате. Состоят в серьезных, но не зарегистрированных официально отношениях 27% респондентов; в официально зарегистрированном браке состоят 4% опрошенных; остальные респонденты указали, что не имеют пары. Дети есть у 1% респондентов. Личный опыт заболевания COVID-19 присутствует у 26% опрошенных.

Выборку белорусских респондентов составили 208 русскоговорящих студентов вузов из Минска, Гродно, Витебска. Количество респондентов, проживающих в столице, — 33%. Все респонденты — граждане Беларуси в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст — 20 лет; SD = 1,9; 75% женщин), обучающиеся по следующим направлениям: гуманитарное (88%), экономическое (4%), техническое (8%). По этнической принадлежности 94% опрошенных идентифицировали себя как белорусы; 49% респондентов отметили, что не принадлежат ни к одной религиозной конфессии, в то время как 41% студентов-белорусов отнесли себя к представителям православия. С рождения проживают в городах, где проходил опрос, 57% респондентов, 41% студентов переехали из других населенных пунктов Беларуси. Не владеют иностранными языками 16% респондентов, 19% респондентов никогда

не были за границей, 73% студентов обучаются на бакалавриате. Состоят в серьезных, но не зарегистрированных официально отношениях 23% респондентов, в официально зарегистрированном браке состоят 5% опрошенных, остальные указали, что не имеют пары. Дети есть у 2% респондентов. Личный опыт заболевания COVID-19 присутствует у 29% опрошенных.

Выборку казахстанских респондентов составили 200 русскоговорящих студентов вузов из Нур-Султана, Павлодара, Усть-Каменогорска². Количество респондентов, проживающих в столице, — 31%. Все респонденты — граждане Казахстана в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст — 21 год; SD = 1,9; 74% женщин), обучающиеся по следующим направлениям: гуманитарное (69%), экономическое (9%), техническое (22%). По этнической принадлежности 54% опрошенных отнесли себя к казахам, 42% респондентов отметили, что не принадлежат ни к одной религиозной конфессии, в то время как 40% студентов-казахстанцев отнесли себя к представителям ислама. С рождения проживают в городах, где проходил опрос, 69% респондентов, 29% студентов переехали из других населенных пунктов Казахстана. Не владеют иностранными языками 35% респондентов, 56% респондентов никогда не были за границей, 51% студентов обучаются на бакалавриате. Состоят в серьезных, но не зарегистрированных официально отношениях 26% респондентов, в официально зарегистрированном браке состоят 11% опрошенных, остальные указали, что не имеют пары. Дети есть у 8% респондентов. Личный опыт заболевания COVID-19 присутствует у 11% опрошенных.

Для целей межстранового и мультигруппового анализа использовались данные *сокращенной по численности российской выборки*, но уравненной по основным социально-демографическим параметрам с белорусской и казахстанской выборками. *Сокращенную российскую выборку составили 250 студентов российских вузов из Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Пензы, Смоленска и Хабаровска. Количество респондентов, проживающих в столице, — 46%. Все респонденты — граждане России в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст — 20 лет; SD = 1,5;*

² Казахстанская выборка представлена преимущественно респондентами из северных регионов страны.

75% женщин), обучающиеся по следующим направлениям: гуманитарное (70%), экономическое (22%), техническое (8%). По этнической принадлежности в данной выборке 87% опрошенных идентифицировали себя как русские, 46 % респондентов отметили, что не принадлежат ни к одной религиозной конфессии, в то время как 46% студентов отнесли себя к представителям православия. С рождения проживают в городах, где проходил опрос, 55% респондентов, 41% студентов переехали из других населенных пунктов России. Не владеют иностранными языками 21% респондентов, 36% респондентов никогда не бывали за границей, 81% студентов обучаются на бакалавриате. Состоят в серьезных, но не зарегистрированных официально отношениях 23% респондентов, в официально зарегистрированном браке состоят 5% опрошенных, остальные указали, что не имеют пары. Дети есть у 2% респондентов. Личный опыт заболевания COVID-19 присутствует у 29% опрошенных.

ГЛАВА 4. МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДЛЯ АНАЛИЗА СТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЭМИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Основным методическим исследовательским инструментом является авторская анкета (см. приложение 2), включающая разработанные опросники «Планируемое эмиграционное поведение» (приложение 2, п. 16, № 1–14) и «Мотивы планируемой эмиграции студенческой молодежи» (п. 19, № 1–20), а также ряд методик других авторов, подобранных для оценки компонентов социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи. Для опроса российской, белорусской и казахстанской молодежи на платформе <https://anketolog.ru/> были представлены отдельные анкеты с указанием соответствующих стран гражданской принадлежности (Беларусь, Казахстан, Россия) в тех блоках и методиках, где это было необходимо. Указание в утверждениях по оценке эмиграционной активности пятилетнего рубежа реализации эмиграционного намерения обусловлено особенностями студенческой выборки. Так мы учли временной интервал окончания вузовского обучения, чтобы исключить воздействие на ответы респондентов при оценке эмиграционных интенций фактора необходимости/желательности окончания начатого в стране проживания обучения.

А. Блок оценки эмиграционной активности студенческой молодежи

1. Опросник «Планируемое эмиграционное поведение» (приложение 2, п. 16, № 1–14).

Для оценки компонентов планируемого эмиграционного поведения на основе рекомендаций, сформулированных в соответствии с базовыми положениями теории А. Айзена [Ajzen, 1991; Ajzen, 2002; Fishbein, Ajzen, 2010; Francis et al., 2004], был разработан авторский опросник «Планируемое эмиграционное поведение».

Первоначальная версия опросника содержала 24 утверждения. По итогам мультигруппового конфирматорного факторного анализа, проведенного на выборках студенческой молодежи Бе-

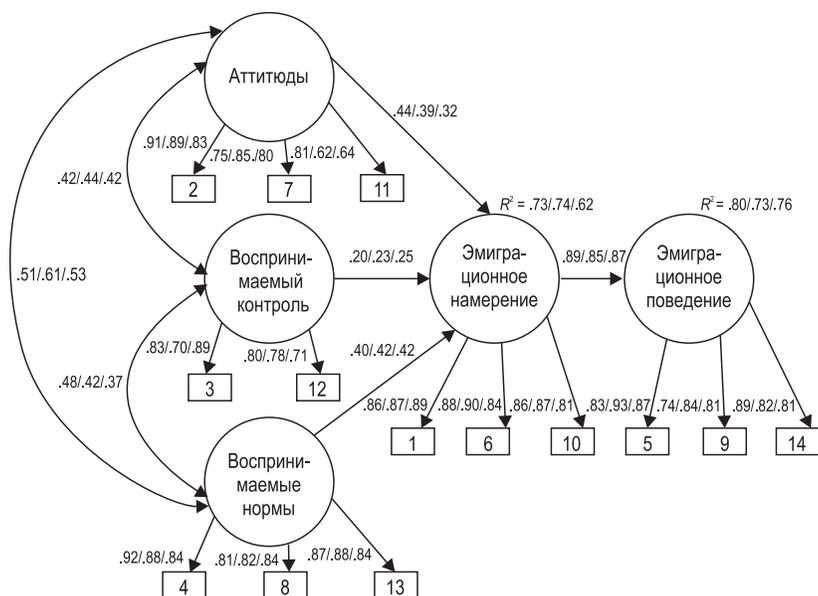

Рис. 4.1. Графическое представление результатов мультигруппового конфирматорного факторного анализа опросника «Планируемое эмиграционное поведение», проведенного на белорусской/казахстанской/российской выборках

Примечания. Для удобства восприятия рисунок модели не перегружен изображением остатков и ошибок; все представленные коэффициенты статистически значимы на уровне $p < 0,001$; R^2 — доля объясненной дисперсии зависимой переменной; номера измеренных переменных в модели соответствуют номерам утверждений опросника «Планируемое эмиграционное поведение», представленного ниже.

ларуси ($n = 208$), Казахстана ($n = 200$) и России ($n = 250$)¹, модель, включающая 24 утверждения, продемонстрировала приемлемые показатели согласия: $\chi^2 = 1904,932$; $df = 735$; $p = 0,000$; $CFI = 0,904$; $RMSEA = 0,049$; $PCLOSE = 0,661$. Однако с целью соблюдения требования оптимального соотношения количества переменных модели и объема выборки (количество респондентов в каждой сравниваемой группе должно в 10–20 раз превышать количество оцениваемых параметров [Kline, 2011]) была проведена коррек-

¹ Подробное описание выборки представлено в главе 3.

тировка модели. Она предполагала поэтапное удаление переменных-утверждений, входящих в латентные факторы с наиболее слабыми статистическими нагрузками [Leung et al., 2013; Wieland et al., 2017]. Была получена модель, включающая 14 утверждений, объединенных в пять латентных факторов (рис. 4.1).

Эта модель имела лучшие (в сравнении с первоначальной) показатели согласия (табл. 4.1) и статистически значимые нагрузки ($p < 0,001$) для всех переменных, входящих в латентные конструкторы (рис. 4.1).

Мультигрупповой конфирматорный факторный анализ скорректированной модели продемонстрировал приемлемые показатели согласия [Наследов, 2013] и наличие конфигурационной, метрической и скалярной инвариантности (табл. 4.1), что позволило сравнивать средние значения показателей и связи между компонентами планируемого эмиграционного поведения у студентов трех стран.

Таблица 4.1. Статистики согласия мультигрупповой модели связи компонентов планируемого эмиграционного поведения у студентов Беларуси, Казахстана и России

Модель инвариантности	CFI	ΔCFI	RMSEA	AIC	PCLOSE	Chi-square	df	<i>p</i>
Конфигурационная	0,953		0,046	791,586	0,911	497,586	210	0,000
Метрическая	0,952	0,001*	0,045	781,778	0,964	523,778	228	0,000
Скалярная	0,944	0,009*	0,045	804,983	0,942	602,983	256	0,000

Примечания. CFI — сравнительный индекс согласия; RMSEA — квадратный корень средней квадратической ошибки аппроксимации; AIC — информационный критерий Акаике; PCLOSE — тест значимости; Chi-square — критерий хи-квадрат; df — число степеней свободы; *p* — уровень значимости; * — Δ CFI < 0,01.

Опросник содержит 14 утверждений и пять шкал. По три утверждения содержат шкалы «Эмиграционное намерение» (α -Кронбаха: 0,90/0,91/0,88 для белорусской, казахстанской и российской выборок соответственно), «Аттитюды в отношении эмиграции» (α -Кронбаха: 0,86/0,83/0,80), «Воспринимаемые нормы» (α -Кронбаха: 0,90/0,89/0,87) и «Поведение по реализации эмиграционного намерения» (α -Кронбаха: 0,86/0,89/0,87). Шкала «Воспринимаемый контроль» включает два утверждения (α -Кронбаха: 0,80/0,71/0,77). Обработка результатов предполагает подсчет средних значений по каждой из пяти шкал, текст и ключ опросника представлены ниже.

Инструкция: Отметьте, пожалуйста, степень своего согласия со следующими утверждениями, используя шкалу:

- 1 — абсолютно не согласен(на);
- 2 — не согласен(на);
- 3 — скорее не согласен(на);
- 4 — скорее согласен(на);
- 5 — согласен(на);
- 6 — абсолютно согласен(на).

Утверждения	1	2	3	4	5	6
1. Я планирую в ближайшие пять лет переехать жить в другую страну						
2. Для меня решение переехать жить за границу в ближайшие пять лет — умное						
3. Переехать жить за границу в моих силах						
4. Большинство значимых для меня людей считают, что мне следует переехать жить за границу						
5. Я уже активно разрабатываю план действий для переезда за границу						
6. Я хочу в ближайшие пять лет переехать жить в другую страну						
7. Для меня решение переехать за границу в ближайшие пять лет — приятное						

Утверждения	1	2	3	4	5	6
8. Члены моей семьи хотят, чтобы я переехал(а) жить за границу						
9. В настоящее время я стараюсь получить как можно больше информации из разных источников о стране предполагаемого переезда						
10. Я готов(а) в ближайшие пять лет переехать жить за границу						
11. Для меня решение переехать жить за границу в ближайшие пять лет — полезное						
12. Если я захочу, я смогу переехать жить другую страну						
13. Большинство моих друзей считают, что мне следует переехать жить за границу						
14. Я уже активно взаимодействую с теми, кто может помочь мне переехать жить за границу						

Обработка результатов предполагает подсчет средних значений по шкалам.

Ключ опросника

Шкала «Эмиграционное намерение» — 1, 6, 10.

Шкала «Поведение по реализации эмиграционного намерения» — 5, 9, 14.

Шкала «Воспринимаемые нормы в отношении эмиграции» — 4, 8, 13.

Шкала «Воспринимаемый контроль в отношении эмиграции» — 3, 12.

Шкала «Аттитюды в отношении эмиграции» — 2, 7, 11.

2. Опросник «Мотивы планируемой эмиграции студенческой молодежи» (приложение 2, п. 19, № 1–20).

Данный опросник был разработан на основе анализа представлений студентов-смолян о мотивах эмиграции современной российской молодежи [Гриценко и др., 2020а]. На основе тематического и качественного контент-анализа 837 ответов студен-

тов на открытый вопрос «Как Вы думаете, почему некоторые молодые люди принимают решение переехать из России в другую страну на постоянное место жительства? Запишите наиболее значимые, на Ваш взгляд, причины для эмиграции молодежи из современной России» были сформулированы 20 утверждений опросника. Эти утверждения отражают основные мотивы планируемой эмиграции, содержащиеся в ответах респондентов, а также, согласно данным проведенного нами обзора научных работ², достаточно полно представляют мотивы планируемой эмиграции современной российской молодежи в целом. Ниже представлены инструкция и текст опросника.

Инструкция: Если бы Вы решили в ближайшие пять лет переехать жить из Беларуси/Казахстана/России*³ в другую страну, какие причины лежали бы в основе этого решения?

Завершите, пожалуйста, предложение «Если бы я решил(а) в ближайшие пять лет переехать жить в другую страну, то это было бы потому что...» в соответствии с шестибальной шкалой:

- 1 — абсолютно не согласен(на);
- 2 — не согласен(на);
- 3 — скорее не согласен(на);
- 4 — скорее согласен(на);
- 5 — согласен(на);
- 6 — абсолютно согласен(на).

Если бы я решил(а) в ближайшие пять лет переехать из Беларуси/Казахстана/России* жить в другую страну, то это было бы потому что...	Абсолютно не согласен(на)	Не согласен(на)	Скорее не согласен(на)	Скорее согласен(на)	Согласен(на)	Абсолютно согласен(на)
1) я чувствую себя в Беларуси/Казахстане/России* небезопасно	1	2	3	4	5	6
2) мне ближе культура и традиции другой страны	1	2	3	4	5	6

² См. п. 2.4 главы 2.

³ Здесь и далее в других утверждениях опросника * означает, что необходимо указать название той страны, гражданами которой являются респонденты.

Если бы я решил(а) в ближайшие пять лет переехать из Беларуси/ Казахстана/России* жить в другую страну, то это было бы потому что...	Абсолютно не согласен(на)	Не согласен(на)	Скорее не согласен(на)	Скорее согласен(на)	Согласен(на)	Абсолютно согласен(на)
3) я обеспокоен(а), что не смогу найти хорошую работу в Беларуси/ Казахстане/России*						
4) я хочу воссоединиться с родственниками за рубежом	1	2	3	4	5	6
5) я обеспокоен(а) высоким уровнем коррупции в Беларуси/Казахстане/России*	1	2	3	4	5	6
6) я ищу более легкую и комфортную для себя жизнь за границей	1	2	3	4	5	6
7) я не вижу перспектив для самореализации в Беларуси/Казахстане/России*	1	2	3	4	5	6
8) я стремлюсь к риску и ищу новые впечатления	1	2	3	4	5	6
9) я не удовлетворен(а) системой правосудия в Беларуси/Казахстане/России*						
10) я ожидаю, что переезд позволит мне устроить свою личную жизнь	1	2	3	4	5	6
11) я не удовлетворен(а) качеством медицинских услуг в Беларуси/Казахстане/России*						
12) я уверен(а), что переезд позволит мне повысить свой материальный достаток	1	2	3	4	5	6
13) я не удовлетворен(а) политической системой в Беларуси/Казахстане/России*	1	2	3	4	5	6

Если бы я решил(а) в ближайшие пять лет переехать из Беларуси/Казахстана/России* жить в другую страну, то это было бы потому что...	Абсолютно не согласен(на)	Не согласен(на)	Скорее не согласен(на)	Скорее согласен(на)	Согласен(на)	Абсолютно согласен(на)
14) я считаю, что переезд за границу позволит мне реализоваться как профессионалу	1	2	3	4	5	6
15) я переживаю за будущее своих детей в Беларуси/Казахстане/России*	1	2	3	4	5	6
16) я обеспокоен(а) экологической обстановкой в Беларуси/Казахстане/России*	1	2	3	4	5	6
17) я не удовлетворен(а) качеством образования в Беларуси/Казахстане/России*	1	2	3	4	5	6
18) меня привлекают природно-климатические условия другой страны	1	2	3	4	5	6
19) я не удовлетворен(а) экономической ситуацией в Беларуси/Казахстане/России*	1	2	3	4	5	6
20) мне очень интересно узнать, каково это — жить в другой стране	1	2	3	4	5	6

Обработка данных (в зависимости от целей исследования или мониторинга) может производиться путем подсчета средних значений, рангового распределения мотивов, а также путем сокращения размерности и обобщения данных с помощью эксплораторного факторного анализа.

3. Оценка географических направлений, характера планируемой эмиграции и типов эмиграционной активности в зависимости от соотношения имеющихся или отсутствующих эмиграционных желаний и возможностей для осуществления переезда за границу у студентов трех стран.

Для оценки *выраженности эмиграционных намерений и географических направлений планируемой эмиграции* был сформулирован

полузакрытый вопрос (приложение 2, п. 18): «Если у Вас есть намерение в ближайшие пять лет переехать жить за границу, укажите, пожалуйста, в какую страну Вы собираетесь уехать? Если собираетесь уезжать, но страну еще не выбрали — выберите вариант “затрудняюсь ответить”. Если не собираетесь переезжать в другую страну — выберите вариант “не планирую переезжать”».

Для оценки *характера планируемой эмиграции* были сформулированы два утверждения (приложение 2, п. 16, № 15–16), для которых необходимо было выбрать ответ в соответствии с шестибальной шкалой (от 1 — «абсолютно не согласен[на]» до 6 — «абсолютно согласен[на]»): «Я планирую в ближайшие пять лет переехать жить за границу *навсегда*»; «Я планирую в ближайшие пять лет переехать жить за границу *на время*».

Для оценки *типов эмиграционной активности* студентов в зависимости от соотношения имеющихся у них эмиграционных желаний и возможностей мы предлагали респондентам выбрать один из четырех вариантов, в наибольшей степени отражающий их положение на момент опроса (приложение 2, п. 17): «У меня есть желание и есть возможности в ближайшие пять лет переехать жить из Беларуси/Казахстана/России* в другую страну»; «У меня есть желание, но нет возможностей в ближайшие пять лет переехать жить из Беларуси/Казахстана/России* в другую страну»; «У меня есть возможности, но нет желания в ближайшие пять лет переехать жить из Беларуси/Казахстана/России* в другую страну»; «У меня нет желания и нет возможностей в ближайшие пять лет переехать жить из Беларуси/Казахстана/России* в другую страну».

Б. Блок оценки индивидуальных ценностей студенческой молодежи

Диагностика индивидуальных ценностей осуществлялась с помощью сокращенной версии «Опросника портретных ценностей» Ш. Шварца (PVQ-21 — ESS), разработанного для Европейского социального исследования [Schwartz et al., 2001]. Опросник включает 21 утверждение (приложение 2, п. 1 № 1–21) и измеряет десять базовых ценностей (Безопасность, Конформность, Традицию, Благожелательность, Универсализм, Самостоятель-

ность, Стимуляцию, Гедонизм, Достижение, Власть) и четыре ценности высшего порядка (ценности Сохранения, Открытости изменениям, Самоутверждения и Самопреодоления). Каждое утверждение опросника определенным образом описывает человека (например: «Для него важно придумывать новое и подходить ко всему творчески. Ему нравится делать все по-своему, своим оригинальным способом»). Респондентам предлагается ответить на вопрос о том, насколько этот человек похож на них, используя шестибалльную шкалу (от 1 — «совсем не похож на меня» до 6 — «очень похож на меня»). Обработка результатов осуществляется путем подсчета средних значений по утверждениям, связанным с конкретными базовыми ценностями, а также с ценностями высшего порядка. В соответствии с целью исследования и инструкцией автора по обработке результатов опросника [Schwartz, 2003] мы проводили подсчет средних значений по утверждениям, соответствующим ценностям высшего порядка — ценностям Сохранения, Открытости изменениям, Самоутверждения и Самопреодоления.

В. Блок оценки типов социальной идентичности (профессиональной, этнической, гражданской и глобальной) у студенческой молодежи

Для оценки выраженности *профессиональной идентичности* использовался сокращенный модифицированный вариант методика «Кто я?» М. Куна, Т. Макпартленда [Kuhn, McPartland, 1954; Татарко, Лебедева, 2011] (приложение 2, п. 2). Респондентам предлагалось пять раз по-разному ответить на открытый вопрос «Кто я сейчас?». Профессиональная идентичность оценивалась на основе контент-анализа представленности профессиональных ролей в характеристиках настоящего «я» респондентов. Наряду с этим анализировались также ответы респондентов на сформулированный закрытый вопрос (приложение 2, п. 5) «Планируете ли Вы в будущем работать по получаемой сейчас специальности?» со шкалой ответов от 1 — «однозначно нет» до 4 — «однозначно да».

Для оценки *этнической идентичности* использовалась методика оценки позитивности и неопределенности этнической

идентичности А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой [Татарко, Лебедева, 2011] (приложение 2, п. 8, № 8а–8г.), включающая четыре утверждения с шестибальной шкалой ответов (от 1 — «абсолютно не согласен(на)» до 6 — «абсолютно согласен(на)»). Шкалы «валентность этнической идентичности» и «определенность этнической идентичности» позволили оценить эмоциональную окрашенность этнической идентичности и то, насколько ясно индивид осознает себя представителем своего этноса. Проводился подсчет средних значений по шкалам.

Гражданская и глобальная идентичности измерялись с помощью методики «Идентификация с человечеством» (IWAN) С. Макфарленда [McFarland et al., 2012] в адаптации Т.А. Нестика [Нестик, Журавлев, 2018] (приложение 2, п. 11, № 11а–11и), состоящей из девяти вопросов, на каждый из которых предлагалось пять ответов, построенных по типу шкалы Ликерта и отражающих отношение респондентов к гражданам страны (1) и человечеству в целом (2). Проводился подсчет суммы значений по четырем шкалам: «когнитивный компонент гражданской идентичности», «аффективный компонент гражданской идентичности», «когнитивный компонент глобальной идентичности», «аффективный компонент глобальной идентичности».

Г. Блок оценки представлений студенческой молодежи о личном настоящем и будущем, а также о настоящем и будущем своей страны

Для изучения представлений молодежи о настоящем и будущем (своем и своей страны) использовалась методика «Временные аттитюды» Ж. Нюттена [Нюттен, 2004] в модификации Т.А. Нестика [Нестик, 2015] (приложение 2, п. 3, 4, 12, 13). В основе методики — метод семантического дифференциала. Респондентам предъявлялись четыре идентичных списка из 24 прилагательных («безопасное», «светлое», «прекрасное», «трудное» и т.д.) для оценки личного настоящего (1) и будущего (2), а также настоящего (3) и будущего (4) страны, в которой они живут. Респонденты присваивали каждой характеристике из списков балл от 1 до 7 в зависимости от того, насколько точно, по их мнению, каждое прилагательное описывает их собственное настоящее и будущее, а также настоящее и будущее их страны.

Д. Блок оценки эмоциональных привязанностей студенческой молодежи и воспринимаемой поддержки от значимых других за пределами страны проживания

Для оценки выраженности эмоциональных привязанностей субъекта использовались вопросы из опросника Европейского социального исследования — 2016⁴. Респондентам в соответствии с десятибалльной шкалой было предложено оценить степень своей эмоциональной привязанности к месту (городу, району), в котором они живут (приложение 2, п. 10, № 10а), к стране нынешнего проживания (приложение 2, п. 10, № 10б), к своим родителям (приложение 2, п. 10, № 10в) и своим друзьям (приложение 2, п. 10, № 10г).

Воспринимаемая поддержка от значимых других за пределами страны проживания оценивалась с помощью вопроса «Есть ли у Вас друзья, знакомые или родственники, живущие за границей, к которым при необходимости Вы можете обратиться за помощью?» (приложение 2, п. 20). Респондентам предлагалось указать число таких людей в случае утвердительного ответа.

Е. Блок оценки удовлетворенности жизнью, воспринимаемой безопасности, воспринимаемой дискриминации, страха перед COVID-19 и дистанции с заболеванием

Удовлетворенность жизнью определялась с помощью одноименной шкалы Э. Динера [Diener, 1985], валидизированной на русскоязычной выборке Д.А. Леонтьевым и Е.Н. Осиним [Осин, Леонтьев, 2020] (приложение 2, п. 6, № 6а–6д). Шкала содержит пять утверждений с которыми предлагается выразить согласие в соответствии с семибалльной шкалой (от 1 — «полностью не согласен(на)» до 7 — «полностью согласен(на)»). Подсчитывалась сумма значений по шкале.

Воспринимаемая безопасность и воспринимаемая дискриминация оценивались с помощью вопросов из опросника Европейского социального исследования — 2016⁵ о том, насколько безопасно/небезопасно чувствует себя респондент в стране

⁴ <https://www.europeansocialsurvey.org/data/download.html?r=8>.

⁵ Там же.

проживания (приложение 2, п. 14) (от 0 — «чувствую себя абсолютно небезопасно» до 10 — «чувствую себя абсолютно безопасно») и насколько сильно он ощущает, что принадлежит к такой группе людей, которая испытывает в стране дискриминацию (от 0 — «абсолютно не ощущаю дискриминации» до 10 — «ощущаю дискриминацию в полной мере») (приложение 2, п. 15).

Степень переживания страха коронавирусного заболевания определялась с помощью Шкалы страха COVID-19 (FCV19S) (приложение 2, п. 21). Опросник включает семь утверждений с пятибалльной шкалой ответов (от 1 — «полностью не согласен[на]» до 5 — «полностью согласен[на]»). Шкала разработана группой ученых из Великобритании, Гонконга, Ирана и Швеции, прошла проверку на надежность и валидность на иранской выборке [Ahorsu et al., 2020]. Апробация русскоязычной версии методики была проведена на русскоязычной выборке в России и Беларуси [Reznik et al., 2020]. Степень выраженности страха перед COVID-19 вычисляется как сумма баллов по всем утверждениям.

Для измерения объективной дистанции с COVID-19 был сформулирован вопрос «Болели ли (или болеете/болеют сейчас) Вы, Ваши родные, знакомые COVID-19?». Предлагалось четыре варианта ответа: 1 — «да, я сам(а) болел(а)/болею коронавирусом»; 2 — «да, переболели/болеют мои родные»; 3 — «да, переболели/болеют мои знакомые»; 4 — «нет, не болел / не болели и не болею / не болеют ни я, ни мои родные, ни знакомые». Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов в зависимости от своего положения. Дистанция с COVID-19 кодировалась в соответствии с наиболее близкой отмеченной дистанцией с заболеванием (1 — минимальная дистанция, 4 — максимальная дистанция) (приложение 2, п. 22).

Ж. Блок оценки социально-демографических параметров респондентов

В анкету (см. приложение 2) были включены вопросы, определяющие национальность респондентов (п. 7), гражданство (п. 9), возраст (п. 23), пол (п. 24), место проживания и длительность проживания в этом месте и стране (п. 25, 26), владение иностранными языками (п. 27), опыт международной мобиль-

ности (п. 28), образование (п. 29), получаемую специальность (п. 30), материальное (п. 31) и семейное положение (п. 32), наличие детей (п. 33), уровень религиозности (п. 34), принадлежность к какой-либо религиозной конфессии (п. 35).

Методы обработки и анализа данных

Для обработки и анализа данных мы использовали как качественные, так и количественные методы. Применялись частотный и контент-анализ, рефлексивный тематический анализ и подход надежности кодирования. Анализировались описательные статистики, проводился анализ надежности шкал (α -Кронбаха), применялся анализ различий (угловое преобразование Фишера и однофакторный дисперсионный анализ [ANOVA] с использованием апостериорных критериев парных сравнений [Post Hoc]), использовались эксплораторный факторный анализ, регрессионный анализ, мультигрупповой конфирматорный факторный анализ и мультигрупповое моделирование структурными уравнениями. Для кодирования качественных данных использовалась программа QDA Miner. Для статистической обработки использовались пакет IBM SPSS Statistics 23 и программа IBM SPSS Amos 23.

ГЛАВА 5. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРУЕМОЙ ЭМИГРАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ, КАЗАХСТАНА И РОССИИ

На первом этапе системного кросс-культурного анализа структуры социально-психологического пространства молодежи трех стран были изучены выраженность, характер, основные географические направления и особенности планируемой эмиграции у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России¹, а также распределение типов эмиграционной активности у студентов трех стран в зависимости от соотношения имеющихся или отсутствующих у них эмиграционных желаний и возможностей для осуществления переезда за границу.

Оценку компонентов планируемого эмиграционного поведения мы проводили с помощью разработанного нами опросника «Планируемое эмиграционное поведение»². Респондентам также предлагалось в соответствии с шестибалльной шкалой (от 1 — «абсолютно не согласен[на]» до 6 — «абсолютно согласен[на]») оценить характер планируемой эмиграции (утверждения «Я планирую в ближайшие пять лет переехать жить за границу *навсегда*» и «Я планирую в ближайшие пять лет переехать жить за границу *на время*»). Для оценки типов эмиграционной активности студентов в зависимости от соотношения имеющихся у них эмиграционных желаний и возможностей мы предлагали респондентам выбрать один из вариантов, в наибольшей степени отражающий их положение на момент опроса: «У меня есть желание и есть возможности в ближайшие пять лет переехать жить из Беларуси/Казахстана/России* в другую страну»; «У меня есть желание, но нет возможностей в ближайшие пять лет переехать жить из Беларуси/Казахстана/России* в другую страну»; «У меня есть возможности, но нет желания в ближай-

¹ Подробное описание выборки и процедуры сбора данных представлено в главе 3.

² Описание опросника представлено в главе 4, описание результатов сравнительного анализа компонентов планируемого эмиграционного поведения и связей этих компонентов с социально-демографическими параметрами студенческой молодежи трех стран представлено в главе 7.

шие пять лет переехать жить из Беларуси/Казахстана/России* в другую страну»; «У меня нет желания и нет возможностей в ближайšie пять лет переехать жить из Беларуси/Казахстана/России* в другую страну». Помимо этого респондентам предлагалось указать страну предполагаемого переезда («Если у Вас есть намерение в ближайшие пять лет переехать жить за границу, укажите, пожалуйста, в какую страну Вы собираетесь уехать. Если собираетесь уезжать, но страну еще не выбрали — выберите вариант “затрудняюсь ответить”. Если не собираетесь переезжать в другую страну — выберите вариант “не планирую переезжать”»).

Для обработки данных использовалась программа IBM SPSS Statistics 23. Были проанализированы описательные статистики, проводился частотный анализ, анализ различий (угловое преобразование Фишера и однофакторный дисперсионный анализ [ANOVA] с использованием апостериорных критериев парных сравнений [Post Hoc]).

В табл. 5.1 представлено процентное соотношение студентов из трех стран, ориентированных на временную и постоянную эмиграцию.

Полученные результаты (здесь учитываются только те студенты, которые *точно* определились с характером планируемой эмиграции) свидетельствуют о том, что среди студентов из России значительно больше тех, кто ориентирован на временную, а не на постоянную эмиграцию. Причем это соотношение прослеживается и на выборке, включающей 579 российских респондентов, и на сокращенной ($n = 250$) российской выборке. Среди белорусских и казахстанских студентов данная тенденция не выявлена: численность белорусских и казахстанских студентов, планирующих переезд за границу на время и навсегда, практически одинакова. Однако есть основания полагать, что модель временной эмиграции у российской молодежи может являться первым этапом, ведущим к переезду на постоянное место жительства за границу [Байков и др., 2017].

В табл. 5.2 представлено количественное распределение студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России по группам с различными типами эмиграционной активности в зависимости от наличия желания и возможностей эмигрировать в ближайшие пять лет.

Таблица 5.1. Соотношение численности студентов из Беларуси, Казахстана и России, ориентированных на временную и постоянную эмиграцию

Утверждения анкеты, отражающие характер планируемой эмиграции	Студенты-белорусы, $n = 208$, %	Студенты-казахстанцы, $n = 200$, %	Студенты-россияне, $n = 250$ ($n = 579$), %
Я планирую в ближайшие пять лет переехать жить за границу <i>на время</i>	19,2	20,0	18,0 (17,6)
Я планирую в ближайшие пять лет переехать жить за границу <i>навсегда</i>	15,9	19,5	8,8 (8,7)

Примечания. Учтены только те респонденты, которые выбрали ответы «согласен(на)» или «абсолютно согласен(на)», выражая степень своего согласия с утверждениями; не учтены те, кто был не согласен с данными утверждениями («абсолютно не согласен[на]», «не согласен[на]» и «скорее не согласен[на]») и выражал сомнения («скорее согласен[на]»).

Таблица 5.2. Распределение типов эмиграционной активности и различия в их представленности у студентов Беларуси, Казахстана и России

Типы эмиграционной активности студентов		Студенты-белорусы, $n = 208$, %	Студенты-казахстанцы, $n = 200$, %	Студенты-россияне, $n = 250$ (= 579), %
1	Ж [+] В [+]	14,9	17,0	10,4 (10,7)
2	Ж [+] В [-]	42,3	39,0	40,0 (41,1)
3	Ж [-] В [+]	19,2	22,5	17,2 (16,9)
4	Ж [-] В [-]	23,6 р	21,5 р	32,4 б, к (31,3)

Примечания. Ж — желание эмигрировать, В — возможности эмигрировать, [+] — присутствуют, [-] — отсутствуют; б — статистически значимые различия с белорусами, к — статистически значимые различия с казахстанцами, р — статистически значимые различия с россиянами.

Как показывают результаты, эмиграционные желания присутствуют у значительной части студенческой молодежи Беларуси (57,2%), Казахстана (56,0%) и России (50,4%). Сравнение показателя выраженности эмиграционных желаний у студентов-россиян с результатами, полученными нами при опросе смоленской студенческой молодежи в 2019 году (тогда эмиграционные желания высказали 52,2% опрошенных) [Мурашенок, 2021а], а также с данными социологического опроса «Левада-Центра»³ в 2019 году [Гончаров, Волков, 2019] позволяет выдвинуть предположение о стабильности эмиграционных интенций молодежи даже в условиях пандемии COVID-19 с существовавшими на момент опроса ограничениями в отношении международной мобильности. Но в связи с тем, что в данном случае мы сравниваем результаты поперечных, а не продольных срезов, этот вывод имеет вероятностный характер и сформулирован как предположение.

Рассмотрим ресурсный эмиграционный потенциал (возможности) белорусской, казахстанской и российской студенческой молодежи. Большая часть респондентов трех стран, желающих уехать за границу, отмечает, что не имеет соответствующих возможностей для осуществления переезда (42,3%, 39,0% и 40,0% респондентов в белорусской, казахстанской и российской выборках соответственно). Реализовать желаемое могут только 14,9% студентов-белорусов, 17,0% студентов-казахстанцев и 10,4% студентов-россиян. То есть, согласно полученным данным, активная эмиграционная стратегия по реализации эмиграционных желаний может быть осуществлена лишь пятой частью респондентов, обладающих эмиграционными желаниями.

Особый интерес представляют группы респондентов трех стран, обладающих возможностями для переезда за границу, но не имеющих соответствующего желания (19,2% белорусов, 22,5% казахстанцев и 17,2% россиян). Можно предположить, что это молодые люди, имеющие выраженную привязанность к стране проживания и/или чувствующие себя в ней достаточно комфортно. Это те, кто убежден, что неподвижность в суще-

³ С 5 мая 2016 года «Левада-Центр» включен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

ствующим условиям предпочтительнее международной мобильности [Carling, Schewel, 2018].

Четвертую группу респондентов составили студенты, указавшие, что не имеют ни желаний, ни возможностей эмигрировать в ближайшие пять лет. Причем среди студентов-россиян таких респондентов статистически значимо больше, чем среди студентов-белорусов ($\varphi^*_{\text{эм}} = 2,09, p < 0,05$) и студентов-казахстанцев ($\varphi^*_{\text{эм}} = 2,60, p < 0,01$).

Таким образом, в условиях пандемии COVID-19 мы зафиксировали значительное количество респондентов из числа студенческой молодежи, желающих в ближайшие пять лет осуществить переезд за границу. Однако на момент опроса у большинства респондентов высказываемые желания являлись отражением не активной, а пассивно предпочитаемой эмиграционной стратегии в связи с отсутствием возможностей для осуществления переезда.

Численное распределение четырех типов эмиграционной активности идентично в основной ($n = 579$) и сокращенной ($n = 250$) российских выборках (табл. 5.2), что подтверждает их эквивалентность и возможность использования эмпирических данных сокращенной выборки для целей межстранового анализа.

Таблица 5.3 демонстрирует географические направления планируемой студентами Беларуси, Казахстана и России эмиграции, а также численное соотношение планирующих и не планирующих переезд за границу студентов в выборках трех стран.

Таблица 5.3. Географические направления планируемой эмиграции и соотношение численности планирующих и не планирующих эмиграцию студентов Беларуси, Казахстана и России

Направление планируемой эмиграции	Студенты-белорусы, $n = 208$, %	Студенты-казахстанцы, $n = 200$, %	Студенты-россияне, $n = 250$, %
Абхазия			0,4
Австрия	0,5	0,5	
Аргентина			0,4

Продолжение табл. 5.3

Направление планируемой эмиграции	Студенты-белорусы, $n = 208$, %	Студенты-казахстанцы, $n = 200$, %	Студенты-россияне, $n = 250$, %
<i>Бали</i>	0,5		
Великобритания		0,5	1,2
Германия	3,4	4,5	3,2
Голландия	0,5	1,0	0,8
<i>Грузия</i>			0,4
Европа	0,5	1,5	0,8
Израиль	1,0		0,4
<i>Ирландия</i>			0,4
<i>Исландия</i>		0,5	
Испания	2,4	0,5	1,6
Италия	3,4	0,5	2,0
<i>Казахстан</i>			0,4
Канада	3,8	3,5	3,2
<i>Китай</i>	0,5		
<i>Латвия</i>			0,4
<i>Литва</i>	0,5		
<i>Малайзия</i>		0,5	
<i>Молдова</i>			0,4
<i>Новая Зеландия</i>	0,5		
Норвегия	1,4	0,5	
ОАЭ		0,5	0,4
Польша	4,8		0,8
Россия	5,8	8,5	
<i>Сингапур</i>			0,8
<i>Словения</i>		0,5	
США	2,4	7,0	4,0
<i>Турция</i>		4,0	

Окончание табл. 5.3

Направление планируемой эмиграции	Студенты-белорусы, <i>n</i> = 208, %	Студенты-казахстанцы, <i>n</i> = 200, %	Студенты-россияне, <i>n</i> = 250, %
<i>Украина</i>	0,5		
Финляндия	0,5	0,5	
Франция	0,5		1,6
<i>Черногория</i>			0,4
Чехия	1,9	1,0	1,6
Швейцария	1,0	0,5	1,2
<i>Швеция</i>			1,2
<i>Эстония</i>		0,5	
Южная Корея	0,5		0,4
Япония	0,5	1,5	0,4
% респондентов, планирующих переезд и указавших направление(я) планируемой эмиграции	31,3	32,0	26,8
% респондентов, планирующих переезд, но затруднившихся указать направление(я) планируемой эмиграции	34,1	33,0	34,4
% респондентов, не планирующих переезжать за границу	34,6	35,0	38,8

Примечания. Каждый респондент имел возможность указать несколько направлений планируемой эмиграции; курсивом выделены направления, указанные только в одной группе студентов, полужирным шрифтом — во всех трех группах.

Как показывают результаты (табл. 5.3), количество студентов, имеющих эмиграционные намерения/планы, достаточно велико во всех трех группах: 65,4% среди белорусов, 65,0% среди казахстанцев и 61,2% среди россиян. Подчеркнем, что в

данном случае молодые люди демонстрировали эмиграционные намерения в условиях пандемии COVID-19 (январь — апрель 2021 года), когда во многих странах были введены ограничения на въезд. При этом показатели выраженности эмиграционных интенций, представленные в табл. 5.3, несколько выше тех результатов, которые мы видим в табл. 5.2. Эти расхождения могут быть объяснены следующим. В первом случае респонденты указывали на наличие желания («я хочу») переехать за границу, в то время как во втором случае они говорили уже о планировании переезда («я собираюсь»). Не всегда эмиграционные намерения включают эмиграционные желания, то есть установка «планирую переезжать, но не хочу этого» тоже имеет место быть. Иными словами, количественные расхождения (табл. 5.2, 5.3) в распределении эмиграционных интенций (желаний и намерений) в выборках студентов трех стран могут объясняться в том числе и наличием подобных установок. Данные установки, в свою очередь, могли в ряде случаев отражать не добровольный, а вынужденный или условно вынужденный характер планируемой эмиграции, связанный в том числе и с социально-экономическим и социально-политическим контекстами в исследуемых странах.

На серьезность эмиграционных намерений студенческой молодежи трех стран указывает тот факт, что значительное число респондентов уже определилось со страной предполагаемого переезда (31,3% белорусских студентов, 32,0% казахстанских студентов и 26,8% российских студентов). Преобладающими географическими направлениями планируемой эмиграции для студентов трех стран выступили европейское (Германия, Голландия, Испания, Италия, Чехия, Швейцария) и североамериканское направления (Канада, США), в отдельных случаях — восточное (Япония) (табл. 5.3)⁴. Выбор студентами стран с выраженными демократическими традициями неслучаен. Как показывает исследование Р.Ф. Инглхарта с коллегами [Инглхарт и др., 2014], образованные эмигранты, как правило, стремятся выбирать те страны для переезда, в которых высоки воз-

⁴ Перечислены страны, которые встречаются в ответах респондентов трех стран.

возможности для самореализации и низки риски ограничения их прав и свобод. Среди белорусских (5,8%) и казахстанских (8,5%) студентов есть доля тех, кто намеревается переехать жить в Россию (табл. 5.3). В то же время среди казахстанских и российских студентов никто не указал Беларусь как страну предполагаемого переезда, и лишь один российский студент (0,4%) отметил, что планирует переезд в Казахстан.

Анализ различий выраженности компонентов планируемого эмиграционного поведения продемонстрировал, что у студентов из России в сравнении со студентами из Беларуси и Казахстана в меньшей степени выражено поведение по реализации эмиграционного намерения, а также представления об одобрении их возможного переезда со стороны значимых других (воспринимаемые нормы) (табл. 5.4). У белорусских и казахстанских студентов по данным параметрам статистически значимых различий не обнаружено.

Согласно средним значениям наибольшую выраженность у студентов Беларуси, Казахстана и России имеют такие факторы планируемого эмиграционного поведения, как позитивное отношение к эмиграции (аттитюды) и уверенность в своей способности реализовать эмиграционное намерение (воспринимаемый поведенческий контроль). В меньшей степени молодые респонденты из этих стран уверены в том, что значимые для них люди позитивно оценивают эмиграционное поведение и хотели бы, чтобы респонденты переехали жить за границу. Помимо этого выраженность эмиграционных намерений у студенческой молодежи трех стран выше, нежели выраженность поведения по реализации этих намерений. Данная тенденция была зафиксирована нами и в предыдущем исследовании [Муращенко, 2021a], а также описана в работах зарубежных ученых [Taboq et al., 2015]: обычно среди молодежи гораздо меньше тех, кто действительно *готовится к эмиграции и осуществляет ее*, чем тех, кто *имеет желание* переехать за границу.

Таким образом, полученные результаты позволили выявить особенности в характере и географических направлениях планируемой эмиграции, а также в выраженности компонентов планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России. Число планирующих пе-

Таблица 5.4. Средние значения, стандартные отклонения и различия в показателях планируемого эмиграционного поведения у студентов Беларуси, Казахстана и России

Переменные (min = 1, max = 6)	Студенты- белорусы, n = 208	Студенты- казахстанцы, n = 200	Студенты- россияне, n = 250
	М (SD)	М (SD)	М (SD)
Аттитуды в отношении эмиграции	4,36 (1,25)	4,28 (1,31)	4,46 (1,10)
Воспринимаемый контроль в отношении эмиграции	3,85 (1,38)	4,09 (1,39)	3,85 (1,33)
Эмиграционное намерение	3,26 (1,50)	3,26 (1,61)	2,97 (1,38)
Воспринимаемые нормы в отношении эмиграции	2,93 (1,52) p***	2,87 (1,52) p**	2,40 (1,27) б***, к**
Поведение по реализации эмиграционного намерения	2,56 (1,35) p**	2,53 (1,45) p*	2,20 (1,21) б** , к*

Примечания. p — статистически значимые различия с россиянами; б — статистически значимые различия с белорусами; к — статистически значимые различия с казахстанцами; * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$; компоненты планируемого эмиграционного поведения упорядочены в таблице в порядке убывания согласно средним значениям.

реезд за границу среди студентов трех стран достаточно велико (более 60% опрошенных в каждой из групп), что подтверждает актуальность и практическую значимость научной работы по анализу эмиграционной активности современной молодежи и изучению социально-психологической обусловленности этой активности.

ГЛАВА 6. МОТИВАЦИОННАЯ ОСНОВА ЭМИГРАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ТРЕХ СТРАН

6.1. Анализ мотивов планируемой эмиграции российской студенческой молодежи

Учитывая важную роль мотивации в регуляции любого поведения, в том числе и эмиграционного, обратимся к анализу мотивов, побуждающих современную российскую студенческую молодежь к планированию переезда за границу. В таблице 6.1 представлены средние значения, стандартные отклонения и ранговое распределение мотивов планируемой эмиграции российской студенческой молодежи ($n = 579$)¹, выявленных с помощью авторского опросника «Мотивы планируемой эмиграции студенческой молодежи»². Для обработки данных использовалась программа IBM SPSS Statistics 23. Были проанализированы описательные статистики и проведено ранжирование эмиграционных мотивов российской студенческой молодежи.

Таблица 6.1. Мотивы планируемой эмиграции российской студенческой молодежи (средние, стандартные отклонения и ранговое распределение) ($n = 579$)

Завершите, пожалуйста, предложение «Если бы я решил(а) в ближайшие пять лет переехать жить из России в другую страну, то это было бы потому что...» (min = 1, max = 6)	М	SD	Ранг
я не удовлетворен(а) экономической ситуацией в стране проживания	4,60	1,44	1
мне очень интересно узнать, каково это — жить в другой стране	4,51	1,52	2
я не удовлетворен(а) политической системой в стране проживания	4,33	1,61	3

¹ Подробное описание выборки и процедуры сбора данных представлено в главе 3.

² Подробное описание опросника представлено в главе 4.

Окончание табл. 6.1

Завершите, пожалуйста, предложение «Если бы я решил(а) в ближайшие пять лет переехать жить из России в другую страну, то это было бы потому что...» (min = 1, max = 6)	M	SD	Ранг
я не удовлетворен(а) системой правосудия в стране проживания	4,29	1,60	4
я обеспокоен(а) высоким уровнем коррупции в стране проживания	4,28	1,56	5
я не удовлетворен(а) качеством образования в стране проживания	4,16	1,59	6
я обеспокоен(а) экологической обстановкой в стране проживания	4,06	1,55	7
я переживаю за будущее своих детей в стране проживания	4,02	1,54	8
меня привлекают природно-климатические условия другой страны	4,01	1,67	9
я уверен(а), что переезд за границу позволит мне повысить свой материальный достаток	3,88	1,60	10
я обеспокоен(а), что не смогу найти хорошую работу в стране проживания	3,87	1,57	11
я считаю, что переезд за границу позволит мне реализовать себя как профессионалу	3,86	1,67	12
я ищу более легкую и комфортную жизнь для себя за границей	3,85	1,59	13,5
я не удовлетворен(а) качеством медицинских услуг в стране проживания	3,85	1,58	13,5
я чувствую себя в стране проживания небезопасно	3,64	1,54	15
я не вижу перспектив для самореализации в стране проживания	3,54	1,60	16
я стремлюсь к риску и ищу новые впечатления	3,28	1,55	17
я ожидаю, что переезд за границу позволит мне устроить свою личную жизнь	2,87	1,58	18
мне ближе культура и традиции другой страны	2,71	1,43	19
я хочу воссоединиться с родственниками за рубежом	1,90	1,25	20

Согласно полученным результатам, стержневые мотивы планируемой эмиграции у студентов-россиян характеризуются типологическим разнообразием: доминирующими являются социально-экономические, политические и правовые мотивы в сочетании с проявлением интереса к жизни в других странах (табл. 6.1, пятерка ведущих ранговых позиций). И, как показывают результаты научных исследований [Флоринская, Карачурина, 2018], данное сочетание доминирующих мотивов планируемой эмиграции у образованной российской молодежи не случайно. Для интеллектуальных эмигрантов неблагоприятные социально-экономические и политико-правовые условия в стране могут выступать пусковым механизмом для реализации эмиграционного мотива, связанного с желанием увидеть, познать и прочувствовать на себе особенности жизни в других странах.

Неудовлетворенность качеством образования и экологической обстановкой в стране, обеспокоенность будущим своих детей наряду с желанием сменить климатические условия места проживания также выступают значимыми эмиграционными мотивами для современной российской студенческой молодежи (табл. 6.1, средние значения выше 4,0 балла). Для студентов неудовлетворенность качеством образования в стране может служить стимулом планирования продолжения собственного образования за рубежом. Что, в свою очередь, может выступать первым этапом на пути к осуществлению переезда за границу навсегда. Как показывают исследования, российские студенты нередко отмечают преимущества зарубежного образования в сравнении с российским [Винокуров, 2017; Гриценко и др., 2020а]. Тревога студенческой молодежи по поводу экологических проблем, вероятно, имеет под собой объективные основания. Согласно результатам рейтинга стран по вопросам устойчивого развития среды обитания и сохранения природных ресурсов в 2020 и в 2022 годах, в России наблюдается снижение индекса экологической эффективности [Рейтинг стран по уровню экологии, 2020]. Так, если в 2020 году Россия занимала в этом рейтинге 58 место из 180, набрав 50,5 балла из 100 возможных, то в 2022 году страна опустилась на 112 место, набрав 37,5 бал-

ла [Рейтинг стран по уровню экологии, 2022]. Обеспокоенность будущим своих детей является достаточно распространенным эмиграционным мотивом среди молодых российских респондентов: в исследовании Г.И. Гаджимурадовой и Л. Рабат около половины респондентов (жителей Москвы и Санкт-Петербурга в возрасте 18–35 лет) при описании причин, по которым они приняли бы решение об эмиграции, наряду с экономической и политической нестабильностью в стране указали на свое желание дать детям хорошее образование и обеспечить им безопасную жизнь [Гаджимурадова, Рабат, 2022].

В группу мотивов планируемой эмиграции со средними значениями от 3,5 до 4,0 балла (табл. 6.1) вошли эмиграционные мотивы, связанные с материальным благосостоянием, с профессиональной самореализацией и трудоустройством, поиском наиболее легкой и комфортной жизни, желанием повысить чувство безопасности, что, возможно, связано в том числе и с отмечаемой неудовлетворенностью качеством предоставляемых в стране медицинских услуг. Наименьшей значимостью в иерархии мотивов планируемой эмиграции у российской студенческой молодежи обладают мотивы (средние значения ниже 3,5 балла), связанные со стремлением к риску и новым впечатлениям, с устройством личной жизни, воссоединением с родственниками за рубежом или обусловленные близостью для респондентов культуры другой страны.

6.2. Сравнительный анализ мотивов планируемой эмиграции белорусской, казахстанской и российской студенческой молодежи

Анализ мотивов эмиграции, проведенный на российской выборке ($n = 579$)³, показал, что эмиграционные мотивы обладают разной побудительной силой: одни мотивы являются более значимыми, ведущими, стержневыми в формировании эмиграционной активности, а другие — менее значимыми, подчиненными или второстепенными. На мотивационную иерархию, как известно, влияет множество факторов, в том числе и социокуль-

³ См. п. 6.1 главы 6.

турный контекст. Ниже представлены результаты кросс-культурного анализа мотивов планируемой эмиграции белорусских ($n = 208$), казахстанских ($n = 200$) и российских ($n = 250$)⁴ студентов, позволившего выявить универсальные и культурно-специфические мотивационные основания эмиграционной активности студенческой молодежи.

Эмиграционные мотивы выявлялись с помощью авторского опросника «Мотивы планируемой эмиграции студенческой молодежи»⁵. Для обработки данных использовалась программа IBM SPSS Statistics 23. Были проанализированы описательные статистики и проведен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) с использованием апостериорных критериев парных сравнений (Post Hoc).

Анализ полученных результатов показал, что мотивы планируемой эмиграции, обладающие *наименьшей значимостью для российских студентов (стремление к риску и новым впечатлениям, к устройству личной жизни, воссоединению с родственниками за рубежом и желание жить в другой, наиболее близкой культуре)*, в меньшей степени выражены также и у белорусских, и у казахстанских студентов (табл. 6.2). Средние значения выраженности этих мотивов не превышают у белорусских, казахстанских и российских студентов 3,5 балла при максимально возможном значении в 6,0 балла. В то же время по данным эмиграционным мотивам не обнаружено статистически значимых различий у студентов трех стран, за исключением мотива воссоединения с родственниками за рубежом, средние значения выраженности которого статистически значимо выше в казахстанской выборке в сравнении с российской (табл. 6.2). Это может объясняться наличием более тесных семейно-родственных связей у представителей казахского этноса в сравнении с представителями русского этноса [Нарбут, Троцук 2018; Ростовская, Калиев, 2019; Шамионов 2014].

Рассмотрим другие мотивы планируемой эмиграции, по которым мы *не обнаружили статистически значимых различий* у студентов трех стран, но которые *имеют средние значения выра-*

⁴ Подробное описание выборки и процедуры сбора данных представлено в главе 3.

⁵ Подробное описание опросника представлено в главе 4.

Таблица 6.2. Различия в выраженности мотивов планируемого эмиграционного поведения у студентов из Беларуси, Казахстана и России (ANOVA с использованием апостериорных критериев парных сравнений [Post Hoc])

	Студенты-белорусы, n = 208		Студенты-казахстанцы, n = 200		Студенты-россияне, n = 250	
	M	SD	M	SD	M	SD
Завершите предложение «Если бы я решил(а) в ближайшие пять лет переехать из своей страны жить в другую страну, то это было бы потому что...» (min = 1, max = 6)						
1) чувствую себя в стране проживания* небезопасно	4,10 к***, р**	1,66	2,76 ***, р***	1,50	3,56 ** к***	1,50
2) мне ближе культура и традиции другой страны	2,74	1,49	2,58	1,51	2,75	1,37
3) я обеспокоен(а), что не смогу найти хорошую работу в стране проживания*	4,51 к***, р*	1,59	3,49 ***, р**	1,75	3,98 б*, к**	1,58
4) я хочу воссоединиться с родственниками за рубежом	1,87	1,29	2,10 р*	1,34	1,79 к*	1,14
5) я обеспокоен(а) высоким уровнем коррупции в стране проживания*	3,82 р*	1,74	3,82 р*	1,78	4,34 б*, к*	1,54
6) я ищу более легкую и комфортную жизнь для себя за границей	3,83	1,68	3,51 р*	1,73	3,88 к*	1,54
7) я не вижу перспектив для самореализации в стране проживания*	4,26 к***, р***	1,63	3,54 б***	1,75	3,57 б***	1,55

Продолжение табл. 6.2

	Студенты-белорусы, n = 208		Студенты-казахстанцы, n = 200		Студенты-россияне, n = 250	
	M	SD	M	SD	M	SD
Завершите предложение «Если бы я решил(а) в ближайшие пять лет переехать из своей страны жить в другую страну, то это было бы потому что...» (min = 1, max = 6)						
8) я стремлюсь к риску и ишу новые впечатления	3,08	1,60	3,51	1,67	3,34	1,56
9) я не удовлетворен(а) системой правосудия в стране проживания*	4,48 к***	1,64	3,68 б***, р***	1,70	4,30 к***	1,57
10) я ожидаю, что переезд за границу позволит мне устроить свою личную жизнь	2,76	1,69	2,85	1,72	3,01	1,59
11) я не удовлетворен(а) качеством медицинских услуг в стране проживания*	3,27 к**, р*	1,66	3,87 б**	1,65	3,80 б*	1,57
12) я уверен(а), что переезд позволит мне повысить свой материальный достаток	4,30 к*	1,51	3,74 б*	1,74	3,88	1,56
13) я не удовлетворен(а) политической системой в стране проживания*	4,58 к***	1,65	3,69 б***, р***	1,73	4,32 к***	1,61
14) я считаю, что переезд за границу позволит мне реализоваться как профессионалу	4,23	1,58	3,84	1,70	3,93	1,51
15) я переживаю за будущее своих детей в стране проживания*	4,00	1,84	3,88	1,79	4,07	1,54

Окончание табл. 6.2

	Студенты-белорусы, <i>n</i> = 208		Студенты-казахстанцы, <i>n</i> = 200		Студенты-россияне, <i>n</i> = 250	
	M	SD	M	SD	M	SD
Завершите предложение «Если бы я решил(а) в ближайшие пять лет переехать из своей страны жить в другую страну, то это было бы потому что...» (<i>min</i> = 1, <i>max</i> = 6)						
16) я обеспокоен(а) экологической обстановкой в стране проживания*	3,05 к***, р***	1,61	4,13 б***	1,73	4,10 б***	1,49
17) я не удовлетворен(а) качеством образования в стране проживания*	4,09	1,68	3,77 р*	1,69	4,22 к*	1,56
18) меня привлекают природно-климатические условия другой страны	3,63	1,76	3,66	1,82	4,02	1,65
19) я не удовлетворен(а) экономической ситуацией в стране проживания*	4,79 к***	1,47	3,94 б***, р***	1,73	4,67 к***	1,38
20) мне очень интересно узнать, каково это — жить в другой стране	4,37	1,52	4,48	1,63	4,66	1,38

Примечания. б — статистически значимые различия с белорусами; к — статистически значимые различия с казахстанцами; р — статистически значимые различия с россиянами; * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$; курсивом обозначены мотивы планируемой эмиграции, по которым не выявлено статистически значимых различий у студентов трех стран; полужирным шрифтом выделены средние значения выраженности эмиграционных мотивов, имеющих межстрановые статистически значимые различия; «в стране проживания» означает, что в анкетах, предъявляемых белорусским, казахстанским и российским студентам, вместо этой фразы указывалась конкретная страна: Беларусь, Казахстан или Россия.

женности более 3,5 балла у белорусских, казахстанских и российских студентов при максимально возможном значении в 6,0 балла. К ним относятся эмиграционные мотивы *профессиональной самореализации, обеспокоенности за будущее своих детей, желание при переезде сменить климатические условия проживания и интерес к жизни в других странах* (табл. 6.2). Эти мотивационные основания планируемой эмиграции можно считать в данном случае *общими культурно-универсальными* для выборок образованной молодежи Беларуси, Казахстана и России. При этом отметим, что несмотря на отсутствие статистически значимых различий в выраженности эмиграционного мотива, связанного с проявлением интереса к жизни в других странах, он является доминирующим мотивом планируемой эмиграции только у казахстанских студентов (среднее значение 4,48 балла — первая ранговая позиция). У российских студентов этот мотив занимает вторую ранговую позицию (4,37 балла), а у белорусских студентов — пятую (4,66 балла).

Стержневыми доминирующими мотивами планируемой эмиграции для белорусской студенческой молодежи являются неудовлетворенность экономической (среднее значение — 4,79 балла), политической (4,58 балла) и правовой (4,48 балла) ситуацией в стране проживания — по этим мотивам присутствуют статистически значимые различия с казахстанской выборкой (у казахстанских студентов выраженность данных мотивов ниже, чем у белорусских) (табл. 6.2). Выраженным эмиграционным мотивом для белорусских студентов является также *обеспокоенность возможными проблемами с поиском хорошей работы в стране проживания* (среднее значение — 4,51 балла) (табл. 6.2). И в белорусской выборке эта обеспокоенность статистически значимо выше, чем в российской (3,98 балла) и казахстанской (3,49 балла). Наряду с этим у белорусских студентов выраженными мотивами планируемой эмиграции со средними значениями выше 4,0 балла (при максимально возможном значении в 6,0 балла) являются следующие: *ощущение небезопасности* (4,10 балла) и *отсутствие перспектив для самореализации в стране проживания* (4,26 балла) (статистически значимо выше, чем у казахстанцев и россиян); *желание повысить свой материальный достаток* (4,30 балла) (статистически значимо выше, чем у казахстанцев); *неудовлетворенность качеством образования в стране прожи-*

вания (4,09 балла). При этом отметим, что, согласно рейтингу стран мира по уровню безопасности за 2021 год, самый низкий индекс безопасности действительно имеет Беларусь (39,73 балла, или 114 место из 135), Казахстан имеет более высокий индекс безопасности (45,98 балла, или 97 место), а Россия — самый высокий среди трех исследуемых стран (59,87 балла, или 52 место) [Safety Index by Country 2021].

Меньшую выраженность у белорусских студентов имеют следующие эмиграционные мотивы (средние значения ниже 4,0 балла): *обеспокоенность уровнем коррупции в стране проживания* (3,82 балла) (статистически значимо ниже, чем у россиян); *неудовлетворенность качеством медицинских услуг* (3,27 балла) и *обеспокоенность экологической обстановкой в стране проживания* (3,05 балла) (статистически значимо ниже, чем у казахстанцев и россиян); *поиск более легкой и комфортной жизни* (3,83 балла) (табл. 6.2).

Доминирующими мотивами планируемой эмиграции у казахстанских студентов наряду с упомянутым ранее *интересом к жизни в другой стране является обеспокоенность экологической обстановкой в стране проживания* (среднее значение — 4,13 балла при максимально возможном значении в 6,0 балла) (табл. 6.2). Значим этот мотив и для российской молодежи (среднее значение — 4,10 балла). И можно сказать, что субъективное восприятие студентами Казахстана и России экологической обстановки в странах проживания отражает объективное состояние экологической ситуации в них. Так, согласно Рейтингу стран по вопросам устойчивого развития среды обитания и сохранения природных ресурсов, и в 2020 году, и в 2022-м индекс экологической эффективности у Беларуси выше, чем у Казахстана и России [Рейтинг стран по уровню экологии, 2020, 2022]. В 2020 году для Беларуси он составил 53,0 балла из 100 возможных (49 место из 180), для России — 50,5 балла (58 место), а для Казахстана — 44,7 балла (85 место). В 2022 году, несмотря на снижение индексов экологической эффективности в трех странах, Беларусь сохранила более высокое место в рейтинге (48,5 балла, 55 место) по сравнению с Казахстаном (40,9 балла, 93 место) и Россией (37,5 балла, 112 место) [Рейтинг стран по уровню экологии, 2022].

Меньшую выраженность у казахстанских студентов имеют следующие эмиграционные мотивы (средние значения ни-

же 4,0 балла): ощущение собственной небезопасности в стране проживания (2,76 балла), неудовлетворенность политической (3,69 балла), экономической (3,94 балла) и правовой системами (3,68 балла) в стране проживания, обеспокоенность тем, что не удастся найти хорошую работу в Казахстане (3,49 балла). Причем выраженность данных мотивов планируемой эмиграции у казахстанских студентов статистически значимо ниже, чем у белорусов и россиян (табл. 6.2). Выявлены также различия, согласно которым у казахстанских студентов в меньшей степени, чем у белорусских студентов, выражены такие эмиграционные мотивы, как отсутствие перспектив для самореализации в стране проживания (3,54 балла), стремление повысить свой материальный достаток), но в большей степени — неудовлетворенность качеством медицинских услуг в Казахстане (3,87 балла).

У российских студентов доминирующими эмиграционными мотивами являются следующие (табл. 6.2): обеспокоенность высоким уровнем коррупции (среднее значение — 4,34 балла) и недовольство экономической ситуацией (4,67 балла) в стране проживания (статистически значимо выше, чем у белорусов и казахстанцев); неудовлетворенность политической системой (4,32 балла), системой правосудия (4,30 балла) и качеством образования (4,22 балла) в стране проживания (статистически значимо выше, чем у казахстанцев); обеспокоенность экологической обстановкой (4,10 балла) в стране проживания (статистически значимо выше, чем у белорусов); а также эмиграционный мотив, связанный с проявлением интереса к жизни в других странах (4,66 балла). Относительно коррупции отметим, что, согласно рейтингу стран по уровню коррупции в государственном секторе за 2021 год, Россия действительно занимает наиболее высокое положение по сравнению с Беларусью и Казахстаном [Рейтинг стран по уровню коррупции, 2021]. Данный показатель для России равен 29 баллам, для Беларуси — 41 баллу и для Казахстана — 37 баллам из 100 (низкие баллы свидетельствуют о высоком уровне коррупции).

Меньшую выраженность у российских студентов имеют следующие эмиграционные мотивы (средние значения ниже 4,0 балла) (табл. 6.2): ощущение собственной небезопасности в стране проживания (среднее значение — 3,56 балла) и обеспокоенность возможными проблемами с поиском работы в стра-

не проживания (3,98 балла) (статистически значимо ниже, чем у белорусов, но выше, чем у казахстанцев); поиск более легкой и комфортной жизни за границей (3,88 балла) (статистически значимо выше, чем у казахстанцев); отсутствие перспектив для самореализации в стране проживания (статистически значимо ниже, чем у белорусов); неудовлетворенность качеством медицинских услуг (3,80 балла) (статистически значимо выше, чем у белорусов); повышение собственного материального благосостояния (3,88 балла).

Таким образом, проведенный анализ подтвердил наличие как общих, культурно-универсальных, так и различных — культурно-специфических мотивов планируемой эмиграции у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России.

ГЛАВА 7. ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЭМИГРАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ БЕЛОРУССКИХ, КАЗАХСТАНСКИХ И РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Потребностно-мотивационная основа эмиграционного поведения тесным образом связана с ценностно-смысловой сферой субъекта [Tartakovsky, Schwartz, 2001]. В связи с этим ценности высшего порядка включены нами в модель социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи. Согласно теории мотивации эмиграции, предложенной Е. Тартаковским и Ш. Шварцем [Tartakovsky, Schwartz, 2001], люди переезжают за границу, *чтобы достичь своих значимых мотивационных целей*, выраженных в индивидуальных ценностных предпочтениях. Согласно теории Ш. Шварца, ценности — это мотивационные, надситуативные цели, которые выступают руководящими принципами в жизни людей и оказывают влияние на их представления и поведение [Schwartz, 2015]. В рамках данной теории были описаны десять базовых ценностей, составляющих мотивационную основу субъекта (Традиция, Конформность, Безопасность, Самостоятельность, Гедонизм, Стимуляция, Универсализм, Благожелательность, Достижение, Власть). Позднее с опорой на данную модель была разработана более дробная система ценностей, состоящая из 19 элементов [Шварц и др., 2012]. Но в случае анализа связи эмиграционных интенций и индивидуальных ценностей исследователи чаще обращаются к ценностно-мотивационным оппозициям (ценностям высшего порядка): Сохранения — Открытости изменениям; Самоутверждения — Самопреодоления [Муращенкова, 2021а; Ромашева и др., 2021; Tartakovsky, Schwartz, 2001]. Сильная связь определенных ценностей и эмиграционных намерений может свидетельствовать о желании и невозможности реализовать данные мотивационные цели в стране исхода [Муращенкова, 2021а; Ромашева, 2021; Ромашева и др., 2021]. При этом в различных социокультурных условиях у разных групп людей связи ценностей и эмиграционных намерений могут иметь свою специфику [Tartakovsky, Schwartz, 2001; Муращенкова, 2021а;

Ромашева, 2021]. Мотивационный потенциал индивидуальных ценностей в эмиграционной активности белорусской, казахстанской и российской молодежи будет рассмотрен ниже в главе 13. В данной главе мы коснемся ресурсной роли индивидуальных ценностей в формировании эмиграционной активности молодежи. Ценности, как фундаментальные психологические конструкты, могут выступать основой, *психологической ресурсной базой для реализации эмиграционного поведения* [Муращенко-ва, 2021а]. Поэтому важен анализ не только *мотивационного*, но и *ресурсного эмиграционного потенциала* индивидуальных ценностей. Это связано еще и с тем, что эмиграционное поведение может быть многоаспектным и полимотивированным [Carling, Collins, 2018] и являться как *средством* достижения значимых целей, так и *самоцелью*, движимой стремлением к переменам и новым впечатлениям.

Раскрытие *эмиграционного ресурсного потенциала ценностей* предполагает анализ их связи с теми факторами, которые оказывают наибольшее влияние на развитие эмиграционных намерений. В рамках теории планируемого поведения такими факторами являются следующие: аттитюды в отношении эмиграции (позитивная или негативная оценка человеком планируемого поведения), воспринимаемые нормы в отношении эмиграции (мнение индивида по поводу ожиданий значимых других относительно его планируемого поведения и готовность им соответствовать), а также воспринимаемый поведенческий контроль (показатель того, насколько легким или сложным кажется субъекту процесс реализации запланированного поведения) [Fishbein, Ajzen, 2010]. Наиболее полное представление о роли индивидуальных ценностей в процессе формирования планируемого эмиграционного поведения российской молодежи может быть получено в результате *кросс-культурного анализа* не только связи *ценностей с эмиграционными намерениями*, но и *связи ценностей с аттитюдами, воспринимаемыми нормами и воспринимаемым контролем* как факторами, влияющими на формирование эмиграционных намерений молодежи России и других стран. Таким образом, кросс-культурный анализ связи данных факторов с индивидуальными ценностями молодежи из Беларуси, Казахстана и России будет способствовать более глубокому

пониманию процесса формирования эмиграционной активности молодых граждан этих государств, а также позволит определить, какие из факторов эмиграционных намерений в большей степени подвержены влиянию индивидуальных ценностей у молодых россиян в сравнении с белорусами и казахстанцами.

Существует немало исследований, демонстрирующих значимость связей между индивидуальными ценностями и факторами планируемого поведения в различных сферах, например, таких как благотворительность [Титов, Лепшокова, 2020], предпринимательство [Gorgievski et al., 2018], употребление психоактивных веществ [Morell-Gomis et al., 2020]. Однако нам не удалось обнаружить опубликованных научных работ по психологии, отражающих характер связей индивидуальных ценностей (в терминологии Ш. Шварца) и факторов эмиграционных намерений (рассматриваемых с позиции теории планируемого поведения А. Айзена). Тем не менее мы проанализировали исследования, демонстрирующие связь индивидуальных ценностей и эмиграционных интенций у представителей различных культурных, этнических и возрастных групп [Муращенко, 2021a; Ромашева, 2021; Ромашева и др., 2021; Tartakovsky et al., 2017b]. Различия в связях между ценностями и эмиграционными интенциями, зафиксированные учеными в разных социокультурных контекстах, позволяют выдвинуть предположение о существовании культурно обусловленных различий в связях между ценностями и факторами эмиграционных намерений.

Итак, целью исследования является сравнительный анализ связи индивидуальных ценностей с такими компонентами планируемого эмиграционного поведения, как установки в отношении эмиграции, субъективные нормы и воспринимаемый поведенческий контроль [Ajzen, 1991] у студенческой молодежи в различных социокультурных контекстах в Беларуси ($n = 208$), Казахстане ($n = 200$) и России ($n = 250$)¹.

При этом, с одной стороны, опираясь на базовые положения теории планируемого поведения А. Айзена, мы предполагаем, что аттитюды, воспринимаемые нормы и воспринимаемый

¹ Подробное описание выборки и процедуры сбора данных представлено в главе 3.

контроль в отношении эмиграции будут иметь положительные значимые связи с эмиграционным намерением, которое, в свою очередь, будет положительно связано с поведением по его реализации у студенческой молодежи из Беларуси, Казахстана и России (1). С другой стороны, опираясь на основные положения теории базовых индивидуальных ценностей Ш. Шварца и доказанную значимую роль ценностей в формировании различных видов поведения, мы предполагаем, что метаценности (Сохранения, Открытости изменениям, Самоутверждения и Самопреодоления) белорусской, казахстанской и российской студенческой молодежи будут иметь значимые связи с такими факторами планируемого эмиграционного поведения, как аттитюды, воспринимаемый контроль и воспринимаемые нормы (2). В то же время, принимая во внимание описанные в научных работах различия в связях индивидуальных ценностей и эмиграционных интенций, обнаруженные у разных культурных групп, мы предполагаем, что в различных социокультурных контекстах (у молодежи из Беларуси, Казахстана и России) связи между ценностями и факторами планируемого эмиграционного поведения будут иметь свои особенности (3).

В связи с отсутствием предваряющих научных исследований по соответствующей проблематике мы не формулируем частных гипотез относительно *особенностей* связей между ценностями и факторами планируемого эмиграционного поведения у разных культурных групп. Тем не менее, опираясь на концептуальное содержание базовых конструкторов теорий Ш. Шварца и А. Айзена, а также исходя из специфики самого эмиграционного поведения, мы предполагаем, что позитивные установки (аттитюды) в отношении эмиграции будут положительно связаны с ценностями Открытости изменениям и отрицательно — с ценностями Сохранения. Наряду с этим уверенность в возможности реализации эмиграционного поведения у молодежи (воспринимаемый контроль), вероятнее всего, будет иметь положительные связи с ценностями Самоутверждения и Открытости изменениям. А представление о позитивном отношении значимых других к собственному эмиграционному поведению, возможно, будет связано с ценностями Сохранения (отрицательно), Открытости изменениям (положительно) и Самоутверждения (положи-

тельно). Однако предположить, какие именно сочетания связей проявятся в различных социокультурных контекстах, довольно сложно. Поэтому выводы об особенностях и детерминантах данных связей будут сделаны на основе эмпирических данных.

Проверка выдвинутых гипотез связана с решением ряда эмпирических задач, предполагающих:

1) тестирование мультигрупповой модели связи индивидуальных ценностей и компонентов планируемого эмиграционного поведения у белорусской, казахстанской и российской студенческой молодежи;

2) анализ общих и культурно-специфических особенностей связей индивидуальных ценностей и факторов эмиграционных намерений студенческой молодежи из Беларуси, Казахстана и России.

Оценка эмиграционной активности молодежи осуществлялась с помощью двух шкал («Эмиграционное намерение» и «Поведение по реализации эмиграционного намерения») разработанного авторского опросника «Планируемое эмиграционное поведение»².

Диагностика индивидуальных ценностей осуществлялась с помощью сокращенной версии «Опросника портретных ценностей» Ш. Шварца (PVQ-21 — ESS), разработанного для Европейского социального исследования [Schwartz et al., 2001]. Опросник включает 21 утверждение³ и измеряет десять базовых ценностей и четыре ценности высшего порядка (ценности Сохранения, Открытости изменениям, Самоутверждения и Самопреодоления). Каждое утверждение опросника определенным образом описывает человека (например, «Для него важно придумывать новое, подходить ко всему творчески. Ему нравится делать все по-своему, своим оригинальным способом»). Респондентам предлагается ответить на вопрос о том, насколько этот человек похож на них, используя шестибалльную шкалу (от 1 — «совсем не похож на меня» до 6 — «очень похож на меня»). Обработка результатов осуществляется путем подсчета средних значений по утверждениям, связанным с конкретными базовы-

² Подробное описание опросника представлено в главе 4.

³ См. п. 1, № 1–21 анкеты в приложении 2.

ми ценностями (1), а также с ценностями высшего порядка (2). Исходя из цели исследования и инструкции автора по обработке результатов опросника [Schwartz, 2003] мы проводили подсчет средних значений по утверждениям, соответствующим ценностям высшего порядка: ценностям Сохранения (α -Кронбаха: 0,63/0,58/0,68 для белорусской, казахстанской и российской выборок соответственно), Открытости изменениям (α -Кронбаха: 0,67/0,68/0,69), Самоутверждения (α -Кронбаха: 0,71/0,67/0,74) и Самопреодоления (α -Кронбаха: 0,66/0,58/0,70).

Осуществлялось также *измерение семи контрольных переменных*. Респонденты указывали свой пол (1 — мужской, 2 — женский), возраст, количество иностранных языков, которыми они владеют, частоту выездов за границу, количество знакомых, друзей и родственников за границей (воспринимаемая поддержка), к которым они могли бы в случае необходимости обратиться за помощью. Материальное положение кодировалось от 1 («на данный момент я испытываю значительные финансовые трудности») до 4 («мое нынешнее материальное положение позволяет мне ни в чем себе не отказывать»). В качестве контрольной переменной, связанной с пандемией COVID-19 как значимым контекстным фактором сбора эмпирических данных, оценивалась объективная дистанция с данным заболеванием. Использовался вопрос «Болели ли (или болеете/болеют сейчас) Вы, Ваши родные, знакомые коронавирусом?» с четырьмя вариантами ответа: 1 — «да, я сам болел/болею COVID-19»; 2 — «да, переболели/болеют мои родные»; 3 — «да, переболели/болеют мои знакомые»; 4 — «нет, не болел / не болели и не болею / не болеют ни я, ни мои родные, ни знакомые». Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа в зависимости от своего положения. Дистанция с COVID-19 кодировалась в соответствии с ближайшей отмеченной дистанцией с заболеванием.

Обработка данных осуществлялась с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics 23 и программы IBM SPSS Amos 23. Применялись методы описательной статистики, анализ надежности шкал (коэффициент α -Кронбаха), анализ различий (однофакторный дисперсионный анализ [ANOVA] с использованием апостериорных критериев парных сравнений [Post Hoc]), множественный регрессионный анализ, мульти-

групповой конфирматорный факторный анализ (MGSEM). Для сравнительного анализа связей между ценностями и компонентами планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи трех стран применялся мультигрупповой путевой анализ. Зависимыми переменными в мультигрупповой модели путей стали компоненты планируемого эмиграционного поведения (средние значения по соответствующим шкалам). Предикторами выступили ценности высшего порядка (средние значения по шкалам). Мультигрупповой путевой анализ проводился при контроле переменных (пол, возраст, материальное положение, владение иностранными языками, опыт международной мобильности, число социальных связей за границей, объективная дистанция с COVID-19). Процедура контроля предполагала поочередное проведение множественного регрессионного анализа для всех основных переменных, в котором в качестве предикторов выступили контролируемые переменные. В процессе множественного регрессионного анализа были сохранены нестандартизированные регрессионные остатки основных переменных исследования, которые и использовались в качестве переменных в мультигрупповом моделировании структурными уравнениями.

Анализ различий продемонстрировал, что у студентов из России в сравнении со студентами из Беларуси и Казахстана в меньшей степени выражено поведение по реализации эмиграционных намерений, а также представления об одобрении их возможного переезда со стороны значимых других (воспринимаемые нормы) (табл. 7.1). У белорусских и казахстанских студентов по данным параметрам статистически значимых различий не обнаружено.

Согласно средним значениям во всех трех выборках более выражены такие факторы формирования эмиграционного намерения, как позитивное отношение к эмиграции (аттитюды) и уверенность в способности ее осуществить (воспринимаемый контроль) (значения выше 3,8 балла), нежели представления о позитивном отношении к переезду за границу со стороны близких людей (воспринимаемые нормы) (значения ниже 3,0 балла). Эмиграционные намерения, в свою очередь, выражены в большей степени, нежели поведение по их реализации, во всех

Таблица 7.1. Средние значения, стандартные отклонения и различия в показателях планируемого эмиграционного поведения и ценностей у студентов Беларуси, Казахстана и России

Переменные	Белорусские студенты	Казахстанские студенты	Российские студенты
	М (SD)	М (SD)	М (SD)
Аттитуды в отношении эмиграции	4,36 (1,25)	4,28 (1,31)	4,46 (1,10)
Воспринимаемый контроль в отношении эмиграции	3,85 (1,38)	4,09 (1,39)	3,85 (1,33)
Эмиграционное намерение	3,26 (1,50)	3,26 (1,61)	2,97 (1,38)
Воспринимаемые нормы в отношении эмиграции	2,93 (1,52) р***	2,87 (1,52) р**	2,40 (1,27) б***, к**
Поведение по реализации эмиграционного намерения	2,56 (1,35) р**	2,53 (1,45) р*	2,20 (1,21) б**, к*
Ценности Самопреодоления	4,55 (0,77) к*	4,74 (0,69) б*	4,62 (0,78)
Ценности Открытости изменениям	4,44 (0,72)	4,54 (0,74)	4,50 (0,73)
Ценности Самоутверждения	4,22 (0,87)	4,17 (0,92)	4,29 (0,94)
Ценности Сохранения	3,84 (0,78)	3,96 (0,79)	3,80 (0,81)

Примечания. б — статистически значимые различия с белорусами; к — статистически значимые различия с казахстанцами; р — статистически значимые различия с россиянами; * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$; компоненты планируемого эмиграционного поведения и ценности упорядочены в таблице в порядке убывания согласно средним значениям.

трех выборках соответственно. Наряду с этим для белорусских, казахстанских и российских студентов (согласно средним значениям) характерна идентичная иерархическая структура ценностей высшего порядка: более значимы для студенческой молодежи ценности Самопреодоления и Открытости изменениям, нежели ценности Самоутверждения и Сохранения (табл. 7.1). В то же время, согласно результатам анализа различий, для казахстанских респондентов ценности Самопреодоления имеют большее значение, чем для белорусских студентов.

Обнаруженные социокультурные различия в связях социально-демографических параметров респондентов (контрольные переменные) с ценностями и компонентами планируемого эмиграционного поведения (основные переменные) представлены в табл. 7.2.

Наибольшее число из рассматриваемых предикторов связано с эмиграционными намерениями у казахстанской молодежи: ориентация на эмиграцию выражена у владеющих иностранными языками более молодых студентов с низким материальным достатком (табл. 7.2). Для белорусских студентов важную роль при формировании эмиграционных намерений играет опыт международной мобильности, а для россиян — низкая материальная обеспеченность и воспринимаемая поддержка от близких, находящихся за границей. Предикторы поведения по реализации эмиграционных намерений для российских студентов идентичны предикторам самих эмиграционных намерений, описанным выше. У казахстанских студентов переход к активным действиям по подготовке к переезду связан с более молодым возрастом и владением иностранными языками. Белорусские студенты, демонстрирующие поведение по реализации эмиграционных намерений, владеют большим числом иностранных языков и имеют большую дистанцию с COVID-19. Эти же предикторы обуславливают у белорусских студентов воспринимаемые нормы в отношении эмиграции, в то время как для казахстанцев в данном случае значимыми факторами являются более молодой возраст и владение иностранными языками, а для россиян, напротив, — более старший возраст в сочетании с воспринимаемой поддержкой со стороны значимых других за пределами страны проживания. Для всех трех групп

Таблица 7.2. Статистически значимые стандартизированные регрессионные коэффициенты связи основных и контрольных переменных у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России

Зависимые переменные	Предикторы						
	Пол (1 — м., 2 — ж.)	Возраст	Материальное положение (1 — min, 4 — max)	Владение иностранными языками	Опыт международной мобильности	Связи за границей	Дистанция с COVID-19 (1 — min, 4 — max)
Эмиграционное намерение $R^2 = ,04/,11/,05$		-/,27***/-	-/,18*/-,14*	-/,23**/-	,15*/-/-	-/-/,18**	
Поведение по реализации эмиграционного намерения $R^2 = ,03/,05/,08$		-/,22**/-	-/-/-,13*	,14*/,21**/-		-/-/,24***	,16*/-/-
Воспринимаемые нормы $R^2 = ,09/,08/,09$		-/,15*/,16*		,28***/,22**/-		-/-/,23***	,13*/-/-
Воспринимаемый контроль $R^2 = ,05/,07/,04$					,16*/,16*/,19*	-/,19**/-	
Аттитуды в отношении эмиграции $R^2 = ,05/,02/,02$	,17*/-/-	-/,15*/-,15*	-/-,16*/-			-/,15*/-/-	

Окончание табл. 7.2

Зависимые переменные	Предикторы						
	Пол (1 — м., 2 — ж.)	Возраст	Материальное положение (1 — min, 4 — max)	Владение иностранными языками	Опыт международной мобильности	Связи за границей	Дистанция с COVID-19 (1 — min, 4 — max)
Ценности Сохранения $R^2 = ,01/,01/,02$							
Ценности Самоутверждения $R^2 = ,02/,01/,00$		-,16*/-/-					
Ценности Открытости изменениям $R^2 = ,04/,05/,01$	,23**/-/-	-/-,22**/-		-,22**/-			-/-/-,14*
Ценности Самопреодоления $R^2 = ,02/,00/,02$							

Примечания. R^2 — скорректированное значение коэффициента детерминации; * — $p > 0,05$, ** — $p > 0,01$, *** — $p > 0,001$; через слэш последовательно представлены коэффициенты для белорусской, казахстанской и российской выборок.

респондентов уверенность в осуществлении эмиграции в случае необходимости (воспринимаемый контроль) положительно связана с опытом международной мобильности, однако у казахстанских студентов этот предиктор дополняется наличием родственников, друзей и знакомых за границей (воспринимаемая поддержка). Позитивные установки в отношении эмиграции в большей степени выражены у наиболее молодых белорусских студенток, не имеющих социальных связей за границей. Среди российской студенческой молодежи, напротив, наиболее позитивно относятся к переезду более старшие респонденты. В казахстанской выборке респонденты, положительно оценивающие эмиграцию, имеют более низкий уровень материального благосостояния. Относительно связей индивидуальных ценностей с контрольными переменными получены следующие результаты: в белорусской выборке ценности Самоутверждения наиболее значимы для более молодых респондентов, ценности Открытости изменениям в большей степени значимы для женщин, а ценности Самопреодоления — для тех, кто не имеет социальных связей за границей; в казахстанской выборке ценности Открытости изменениям наиболее значимы для более молодых студентов, владеющих иностранными языками; а в российской выборке выраженные ценности Открытости изменениям демонстрируют респонденты, имеющие опыт встречи с COVID-19. Описанные взаимосвязи подтверждают обоснованность контроля таких переменных, как пол, возраст, материальное положение, владение иностранными языками, опыт международной мобильности, число социальных связей за границей (воспринимаемая поддержка) и объективная дистанция с COVID-19, при мультигрупповом путевом анализе.

На рис. 7.1. отражены связи индивидуальных ценностей и компонентов планируемого эмиграционного поведения у студентов Беларуси, Казахстана и России.

Мультигрупповая модель имеет хорошие индексы пригодности (табл. 7.3). Конфигурационная и метрическая инвариантности присутствуют (ΔCFI не превышает 0,01), что позволяет сравнивать регрессионные связи в выборках исследуемых стран.

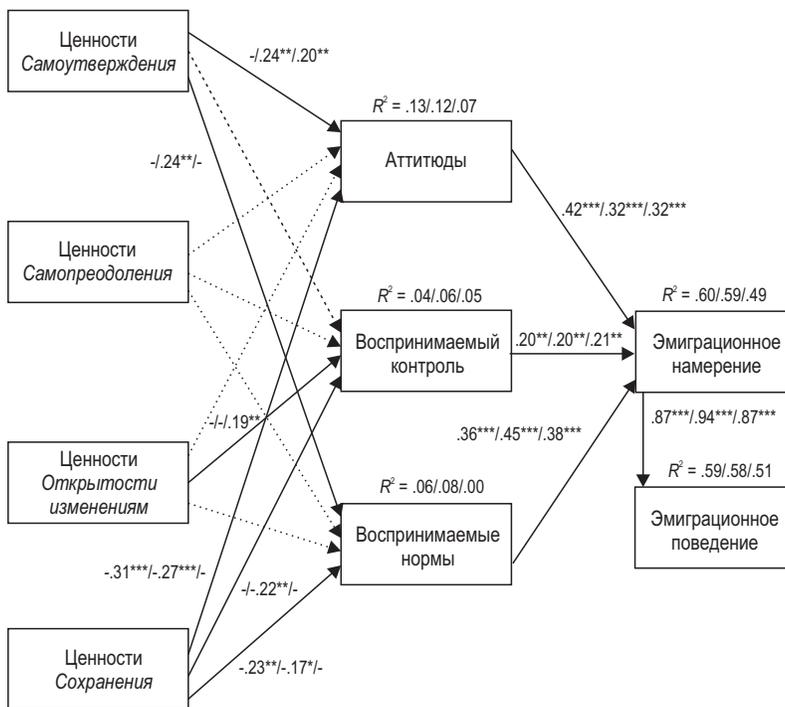

Рис. 7.1. Мультигрупповая (конфигурационная) модель связи ценностей с компонентами планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России

Примечания: для удобства восприятия рисунок модели не перегружен изображением ошибок; R^2 — доля объясненной дисперсии зависимой переменной; * — $p > 0,05$, ** — $p > 0,01$, *** — $p > 0,001$; сплошными линиями обозначены статистически значимые (как минимум для одной группы респондентов) связи; пунктирные линии демонстрируют отсутствие статистически значимых связей у всех групп респондентов.

Результаты мультигруппового анализа (стандартизированные регрессионные коэффициенты и коэффициенты детерминации) показывают, что аттитуды, воспринимаемый контроль и субъективные нормы являются значимыми предикторами эмиграционного намерения, а оно, соответственно, — значимым предиктором эмиграционного поведения у студенческой

молодежи Беларуси, Казахстана и России (рис. 7.1). При этом, согласно величинам стандартизированных регрессионных коэффициентов, на эмиграционные намерения трех групп студентов установки в отношении эмиграции и воспринимаемые нормы оказывают большее влияние, чем воспринимаемый контроль. Рассматриваемые факторы вносят больший вклад в объяснение эмиграционных намерений белорусов и казахстанцев, нежели россиян. Поведение по реализации эмиграционного намерения также в большей степени обусловлено эмиграционным намерением в белорусской и казахстанской выборках (в сравнении с российской).

Таблица 7.3. Статистики согласия мультигрупповой модели связи компонентов планируемого эмиграционного поведения и ценностей у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России

Модель инвариантности	CFI	Δ CFI	RMSEA	AIC	PCLOSE	Chi-square	df	<i>p</i>
Конфигурационная	0,978		0,045	333,307	0,718	69,307	30	0,000
Метрическая	0,974	0,004*	0,034	308,210	0,996	108,210	62	0,000

Примечания. CFI — сравнительный индекс согласия; RMSEA — квадратный корень средней квадратической ошибки аппроксимации; AIC — информационный критерий Акаике; PCLOSE — тест значимости; Chi-square — критерий хи-квадрат; df — число степеней свободы; *p* — уровень значимости; * — Δ CFI < 0,01.

В свою очередь, согласно полученным результатам, индивидуальные ценности выступают предикторами факторов эмиграционного намерения. Коэффициенты детерминации в данном случае свидетельствуют о том, что во всех трех выборках индивидуальные ценности обладают большей объяснительной способностью в отношении *аттитюдов к эмиграции*, нежели в отношении воспринимаемых норм и воспринимаемого контроля. При этом у российской молодежи воспринимаемые нормы, а у

белорусской молодежи воспринимаемый контроль оказались не связаны ни с одной ценностью высшего порядка.

На белорусской выборке обнаружена статически значимая отрицательная связь позитивных установок в отношении эмиграции с ценностями Сохранения ($p < 0,001$), на казахстанской выборке — отрицательная связь с ценностями Сохранения ($p < 0,001$) и положительная связь с ценностями Самоутверждения ($p < 0,01$). На российской выборке в данном случае обнаружена только положительная статистически значимая связь с ценностями Самоутверждения ($p < 0,01$). Представления респондентов о том, что значимые другие одобрили бы эмиграционное поведение (воспринимаемые нормы), статистически значимо отрицательно связаны с ценностями Сохранения у белорусов ($p < 0,01$) и казахстанцев ($p < 0,05$) и положительно — с ценностями Самоутверждения только у казахстанцев ($p < 0,01$). У российских студентов статистически значимых связей между воспринимаемыми нормами в отношении эмиграции и ценностями не обнаружено.

Уверенность в своей способности в случае необходимости осуществить эмиграцию (воспринимаемый контроль в отношении эмиграционного поведения) у казахстанских студентов связана с нивелированием значимости ценностей Сохранения ($p < 0,01$), а у российских студентов — с выраженностью ценностей Открытости изменениям ($p < 0,01$). На белорусской выборке в данном случае статистически значимых связей не обнаружено. Не обнаружено также статистически значимых связей между факторами эмиграционного намерения и ценностями Самопреодоления в трех выборках.

В результате проведенного исследования теоретическая модель планируемого эмиграционного поведения, построенная на основе теории планируемого поведения А. Айзена, получила эмпирическое подтверждение на выборках студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России. Наряду с этим получило свое подтверждение выдвинутое в исследовании предположение о существовании специфических связей индивидуальных ценностей (в терминологии Ш. Шварца) с аттитюдами, воспринимаемыми нормами и воспринимаемым контролем в отношении эмиграции как факторами эмиграционного намерения

(в терминологии А. Айзена) у студентов трех стран. На рис. 7.2 мы постарались наглядно представить роль индивидуальных ценностей в формировании планируемого эмиграционного поведения белорусских, казахстанских и российских студентов.

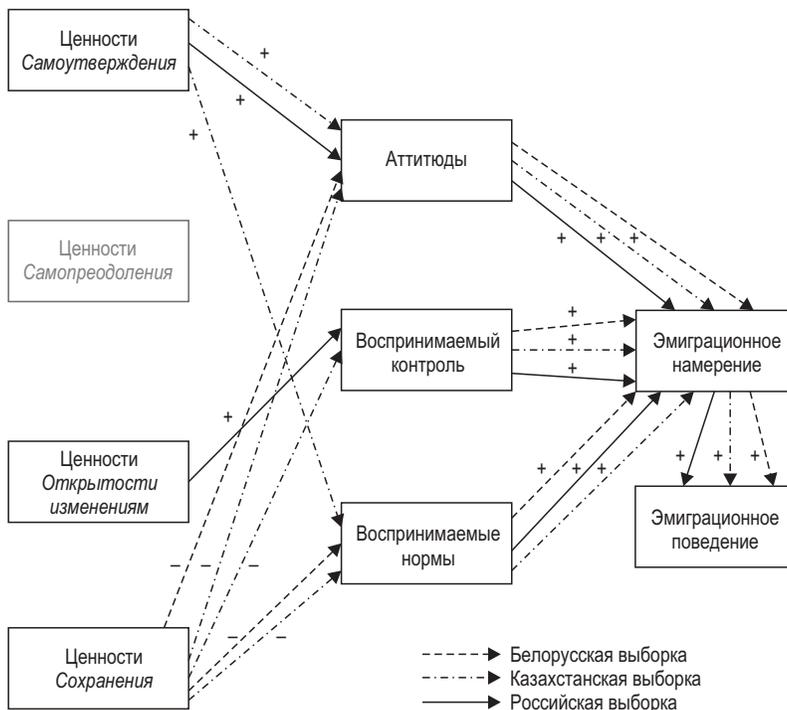

Рис. 7.2. Роль ценностей в формировании планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России

Примечания. Представлены только статистически значимые регрессионные связи; символами «+» и «-» обозначены положительные и отрицательные связи соответственно.

Общекультурной особенностью в данном случае является невключенность блока ценностей Самопреодоления в процесс формирования факторов эмиграционных намерений студенческой молодежи: связей между этими переменными не обнаружено ни в одной из изучаемых выборок. То есть ориентация на

заботу о других, их принятие, поддержание их благополучия не выступают *ресурсной основой формирования факторов* эмиграционной активности молодежи, что поддается логичному объяснению. Эмиграционное поведение молодых людей — это индивидуализированная активность, направленная на собственное благо молодежи: в ней отражаются и реализуются личные мотивы, цели, потребности, она опирается преимущественно на индивидуальные возможности и ресурсы. Но в то же время, как показывают результаты нашего предыдущего исследования, ценности Самопреодоления могут выступать *мотивационной основой проявления* планируемого эмиграционного поведения [Муращенко, 2021a], то есть выступать значимыми целями, реализация которых возможна, по мнению респондентов, в результате переезда.

Интерес представляют выявленные *различия* в связях ценностей более высокого порядка и факторов эмиграционных намерений у студентов трех стран. У российских студентов (и только у них) не обнаружено связи между ценностями высшего порядка и представлениями об одобрении значимыми другими их возможной эмиграции (воспринимаемые нормы). То есть представления о позитивном отношении к эмиграции значимых других могут присутствовать у российской молодежи с различными ценностными приоритетами. Возможно, это связано с более лояльным отношением к эмиграции в российском обществе в целом, а также с большей самостоятельностью и меньшим влиянием значимых других на принимаемые молодыми россиянами решения в отношении эмиграции [Ромашева и др., 2021] в сравнении, например, с молодыми казахстанцами [Молодежь и ценности, 2021]. В казахстанской и белорусской выборках обнаружена связь между ценностями и субъективными нормами в отношении эмиграции: представления об одобрении близкими людьми собственной эмиграционной активности присущи тем студентам данных стран, у которых нивелирована значимость ценностей Сохранения. У казахстанцев данные представления связаны также с выраженной ориентацией на ценности Самоутверждения. То есть белорусская и казахстанская молодежь, считающая, что окружающие одобряют их решение переехать за границу, не ориентирована на проявление конформности,

поддержание традиций, не стремится к безопасности. Наряду с этим казахстанская молодежь с подобными представлениями демонстрирует ценности Самоутверждения — ориентирована на проявление своих способностей, социальное доминирование и достижение личного успеха. С одной стороны, в данном случае можно предположить, что та среда (общение с родственниками, друзьями, близкими), в которой *могут* сформироваться и проявиться эмиграционные намерения молодежи Беларуси и Казахстана, априори в меньшей степени ориентирована на традиционность. С другой стороны, возможно, в среде белорусской и казахстанской молодежи (в отличие от российской) в большей степени выражено представление об эмиграции как об особом, нетипичном для большинства поведении, предполагающем неконформизм и отход от традиционности для его проявления, а также предоставляющем возможности для самоутверждения (в случае с казахстанской молодежью).

В то же время только на российской выборке обнаружена связь блока ценностей Открытости изменениям и воспринимаемой студентами самооффективности в отношении реализации собственного эмиграционного поведения (воспринимаемый контроль). У российской студенческой молодежи ориентация на перемены, изменения, стремление к независимости, поиску новых ощущений и получению удовольствия от жизни позитивно связаны с уверенностью в собственных возможностях осуществить переезд за границу. У казахстанских студентов в данном случае подобным ресурсом выступает отход от ценностей Сохранения — отход от традиционности. В выборке белорусской студенческой молодежи не обнаружена роль ценностей в предполагаемой личной эмиграционной самооффективности. Возможно, наиболее значимыми факторами в данном случае выступают другие психологические и/или непсихологические конструкты: личностные черты, внешние условия и т.д. Но возможно также и то, что отсутствие единого ценностного профиля у молодых белорусов в данном случае связано с теми социально-политическими условиями, которые сложились в стране после выборов президента в августе 2020 года [Дырина, 2020]. Можно предположить, что в условиях социально-политического и гражданского кризиса в Беларуси [Дырина, 2020] эмигра-

ционные намерения молодежи отражали интенции не только добровольного, но и условно вынужденного эмиграционного поведения. В связи с этим высказываться об индивидуальной самоэффективности эмиграционной активности могли разные студенты (проявляющие не только *добровольную* эмиграционную активность), имеющие различные системы ценностей. В связи с этим единый ценностный профиль предполагаемой эмиграционной самоэффективности мог не проявиться.

В формировании позитивного отношения к эмиграции (аттитудов) значимую роль как у российской, так и у казахстанской молодежи играют ценности Самоутверждения, проявляющиеся в стремлении к демонстрации и реализации своих способностей, достижению успеха, уважения, материального благополучия. Общей для белорусской и казахстанской молодежи (но не свойственной для российской) является связь между положительным отношением к переезду за границу и отрицанием важности ценностей Сохранения.

Таким образом, у молодых россиян факторы эмиграционного поведения формируются на основе приверженности ценностям, связанным с демонстрацией собственной компетентности, личным успехом, престижем, стремлением приобрести возможность контроля над материальными и человеческими ресурсами (Самоутверждение), а также ценностям, связанным с поиском новизны, стремлением к автономии и независимости (Открытость изменениям). В первом случае ценности влияют на формирование позитивного отношения к эмиграции, во втором — повышают уверенность молодых людей в способности осуществить запланированный переезд. Данные взаимосвязи позволяют сделать прогноз относительно того, как может измениться ценностный профиль образованной российской молодежи в случае, если существующие эмиграционные интенции студенческой молодежи будут реализованы в ее поведении.

Ценностная стратегия формирования эмиграционных намерений белорусской и казахстанской студенческой молодежи связана с отходом от традиционности и снижением для респондентов, ориентированных на переезд, значимости ценностей Сохранения. У казахстанцев данная тенденция проявляется в отношении всех факторов, определяющих намерение в моде-

ли А. Айзена, в то время как у белорусов — только в отношении воспринимаемых норм и аттитюдов. В дополнение к этому значимую роль в формировании эмиграционных намерений у казахстанской молодежи играют ценности Самоутверждения, позитивно связанные с установками и воспринимаемыми нормами эмиграционной активности у казахстанских студентов.

Итак, в результате исследования на выборке студенческой молодежи из Беларуси, Казахстана и России подтверждена модель планируемого поведения А. Айзена применительно к эмиграционной активности: аттитюды, воспринимаемые нормы и воспринимаемый контроль в отношении эмиграции положительно связаны с эмиграционным намерением, которое, в свою очередь, позитивно связано с поведением по его реализации. Тестирование мультигрупповой модели связи индивидуальных ценностей и компонентов планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи трех стран продемонстрировало наличие как общих, так и культурно-специфических связей и путей формирования эмиграционной активности.

ГЛАВА 8. СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭМИГРАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНТОВ ТРЕХ СТРАН

8.1. Связь профессиональной идентичности и эмиграционной активности студенческой молодежи трех стран

Качественное профессиональное образование, раскрытие потенциала молодежи, оказание ей помощи в профессиональном самоопределении, так же как и сохранение этой молодежи внутри страны и профилактика ее эмиграционной активности, — это актуальные и значимые задачи, стоящие перед современным обществом в разных государствах. В первую очередь эти задачи, как правило, призваны решать высшие учебные заведения, дающие высшее профессиональное образование. При этом университетская среда обычно поощряет активность и мобильность (в том числе и международную) студенческой молодежи, предполагая, что для максимальной самореализации высококвалифицированный специалист должен получать разнообразный профессиональный опыт. Однако в случае изменения характера международной мобильности (перехода от кратковременной и/или маятниковой мобильности к постоянной эмиграции) данное явление приобретает статус проблемы для государства.

Профессиональная идентичность может рассматриваться как результат адаптации студента к учебному заведению и профессиональной деятельности, что может зависеть от идентификационного капитала студентов [Cote, Levine, 2002], который включает в себя два вида активов — материальные (принадлежность студента к социальному классу, его членство в профильных клубах, ученая степень и т.д.) и нематериальные (личностные качества, локус контроля, самооценка, критическое мышление, целеустремленность и т.д.) [Cote, 1997]. При этом нематериальные активы студентов могут компенсировать отсутствие материальных активов. Некоторые студенты могут испытывать диссонанс идентичности, часто связанный с несоответствием их базовых систем ценностей и убеждений ориентирам выбранной ими профессии, что, как правило, становится

ся проблемой и для самой личности, и для вуза, и для страны в долгосрочной перспективе. На уровне личности диссонанс идентичности может приводить к разочарованию в профессии и/или уходу из учебного заведения. В меньшей степени этому подвержены студенты, обладающие большими материальными и/или нематериальными активами, чья личная идентичность соответствует их новой профессиональной роли.

Как показывают результаты зарубежных исследований, профессиональная идентичность играет значимую роль в формировании эмиграционных намерений [Frieze et al., 2004.; Frieze et al., 2006; Kvartuik et al., 2020]. Когда речь идет о молодежи, ведущей движущей силой эмиграционной активности становится тема карьеры, трудоустройства и профессионального развития [Bernardini-Zambrini et al., 2011; Bryer et al., 2020; Frieze et al., 2004; Hooijen et al., 2020]. При этом изо всех студентов в большей степени ориентированы на эмиграцию, как правило, те, в жизненных приоритетах которых значатся именно карьерные ориентации и работа [Frieze et al., 2004]. И особую роль для потенциальных молодых эмигрантов играют возможности саморазвития и самореализации в профессии (перспективы профессионального становления и карьерного роста, профессиональная инфраструктура, возможности профессионального общения и приобретения опыта, условия работы), а не просто уровень заработной платы [Bernardini-Zambrini et al., 2011]. По результатам наших предыдущих исследований поиск работы и успешное трудоустройство за рубежом являются важнейшими эмиграционными мотивами для студентов-россиян [Гриценко и др., 2020а; Муращенкова и др., 2020].

В данном исследовании проводится проверка предположения о положительной связи между выраженностью профессиональной идентичности и эмиграционных намерений у студентов — представителей трех стран постсоветского пространства: Беларуси ($n = 208$), Казахстана ($n = 200$) и России ($n = 579$)¹.

Эмиграционные намерения оценивались с помощью одноименной шкалы разработанного авторского опросника «Пла-

¹ Подробное описание выборки и процедуры сбора данных представлено в главе 3.

нируемое эмиграционное поведение»². Выраженность профессиональной идентичности оценивалась на основе анализа представленности профессиональных ролей в характеристиках настоящего «я» респондентов: использовался сокращенный модифицированный вариант методики «Кто я?» М. Куна и Т. Макпартленда [Kuhn, McPartland, 1954; Татарко, Лебедева, 2011]. Наряду с этим анализировались также ответы респондентов на вопрос «Планируете ли Вы в будущем работать по получаемой сейчас специальности?» со шкалой ответов от 1 («однозначно нет») до 4 («однозначно да»)³.

Обработка данных проводилась с помощью частотного и контент-анализа, описательной статистики, анализа различий (U-критерий Манна-Уитни), регрессионного анализа. Использовался пакет IBM SPSS Statistics 23.

Изо всех (4935) ответов на вопрос «Кто я?» по общей выборке 1652 ответа (33,48%) характеризовали профессиональную идентичность. Российские студенты дали 2895 ответов на вопрос «Кто я?», из них — 908 (31,36%) были отнесены к характеристикам профессиональной идентичности. У белорусских и казахстанских студентов данные показатели были следующими: 365 (35,03%) ответов из 1042 и 379 (37,98%) ответов из 998. Учитывались характеристики, соответствующие учебно-профессиональной роли: студент, профессионал, специалист, инженер, психолог и другие. Для дальнейшей статистической обработки каждому респонденту был присвоен балл, отражающий степень выраженности профессиональной идентичности: от 0 (отсутствии профессиональных характеристик в ответах) до 5 (все пять ответов относятся к учебно-ролевой позиции).

Были выявлены различия в выраженности профессиональной идентичности у представителей трех сравниваемых групп: у россиян этот показатель оказался значимо ниже, нежели у белорусов ($p = 0,005$) и казахстанцев ($p = 0,000$). При этом казахстанская студенческая молодежь в большей степени была уверена в том, что будет работать по получаемой специальности, нежели российская ($p = 0,000$) и белорусская ($p = 0,000$). Различия по данному параметру были выявлены также у российских и бе-

² Подробное описание опросника представлено в главе 4.

³ См. п. 2 и п. 5 анкеты в приложении 2.

лорусских студентов ($p = 0,006$): белорусы выражали меньшую уверенность в том, что будут работать по той специальности, которую получают в вузе.

У белорусов ($\beta = 0,208$, $p = 0,001$), казахстанцев ($\beta = 0,235$, $p = 0,004$) и россиян ($\beta = 0,210$, $p = 0,009$) была выявлена положительная связь выраженности эмиграционных намерений и профессиональной идентичности. При этом планирование работать по получаемой в вузе специальности оказалось отрицательно связано с эмиграционными намерениями у студентов из Казахстана ($\beta = -0,223$, $p = 0,002$) и России ($\beta = -0,119$, $p = 0,006$). У студентов из Беларуси такой связи не обнаружено. Но можно предположить, что отсутствие данной связи в белорусской выборке обусловлено тем, что выраженность параметра «планирование работать по получаемой специальности» в ней в целом значимо ниже, за счет чего при статистической обработке связь между этим параметром и выраженностью эмиграционных намерений не обнаруживается. Однако это предположение требует дополнительной эмпирической проверки.

Тот факт, что треть идентификационных характеристик настоящего «я» респондентов приходится на профессиональную идентичность, свидетельствует о значимости для молодежи этой сферы, что обусловлено в том числе возрастными особенностями и задачами на данном этапе личностного развития [Эриксон, 1996]. Результаты исследования подтверждают предположение о том, что выраженная профессиональная идентичность может выступать предиктором эмиграционных намерений студентов. В то же время данные об отрицательной связи эмиграционных намерений с планированием работы по получаемой специальности позволяют выдвинуть предположение о значимой роли качественной профориентации в профилактике утраты ценного человеческого капитала в результате эмиграции как минимум в молодежной среде.

8.2. Связь этнической, гражданской и глобальной идентичностей с эмиграционной активностью студенческой молодежи трех стран

В условиях стремительно происходящих в мире изменений, когда индивид остро нуждается в идентификации с группами,

в поддержке и опоре, в позитивном самоопределении и самоуважении [Гриценко и др., 2020в; Нестик, 2017], анализ таких факторов эмиграционной активности, как различные типы социальной идентичности, становится особенно значимым. Позитивное представление о той или иной социальной группе, удовлетворенность членством в ней, желание принадлежать ей дают индивиду ощущение психологической безопасности и стабильности [Tajfel, Turner, 1986]. Если же группа, к которой принадлежит индивид, утрачивает для него свою привлекательность и/или имеет низкий социальный статус, он может стремиться дистанцироваться от нее как психологически, так и физически, в том числе и путем эмиграции [Гриценко, 1997]. Так, результаты исследований подтверждают связь этнической идентичности с эмиграционными установками [Agadjanian et al, 2008; Caron, 2020]: факторами формирования эмиграционной активности может выступать принадлежность к этническому меньшинству и степень воспринимаемой дискриминации. Выраженная гражданская идентичность, как осознание своей принадлежности к сообществу граждан страны и значимости членства в нем, способна сдерживать процесс формирования эмиграционных намерений [Marrow, Klekowski von Koppenfels, 2020], тогда как высокая неопределенность гражданской идентичности, наоборот, может их усиливать [Jung et al., 2019]. В свою очередь, выраженная глобальная идентичность, как отождествление себя с человечеством и разделение космополитических ценностей, способна стимулировать развитие эмиграционных намерений [Сычев и др., 2021]. Таким образом, этническая, гражданская и глобальная идентичности являются психологическими конструктами, которые могут способствовать или препятствовать формированию эмиграционной активности молодежи.

Однако в большинстве научных работ внимание уделяется изучению этнической, гражданской и/или глобальной идентичностей как отдельных факторов эмиграционной активности. Проводя обзор, мы не встретили исследований, рассматривающих эти предикторы во взаимосвязи (как систему детерминант) и при этом дифференцированно оценивающих вклад отдельных компонентов идентичностей в эмиграционную активность молодежи. В связи с этим интерес представляет изучение особен-

ностей связи системы когнитивных и эмоциональных компонентов этнической, гражданской и глобальной идентичностей с эмиграционными намерениями и поведением по реализации данных намерений у молодежи Беларуси, Казахстана и России.

Исследование направлено на поиск ответа на вопрос: существуют ли различия в связях эмиграционной активности молодежи Беларуси ($n = 208$), Казахстана ($n = 200$) и России ($n = 250$)⁴ с когнитивными и эмоциональными компонентами их этнической, гражданской и глобальной идентичностей?

Оценка эмиграционной активности молодежи осуществлялась с помощью двух шкал («Эмиграционное намерение» и «Поведение по реализации эмиграционного намерения») разработанного авторского опросника «Планируемое эмиграционное поведение»⁵.

Для измерения этнической идентичности использовалась методика оценки позитивности и неопределенности этнической идентичности А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой [Татарко, Лебедева, 2011], включающая две шкалы, позволяющие оценить эмоциональную окрашенность этнической идентичности и то, насколько ясно индивид осознает себя представителем своего этноса. Анализ внутренней согласованности шкал «Валентность этнической идентичности» и «Определенность этнической идентичности» продемонстрировал приемлемые показатели α -Кронбаха для трех выборок соответственно: Беларусь — 0,64/0,57, Казахстан — 0,60/0,59 и Россия — 0,65/0,59.

Гражданская и глобальная идентичности измерялись с помощью методики «Идентификация с человечеством» (IWAN) С. Макфарленда [McFarland et al., 2012; Нестик, Журавлев, 2018], состоящей из девяти вопросов, на каждый из которых предлагалось пять ответов, построенных по типу шкалы Ликерта и отражающих отношение респондентов: к гражданам страны (1) и человечеству в целом (2). Значения α -Кронбаха для шкал «Когнитивный компонент гражданской идентичности» и «Аффективный компонент гражданской идентичности», а также «Когнитивный компонент глобальной идентичности» и «Аф-

⁴ Подробное описание выборки и процедуры сбора данных представлено в главе 3.

⁵ Подробное описание опросника представлено в главе 4.

фективный компонент глобальной идентичности» составили соответственно: для белорусской выборки — 0,82/0,85/0,79/0,83; для казахстанской — 0,83/0,88/0,87/0,85; для российской — 0,79/0,84/0,74/0,83.

Обработка данных осуществлялась с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics 23 и программы IBM SPSS Amos 23. Применялись методы описательной статистики, анализ надежности шкал (коэффициент α -Кронбаха), анализ различий (однофакторный дисперсионный анализ [ANOVA] с использованием апостериорных критериев парных сравнений [Post Hoc]) и мультигрупповое моделирование структурными уравнениями (MGSEM). В качестве зависимых переменных выступили эмиграционное намерение и поведение по реализации эмиграционного намерения, моделируемые как два латентных фактора, каждый из которых был представлен тремя измеренными переменными. Для каждой зависимой переменной были построены отдельные модели. Предикторами в моделях выступили когнитивные и эмоциональные компоненты глобальной, гражданской и этнической идентичностей. Моделирование осуществлялось при контроле переменных (пол, возраст, материальное положение, национальность, уровень религиозности, владение иностранными языками, опыт международной мобильности, наличие социальных связей за границей), имеющих статистически значимые регрессионные связи с зависимыми и независимыми переменными, включенными в модель. Процедура контроля предполагала поочередное проведение множественного регрессионного анализа для всех основных переменных, в котором в качестве предикторов выступили контролируемые переменные. В процессе множественного регрессионного анализа были сохранены нестандартизированные регрессионные остатки основных переменных исследования, которые и использовались в качестве переменных в мультигрупповом моделировании структурными уравнениями.

В результате исследования были выявлены статистически значимые различия в степени выраженности разных элементов поведения по реализации эмиграционных намерений у студентов из России в сравнении со студентами из Беларуси и Казахстана (табл. 8.1).

Таблица 8.1. Средние значения, стандартные отклонения и различия в выраженности эмиграционной активности и компонентов этнической, гражданской и глобальной идентичностей у студентов Беларуси, Казахстана и России

Переменные	Min	Max	Студенты-белорусы, n = 208		Студенты-казахстанцы, n = 200		Студенты-россияне, n = 250	
			M	SD	M	SD	M	SD
Этническая идентичность								
Определенность	1	6	4,79	0,94	4,96	1,06	4,83	0,91
Валентность	1	6	4,61 к, р	1,09	5,09 б	1,04	5,12 б	0,92
Гражданская идентичность								
Когнитивный компонент	5	20	14,04 р	3,45	14,10 р	3,72	13,24 б, к	3,33
Аффективный компонент	5	25	17,86 р	4,23	18,07 р	4,38	16,57 б, к	4,02
Глобальная идентичность								
Когнитивный компонент	5	20	12,57 к	3,53	13,29 б, р	3,65	12,38 к	3,22
Аффективный компонент	5	25	17,06 к	4,25	18,10 б, р	4,21	17,04 к	4,16
Эмиграционное намерение								
1. Я планирую в ближайшие пять лет переехать жить в другую страну	1	6	3,14	1,52	3,16	1,65	2,80	1,37

Окончание табл. 8.1

Переменные	Min	Max	Студенты-белорусы, n = 208		Студенты-казахстанцы, n = 200		Студенты-россияне, n = 250	
			M	SD	M	SD	M	SD
2. Я хочу в ближайшие пять лет переехать жить в другую страну	1	6	3,53	1,70	3,55	1,75	3,26	1,56
3. Я готов(а) в ближайшие пять лет переехать за границу	1	6	3,12	1,71	3,06	1,86	2,85	1,66
Поведение по реализации эмиграционного намерения								
4. Я уже активно разрабатываю план действий для переезда за границу	1	6	2,58 р	1,57	2,55 р	1,60	2,21 б, к	1,33
5. В настоящее время я стараюсь получить как можно больше информации из разных источников о стране предполагаемого переезда	1	6	2,86 р	1,68	2,78 р	1,73	2,43 б, к	1,47
6. Я уже активно взаимодействую с теми, кто может помочь мне переехать за границу	1	6	2,22 р	1,33	2,26 р	1,45	1,96 б, к	1,27

Примечания. б — статистически значимые различия с белорусами; к — статистически значимые различия с россиянами (ANOVA).

У россиян в меньшей степени по сравнению с белорусами и казахстанцами выражено поведение по реализации эмиграционного намерения, а именно: разработка плана действий для переезда ($p = 0,01 / p = 0,02$); поиск информации о стране предполагаемой эмиграции ($p = 0,00 / p = 0,02$); взаимодействие с людьми, которые могут помочь в переезде ($p = 0,04 / p = 0,02$). У белорусских и казахстанских студентов статистически значимых различий по данным параметрам не выявлено. В то же время, согласно средним значениям, эмиграционные намерения имеют бóльшую выраженность, нежели поведенческие проявления эмиграционной активности, во всех трех выборках.

Анализ степени выраженности компонентов этнической, гражданской и глобальной идентичностей (табл. 8.1) показал, что белорусские студенты менее позитивно относятся к своей этнической принадлежности по сравнению с казахстанскими ($p = 0,00$) и российскими ($p = 0,00$) студентами. Казахстанцы и белорусы в большей степени, нежели россияне, отождествляют себя с гражданами своей страны ($p = 0,00 / p = 0,00$) и более позитивно относятся к своим согражданам ($p = 0,00 / p = 0,00$). Наряду с этим казахстанские студенты по сравнению с белорусскими и российскими студентами в большей степени осознают свою тождественность с людьми всего мира ($p = 0,04 / p = 0,00$) и более положительно оценивают эту тождественность ($p = 0,01 / p = 0,00$).

Различия в характере связей эмиграционных намерений и поведения по реализации этих намерений у студентов трех стран с компонентами их этнической, гражданской и глобальной идентичностей отражены в двух мультигрупповых моделях (рис. 8.1, 8.2).

Все утверждения, оценивающие эмиграционную активность, входят в латентные конструкты со статистически значимыми нагрузками (рис. 8.1, 8.2). Обе модели имеют хорошие индексы пригодности (табл. 8.2, 8.3). Конфигурационная и метрическая инвариантности присутствуют (ΔCFI не превышает 0,01), что позволяет сравнивать регрессионные связи в выборках исследуемых стран.

Показатели коэффициентов детерминации для моделей связи эмиграционных намерений и поведения по их реализации с компонентами этнической, гражданской и глобальной иден-

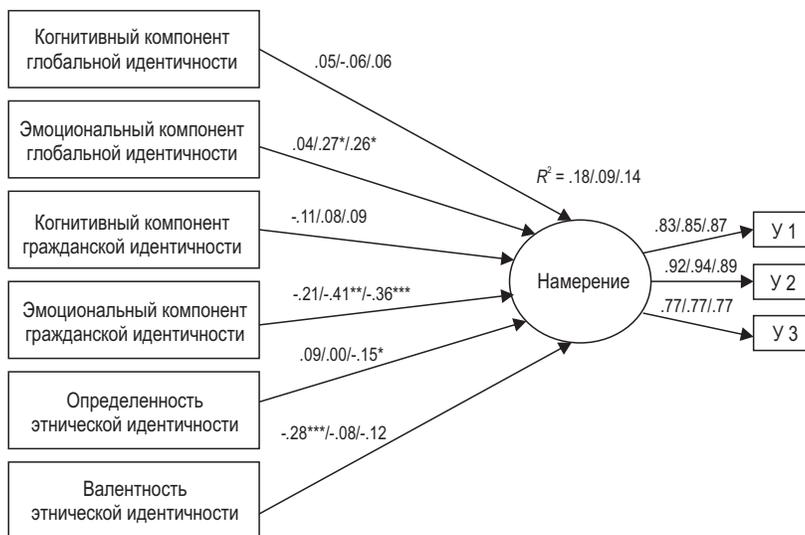

Рис. 8.1. Мультигрупповая (конфигурационная) модель связи эмиграционных намерений и компонентов глобальной, гражданской и этнической идентичностей у студентов Беларуси, Казахстана и России

Примечания. У1 — «Я планирую в ближайшие пять лет переехать жить в другую страну», У2 — «Я хочу в ближайшие пять лет переехать жить в другую страну», У3 — «Я готов(а) в ближайшие пять лет переехать за границу»; R² — доля объясненной дисперсии зависимой переменной; * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; *** — $p < 0,001$.

тичности студентов трех стран (рис. 8.1, 8.2) свидетельствуют о том, что больший вклад в объяснение эмиграционных намерений рассматриваемые предикторы вносят в выборках России и Беларуси, нежели в выборке Казахстана, а поведение по реализации эмиграционных намерений в большей степени обусловлено рассматриваемыми предикторами в белорусской выборке, чем в казахстанской и российской.

Для оценки различий регрессионных связей мы анализировали коэффициенты моделей без ограничений для трех стран. Выявлено, что регрессионные связи между эмиграционными намерениями студентов и рассматриваемыми идентичностями имеют свою специфику во всех трех выборках. У студентов Беларуси пре-

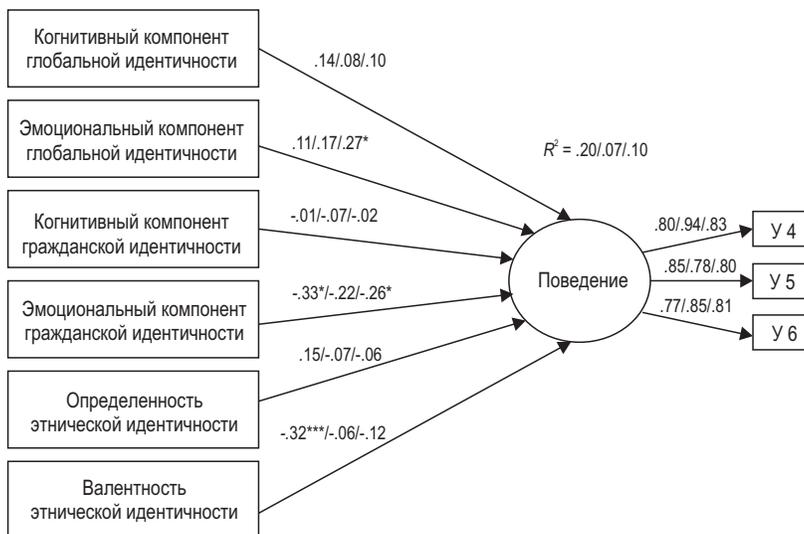

Рис. 8.2. Мультигрупповая (конфигурационная) модель связи поведения по реализации эмиграционных намерений и компонентов глобальной, гражданской и этнической идентичностей у студентов Беларуси, Казахстана и России

Примечания. Y4 — «Я уже активно разрабатываю план действий для переезда за границу»; Y5 — «В настоящее время я стараюсь получить как можно больше информации из разных источников о стране предполагаемого переезда»; Y6 — «Я уже активно взаимодействую с теми, кто может помочь мне переехать за границу»; R^2 — доля объясненной дисперсии зависимой переменной; * — $p < 0,05$; *** — $p < 0,001$.

диктором эмиграционных намерений выступает негативная оценка собственной этнической принадлежности ($\beta = 0,32$, $p = 0,00$). У студентов Казахстана и России эмиграционные намерения связаны с позитивным отношением к глобальному сообществу людей в целом ($\beta = 0,27$, $p = 0,04$; $\beta = 0,26$, $p = 0,02$) и негативным отношением к гражданам своей страны ($\beta = -0,41$, $p = 0,01$; $\beta = -0,36$, $p = 0,00$). Наряду с этим российские студенты с выраженными эмиграционными намерениями имеют размытые представления о собственной этнической принадлежности ($\beta = -0,15$, $p = 0,03$).

Таблица 8.2. Статистики согласия мультигрупповой модели связи эмиграционных намерений с этнической, гражданской и глобальной идентичностями у студентов Беларуси, Казахстана и России

Модель инвариантности	CFI	RMSEA	AIC	PCLOSE	Chi-square	df	<i>p</i>
Конфигурационная*	0,999	0,009	289,935	1,000	37,935	36	0,381
Метрическая**	1,000	0,000	262,509	1,000	54,509	58	0,606

Примечания. CFI — сравнительный индекс согласия; RMSEA — квадратный корень средней квадратической ошибки аппроксимации; AIC — информационный критерий Акаике; PCLOSE — тест значимости; Chi-square — критерий хи-квадрат; df — число степеней свободы; *p* — уровень значимости; Δ CFI < 0,01; * — конфигурационная инвариантность; ** — метрическая инвариантность.

Таблица 8.3. Статистики согласия мультигрупповой модели связи поведения по реализации эмиграционных намерений с этнической, гражданской и глобальной идентичностями у студентов Беларуси, Казахстана и России

Модель инвариантности	CFI	RMSEA	AIC	PCLOSE	Chi-square	df	<i>p</i>
Конфигурационная*	0,999	0,012	291,476	1,000	39,476	36	0,317
Метрическая**	1,000	0,002	266,132	1,000	58,132	58	0,470

Примечания. CFI — сравнительный индекс согласия; RMSEA — квадратный корень средней квадратической ошибки аппроксимации; AIC — информационный критерий Акаике; PCLOSE — тест значимости; Chi-square — критерий хи-квадрат; df — число степеней свободы; *p* — уровень значимости; Δ CFI < 0,01; * — конфигурационная инвариантность; ** — метрическая инвариантность.

Регрессионные связи между поведенческими проявлениями эмиграционной активности студентов и рассматриваемыми идентичностями также имеют свою специфику во всех трех выборках. Поведение по реализации эмиграционных намерений у студентов Беларуси связано с отрицательным отношением к гражданам своей страны ($\beta = -0,33, p = 0,02$) и к собственной этнической принадлежности ($\beta = -0,32, p = 0,00$). У студентов России данное поведение тоже связано с отрицательным отношением к гражданам своей страны ($\beta = -0,26, p = 0,02$), но в сочетании с положительным отношением к глобальному обществу людей в целом ($\beta = 0,27, p = 0,02$). У казахстанских студентов статистически значимых связей в данном случае не обнаружено.

Таким образом, выявленные в исследовании связи компонентов этнической, гражданской и глобальной идентичностей с эмиграционной активностью белорусских, казахстанских и российских студентов имеют как сходства, так и различия. Сходство проявляется в характере связи между эмоциональным компонентом гражданской идентичности и эмиграционной активностью у студентов трех исследуемых стран. Так, уменьшение позитивного отношения студентов к гражданам своих стран и степени отождествления с ними может способствовать развитию эмиграционной активности у студентов. Однако если у казахстанских и российских респондентов эмоциональный компонент гражданской идентичности является предиктором эмиграционных намерений, то у белорусских респондентов он выступает предиктором поведения по реализации этих намерений. То есть у белорусских студентов низкая степень отождествления себя с гражданами своей страны способствует проявлению не пассивно предпочитаемой, а активно реализуемой эмиграционной стратегии. В целом полученные результаты свидетельствуют об универсальной значимой роли позитивной оценки собственной гражданской принадлежности для предупреждения эмиграционной активности. Эти результаты вполне ожидаемы и соотносятся с данными других исследований, согласно которым за границу уезжают молодые люди со слабой степенью отождествления себя с гражданами своей страны и низким уровнем гражданской активности [Дергунова, Лукафина, 2017].

Обратимся к обсуждению различий в предикторах эмиграционной активности молодежи трех стран. На выборке белорусских студентов не обнаружено связей компонентов глобальной идентичности с эмиграционной активностью. Однако сходный характер связи между чувством общности со всем человечеством и эмиграционной активностью выявлен у студентов Казахстана и России: увеличение положительной идентификации с людьми всего мира сопровождается увеличением их эмиграционной активности. При этом эмоциональный компонент глобальной идентичности у казахстанских студентов связан только с эмиграционными намерениями, а у российских студентов — и с намерениями, и с поведением по их реализации (то есть выступает предиктором активно реализуемой эмиграционной стратегии). Таким образом, у российских студентов положительная идентификация с людьми всего мира может способствовать формированию не только *намерений* эмиграции, но и *действий* по их реализации, чего не обнаружено у казахстанских и белорусских студентов.

В то же время только у белорусских студентов выявлена связь между эмоциональным компонентом этнической идентичности и эмиграционной активностью: уменьшение привязанности к своей этнической группе может способствовать формированию у белорусских студентов как эмиграционных намерений, так и поведения по его реализации. Эти данные соотносятся с результатами исследования, согласно которому у современных белорусских студентов отмечается неактуальность этничности и уход от собственной культурной группы в поисках устойчивых социально-психологических групп вне этнического критерия [Казаренков, Карнелович, 2020]. Данная тенденция к размыванию этнической идентичности у белорусской студенческой молодежи может стимулировать рост эмиграционной активности как в форме пассивно предпочитаемой, так и в форме активно реализуемой стратегии. В свою очередь, только у российских студентов выявлена связь эмиграционных намерений с неопределенностью этнической идентичности: нечеткие представления о собственной этнической принадлежности могут стимулировать поиск групп для самоидентификации, в том числе и путем формирования эмиграционных интенций у российской

студенческой молодежи. Таким образом, согласно результатам исследования приоритетную роль в формировании эмиграционной активности студенческой молодежи трех стран играют эмоциональные, а не когнитивные компоненты этнической, гражданской и глобальной идентичностей.

Результаты исследования позволяют положительно ответить на поставленный исследовательский вопрос. Действительно существуют различия в связях эмоциональных и когнитивных компонентов этнической, гражданской, глобальной идентичностей и эмиграционной активности у белорусской, казахстанской и российской студенческой молодежи. Обнаруженное отсутствие единства в системе факторов эмиграционной активности у студентов Беларуси, Казахстана и России подтверждает значимость учета гражданского и социокультурного контекстов при организации работы по профилактике эмиграционной активности молодежи и сохранению ценного человеческого капитала внутри стран.

ГЛАВА 9. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ СВОЕЙ СТРАНЫ КАК ФАКТОРЫ ЭМИГРАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ, КАЗАХСТАНА И РОССИИ

Сохранение молодежи на уровне страны предполагает понимание того, что именно «выталкивает» ее из страны и/или «притягивает» за рубежом [Dako-Gyeke, 2016]. Значимым фактором формирования эмиграционных намерений молодежи могут выступать образы настоящего и будущего страны проживания, в которых сочетаются как реальные характеристики социальной, политической, экономической жизни в стране, так и система отношений, проекций, ожиданий ее молодых граждан как субъектов восприятия [Будко, Лукьянова, 2019]. Система отношений личности к стране, выраженная в субъективных образах прошлого, настоящего и будущего, играет важную роль в формировании приверженности стране и сдерживании эмиграционной активности [Фролова, 2020]. Степень принятия настоящего своей страны и ожиданий от будущего могут влиять на выбор типа эмиграции: временной эмиграции или переезда навсегда [Tartakovsky et al., 2017a]. Представления молодежи о стране проживания могут отличаться субъективизмом, категоричностью, противоречивостью и базироваться на стереотипах [Шестопал, Смутькина, 2019], однако важным является то, что в субъективных образах настоящего и будущего страны отражаются наиболее значимые интересы, цели и ожидания молодежи, а также представления о возможности их реализации в стране проживания [Комаровский, 2020]. Молодежь имеет свои представления о векторе развития государства и соотносит их с существующей реальностью [Гриценко и др., 2020a]. От этих оценок и прогнозов, наличия или отсутствия ощущения сопричастности происходящему в стране может зависеть желание или нежелание развиваться и строить свою жизнь в ней. Отсутствие веры в успех своей страны, восприятие ее как чужой может стимулировать молодежь к выбору альтернативных стран для проживания. Особую значимость здесь имеют представления молодежи

о будущем страны, так как они координируют формирование жизненной стратегии личности. Молодые люди соотносят перспективы развития государства с собственными жизненными планами, оценивают возможности самореализации в своей стране. Позитивные ожидания от будущего и оптимистичное его восприятие дают мощный потенциал для развития и способны снижать эмиграционные интенции [Акименко, 2014]. Таким образом, существующие исследования свидетельствуют о том, что представления о стране проживания могут выступать значимыми факторами выраженности и особенностей эмиграционной активности молодежи. Однако эффективность государственной политики в сфере сохранения молодежи как ценного человеческого капитала на уровне страны, с одной стороны, требует определения и учета конкретных компонентов (и/или их совокупности) образов настоящего и будущего страны проживания, наиболее значимых с точки зрения формирования эмиграционной активности молодежи, а с другой стороны — регулярного мониторинга представлений молодежи о стране проживания с учетом текущего социокультурного контекста, в котором эти представления формируются. Эффективному решению данных задач может способствовать проведение кросс-культурного анализа представлений молодых людей о настоящем и будущем государств, в которых они проживают, во взаимосвязи с их эмиграционными интенциями. Именно социокультурный подход будет способствовать лучшему пониманию рисков и факторов эмиграционной мобильности современной российской молодежи, поможет определить, какие стороны и особенности жизни в стране на данный момент вступают в противоречие с желаниями и потребностям молодых людей, стимулируя их к переезду за границу.

Целью исследования стал кросс-культурный анализ связей представлений о настоящем и будущем страны проживания с эмиграционной активностью студенческой молодежи Беларуси ($n = 208$), Казахстана ($n = 200$) и России ($n = 250$)¹.

Мы поставили два исследовательских вопроса:

1. Какие представления о настоящем и будущем страны проживания связаны с эмиграционными намерениями и поведени-

¹ Подробное описание выборки и процедуры сбора данных представлено в главе 3.

ем по реализации этих намерений у современной студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России?

2. Существуют ли различия в данных связях у студенческой молодежи трех стран и в чем они проявляются?

Измерение *эмиграционных намерений и поведения по их реализации* осуществлялось с помощью одноименных шкал разработанного авторского опросника «Планируемое эмиграционное поведение»².

Оценка *представлений молодежи о настоящем и будущем своей страны* (Беларуси/Казахстана/России) проводилась с помощью методики «Временные аттитюды» Ж. Нюттена (в модификации Т.А. Нестика) [Нестик, 2015]. Предъявлялись два идентичных списка из 24 прилагательных для оценки настоящего и будущего страны. Респонденты присваивали каждой характеристике балл от 1 до 7 в зависимости от того, насколько точно, по их мнению, каждое прилагательное описывает настоящее и будущее их страны³.

Контрольными переменными выступили пол, возраст, гражданство, материальное положение, иностранные языки, которыми владеют респонденты, частота их выездов за границу, а также количество знакомых, друзей и родственников за границей, к которым они могут в случае необходимости обратиться за помощью (воспринимаемая поддержка). В качестве контрольных переменных, связанных с пандемией как значимым контекстом сбора данных, оценивались выраженность страха перед COVID-19 и объективная дистанция с данным заболеванием. Страх перед коронавирусной инфекцией измерялся с помощью Шкалы страха COVID-19 (FCV-19S) [Ahorsu et al., 2020; Reznik et al., 2021]⁴.

Для измерения объективной дистанции с COVID-19 был использован вопрос «Болели ли (или болеете/болеют сейчас) Вы, Ваши родные, знакомые коронавирусом?» с четырьмя вариантами ответа (дистанция с COVID-19 кодировалась в соответствии с ближайшей отмеченной дистанцией с заболеванием).

Для *обработки данных* использовалась программа IBM SPSS Statistics 23. Были проанализированы описательные статистики,

² Подробное описание опросника представлено в главе 4.

³ См. п. 12 и п. 13 в анкете в приложении 2.

⁴ Подробное описание Шкалы страха COVID-19 (FCV-19S) представлено в главе 4, см. также п. 21 в анкете в приложении 2.

проведены анализ различий (однофакторный дисперсионный анализ [ANOVA] с использованием апостериорных критериев парных сравнений [Post Hoc]) и множественный регрессионный анализ. В качестве зависимых переменных выступили эмиграционное намерение и поведение по реализации эмиграционного намерения. Независимыми переменными выступили характеристики, отражающие представления молодежи о настоящем и будущем стран проживания, а также контрольные переменные.

У студентов трех групп не было обнаружено статистически значимых различий в оценке настоящего своих стран по двум характеристикам: «*скудное*» и «*незначительное*» (табл. 9.1).

Таблица 9.1. Средние значения, стандартные отклонения и различия в представлениях о настоящем стран проживания у студентов Беларуси, Казахстана и России

Характеристики оценки настоящего страны проживания	Представления о настоящем		
	Беларуси	Казахстана	России
	М (SD)	М (SD)	М (SD)
Негативные оценки (min = 1, max = 7)			
Безнадежное	3,97 (1,64) κ*, p**	3,65 (1,65) б*, p***	4,48 (1,58) б**, κ***
Бессмысленное	3,85 (1,62) p**	3,62 (1,66) p***	4,25 (1,55) б**, κ***
Застойное	4,12 (1,97) κ**, p**	3,54 (1,89) б**, p***	4,73 (1,87) б**, κ***
Незначительное	3,41 (1,67)	3,13 (1,62)	3,12 (1,56)
Неприятное	4,23 (1,68) κ***, p**	3,60 (1,65) б***, p***	4,64 (1,55) б**, κ***
Скудное	3,53 (1,57)	3,56 (1,71)	3,70 (1,64)
Трудное	4,32 (1,90) p***	4,41 (1,76) p***	5,24 (1,48) б***, κ***
Хаотичное	4,21 (1,80) p**	3,97 (1,73) p***	4,74 (1,65) б**, κ***

Продолжение табл. 9.1

Характеристики оценки настоящего страны проживания	Представления о настоящем		
	Беларуси	Казахстана	России
	М (SD)	М (SD)	М (SD)
Позитивные и нейтральные оценки (min = 1, max = 7)			
Активное	4,40 (1,71)	4,63 (1,67) p**	4,14 (1,75) k**
Безопасное	3,79 (1,80) k**, p***	4,38 (1,73) б**, p***	3,21 (1,65) б***, k***
Близкое	4,22 (1,64) p*	4,42 (1,80) p**	3,86 (1,75) б*, k**
Длительное	4,44 (1,59) k**, p***	4,90 (1,57) б**	5,00 (1,55) б***
Мое	4,20 (1,68) k**	4,71 (1,68) б**, p***	3,96 (1,73) k***
Насыщенное событиями	4,60 (1,76) k*, p***	4,94 (1,66) б*	5,15 (1,58) б***
Новаторское	3,99 (1,77) p***	3,88 (1,75) p***	3,08 (1,67) б***, k***
Определенное	3,88 (1,86) k*, p***	4,29 (1,79) б*, p***	3,22 (1,70) б***, k***
Прекрасное	4,00 (1,56) k***, p*	4,66 (1,51) б***, p***	3,69 (1,43) б*, k***
Светлое	3,81 (1,66) k***	4,64 (1,65) б***, p***	3,51 (1,62) k***
Свободное	3,69 (1,98) k***, p***	4,39 (1,95) б***, p***	3,01 (1,80) б***, k***
Связанное с будущим страны	4,36 (1,96) k**	4,97 (1,65) б**	4,65 (1,85)
Связанное с прошлым страны	4,56 (1,80) p***	4,67 (1,88) p***	5,30 (1,66) б***, k***
Сплоченное	3,46 (1,82) k***, p**	4,55 (1,74) б***, p***	2,94 (1,64) б**, k***

Окончание табл. 9.1

Характеристики оценки настоящего страны проживания	Представления о настоящем		
	Беларуси	Казахстана	России
	М (SD)	М (SD)	М (SD)
Стабильное	3,83 (1,98) к**, р*	4,45 (1,83) б**, р***	3,37 (1,87) б*, к***
Успешное	4,01 (1,69) к**, р***	4,48 (1,56) б**, р***	3,48 (1,48) б***, к***

Примечания. В таблице характеристики сгруппированы в две категории: имеющие негативную коннотацию (1) и позитивную и нейтральную коннотацию (2); в анкете (при предъявлении респондентам) характеристики, имеющие разную коннотацию, чередовались между собой; б — статистически значимые различия с белорусами, к — статистически значимые различия с казахстанцами, р — статистически значимые различия с россиянами; жирным шрифтом выделены наибольшие средние значения, курсивом — наименьшие по каждой оцениваемой характеристике среди студентов трех стран; * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$.

При этом, согласно полученным результатам, студенты из Беларуси, Казахстана и России скорее не склонны оценивать настоящее своих стран как *незначительное* (показатели по данному параметру ниже 3,41 балла в трех выборках), но тяготеют к оценке настоящего своих стран как *скудного* (показатели выше 3,53 балла). Не обнаружено статистически значимых различий в оценках настоящего своих стран по параметру «активное» у белорусских студентов в сравнении с казахстанцами и россиянами; по параметру «связанное с будущим страны» у российских студентов в сравнении с казахстанцами и белорусами; по параметрам «длительное» и «насыщенное событиями» у российских и казахстанских студентов; по параметрам «мое» и «светлое» у белорусов и россиян; по параметрам «бессмысленное», «близкое» и «новаторское» у белорусов и казахстанцев. В целом студенты из Беларуси и Казахстана продемонстрировали меньше различий в оценке настоящего стран проживания (статистически значимые различия обнаружены по 15 параметрам), нежели студенты из

Беларуси и России (различия по 18 параметрам) и из Казахстана и России (различия по 19 параметрам).

Российские студенты рассматривают настоящее своей страны (России) как более *безнадежное, бессмысленное, застойное, неприятное, трудное и хаотичное* и в большей степени *связанное с прошлым страны* в сравнении с белорусскими и казахстанскими студентами, у которых данные характеристики при оценке настоящего своих стран (Беларуси и Казахстана) выражены в меньшей степени. Наряду с этим российская молодежь оценивает настоящее России как менее *безопасное, близкое, новаторское, определенное, прекрасное, свободное, сплоченное, стабильное и успешное*, нежели студенты Беларуси и Казахстана при оценке настоящего своих стран. Настоящее России ее молодыми гражданами воспринимается также как более *длительное и насыщенное событиями*, чем настоящее Беларуси белорусской молодежью, но при этом менее *активное и светлое*, чем настоящее Казахстана по оценкам казахстанских студентов. Сравнительный анализ образов настоящего Беларуси и Казахстана позволяет сделать вывод о том, что белорусские студенты воспринимают настоящее своей страны как более *безнадежное, неприятное и застойное*, а также менее *безопасное, длительное, насыщенное событиями, определенное, прекрасное, светлое, свободное, сплоченное, стабильное, успешное* и в меньшей степени *связанное с будущим страны*, нежели казахстанцы при оценке настоящего Казахстана. Отдельное внимание стоит уделить такому параметру оценки настоящего страны проживания, как «*мое*», отражающему степень сопричастности молодежи событиям в стране. Согласно полученным результатам, в большей степени данный параметр выражен у казахстанских студентов, нежели у белорусов и россиян. Стоит также обратить внимание на следующее: только при оценке настоящего России по отдельным параметрам («*длительное*», «*насыщенное событиями*», «*трудное*», «*связанное с прошлым страны*») наблюдаются средние значения выше пяти баллов, что может свидетельствовать о выраженном консенсусе соответствующих представлений у российской студенческой молодежи.

В оценке будущего своих стран студенты из Беларуси и России продемонстрировали меньше различий (статистически значимые различия обнаружены по семи параметрам) нежели сту-

денты из России и Казахстана (различия по 18 параметрам) и из Беларуси и Казахстана (различия по 21 параметру) (табл. 9.2).

Молодые россияне представляют будущее своей страны как более *трудное* в отличие от белорусских и казахстанских студентов, у которых выраженность данной характеристики при оценке будущего своих стран ниже. Это единственный параметр, отличающий субъективный студенческий образ будущего России одновременно и от образа будущего Беларуси, и от образа будущего Казахстана, представляемых молодыми гражданами этих стран. Вместе с тем российские студенты конструируют будущее России как более *длительное, насыщенное событиями, новаторское*, в большей степени *связанное с настоящим и прошлым страны* и менее *незначительное* в сравнении с представлениями белорусских студентов о будущем Беларуси. В то же время в сравнении с представлениями казахстанской молодежи о будущем Казахстана молодые россияне воспринимают будущее России как более *безнадежное, бессмысленное, застойное, неприятное, скучное, хаотичное* и менее *активное, безопасное, близкое, определенное, прекрасное, светлое, свободное, сплоченное, стабильное, успешное*. Маркер сопричастности будущему страны (характеристика «мое») в большей степени выражен у казахстанских студентов при оценке будущего Казахстана, нежели у российских студентов при оценке будущего России.

Таблица 9.2. Средние значения, стандартные отклонения и различия в представлениях о будущем стран проживания у студентов Беларуси, Казахстана и России

Характеристики оценки будущего страны проживания	Представления о будущем		
	Беларуси	Казахстана	России
	М (SD)	М (SD)	М (SD)
Негативные оценки (min = 1, max = 7)			
Безнадежное	3,62 (1,57) к***	3,02 (1,67) б***, р***	3,80 (1,82) к***
Бессмысленное	3,51 (1,63) к**	2,97 (1,69) б**, р***	3,73 (1,78) к***

Продолжение табл. 9.2

Характеристики оценки будущего страны проживания	Представления о будущем		
	Беларуси	Казахстана	России
	М (SD)	М (SD)	М (SD)
Застойное	3,63 (1,82) к***	2,90 (1,83) б***, р***	3,51 (1,97) к***
Незначительное	3,44 (1,59) к**, р**	2,97 (1,68) б**	2,98 (1,69) б**
Неприятное	3,57 (1,53) к**	3,10 (1,78) б**, р***	3,84 (1,78) к***
Скучное	3,42 (1,58) к**	2,96 (1,68) б**, р**	3,41 (1,77) к**
Трудное	4,06 (1,67) к***, р**	3,40 (1,83) б***, р***	4,54 (1,76) б**, к***
Хаотичное	3,84 (1,67)	3,52 (1,88) р*	3,90 (1,80) к*
Позитивные и нейтральные оценки (min = 1, max = 7)			
Активное	4,45 (1,58) к***	5,30 (1,54) б***, р***	4,71 (1,77) к***
Безопасное	4,31 (1,56) к***	4,94 (1,76) б***, р***	4,06 (1,83) к***
Близкое	4,14 (1,73) к**	4,73 (1,93) б**, р**	4,17 (1,93) к**
Длительное	4,47 (1,62) к***, р**	5,14 (1,67) б***	5,00 (1,70) б**
Мое	4,54 (1,70) к*	4,94 (1,75) б*, р***	4,34 (1,81) к***
Насыщенное событиями	4,58 (1,65) к***, р***	5,42 (1,49) б***	5,25 (1,59) б***
Новаторское	4,12 (1,73) р*	4,46 (1,83)	4,18 (1,93) б*
Определенное	4,23 (1,69) к***	5,00 (1,81) б***, р***	4,09 (1,93) к***
Прекрасное	4,38 (1,49) к***	5,05 (1,67) б***, р***	4,27 (1,67) к***

Окончание табл. 9.2

Характеристики оценки будущего страны проживания	Представления о будущем		
	Беларуси	Казахстана	России
	М (SD)	М (SD)	М (SD)
Светлое	4,33 (1,54) к***	5,13 (1,72) б*** , р***	4,26 (1,78) к***
Свободное	4,39 (1,80) к***	5,10 (1,79) б*** , р***	4,30 (1,99) к***
Связанное с настоящим страны	4,38 (1,93) к*** , р***	5,10 (1,66) б***	4,97 (1,84) б***
Связанное с прошлым страны	4,36 (1,84) р*	4,49 (1,92)	4,75 (1,95) б*
Сплоченное	4,24 (1,85) к***	5,11 (1,68) б*** , р***	4,11 (1,93) к***
Стабильное	4,45 (1,69) к***	5,10 (1,81) б*** , р***	4,22 (1,90) к***
Успешное	4,38 (1,52) к***	5,17 (1,60) б*** , р***	4,26 (1,74) к***

Примечания. В таблице характеристики сгруппированы в две категории: имеющие негативную коннотацию (1) и позитивную и нейтральную коннотацию (2); в анкете (при предъявлении респондентам) характеристики, имеющие разную коннотацию, чередовались между собой; б — статистически значимые различия с беларусами, к — статистически значимые различия с казахстанцами, р — статистически значимые различия с россиянами; жирным шрифтом выделены наибольшие средние значения, курсивом — наименьшие по каждой оцениваемой характеристике среди студентов трех стран; * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$.

Сравнительный анализ образов будущего Беларуси и Казахстана свидетельствует о том, что беларусские студенты воспринимают будущее своей страны как более *безнадежное, бессмысленное, застойное, незначительное, неприятное, скучное, трудное*, а также менее *активное, безопасное, близкое, длительное, насыщенное событиями, определенное, прекрасное, светлое, свободное*,

сплоченное, стабильное, успешное и в меньшей степени *связанное с настоящим страны*. Маркер сопричастности будущему страны (характеристика «*мое*») в большей степени выражен у казахстанских студентов, оценивающих будущее Казахстана, нежели у белорусских студентов, оценивающих будущее Беларуси. При этом стоит отметить, что конструируемый казахстанскими студентами образ будущего своей страны включает (в сравнении со средними значениями в других группах респондентов) наименьшие показатели по всем негативным характеристикам и наибольшие — по всем позитивным и нейтральным характеристикам, за исключением одной («*связанное с прошлым страны*»), среднее значение по которой больше в российской выборке, но не имеет статистически значимых различий с соответствующим показателем у казахстанцев.

Сравнительный анализ средних значений характеристик воспринимаемого настоящего и конструируемого будущего стран проживания у студентов — граждан Беларуси, Казахстана и России свидетельствует о том, что образ будущего страны в каждой выборке более позитивен, нежели образ настоящего (табл. 9.1, 9.2). В трех выборках все негативные характеристики, включенные в образ будущего страны, имеют наименьшие средние значения, а практически все позитивные и нейтральные характеристики — наибольшие средние значения в сравнении с аналогичными показателями оценок по характеристикам, включенным в образ настоящего. Исключением здесь являются параметры оценки «*близкое*» и «*насыщенное событиями*» в белорусской выборке и параметр «*связанное с прошлым страны*» в трех выборках: белорусские, казахстанские и российские студенты в меньшей степени склонны конструировать будущее своих стран как *связанное с прошлым*. В представлениях у студентов трех групп связь настоящего стран проживания с прошлым этих стран более выражена (согласно средним значениям), чем с будущим.

Связи эмиграционной активности студентов с их представлениями о настоящем и будущем стран проживания представлены в таблицах 9.3 и 9.4.

Среди российских студентов эмиграционные намерения выражены в большей степени у тех, кто владеет бóльшим количеством иностранных языков, у кого больше знакомых за границей

Таблица 9.3. Стандартизированные регрессионные коэффициенты связи эмиграционных намерений и поведения по их реализации с представлениями о настоящем стран проживания и контрольными переменными у студентов Беларуси, Казахстана и России

Предикторы	Зависимые переменные		
	Эмиграционное намерение / поведение по его реализации		
	Студенты-белорусы, $n = 208$ ($R^2 = 0,10/0,05$)	Студенты-казахстанцы, $n = 200$ ($R^2 = 0,32/0,19$)	Студенты-россияне, $n = 250$ ($R^2 = 0,14/0,14$)
Характеристики оценки настоящего страны проживания			
Активное		-/0,24*	
Близкое		-0,15*/-	
Длительное			-0,22**/-
Мое	0,20*/-		
Незначительное			-0,18*/-
Прекрасное		0,27*/-	
Светлое		-0,33*/-0,40**	
Свободное			-0,21*/-
Связанное с прошлым страны	-/0,18*		
Скучное			0,20*/0,19*
Сплоченное	-0,25*/-		
Хаотичное		-0,17*/-0,28**	
Контрольные переменные			
Возраст		-0,18**/-0,19*	
Владение иностранными языками (количество)	0,15*/0,17*		0,16*/-

Окончание табл. 9.3

Предикторы	Зависимые переменные		
	Эмиграционное намерение / поведение по его реализации		
	Студенты-белорусы, $n = 208$ ($R^2 = 0,10/0,05$)	Студенты-казахстанцы, $n = 200$ ($R^2 = 0,32/0,19$)	Студенты-россияне, $n = 250$ ($R^2 = 0,14/0,14$)
Число знакомых, друзей, родственников за границей, к которым можно обратиться за помощью			0,17*/0,23**

Примечания. Представлены результаты множественного регрессионного анализа; в таблицу включены только те предикторы, с которыми обнаружены статистически значимые регрессионные связи эмиграционного намерения и/или поведения у студентов; в скобках после описания групп респондентов через слэш представлены скорректированные значения R^2 (коэффициентов детерминации) для моделей с эмиграционным намерением и поведением по его реализации в качестве зависимых переменных; * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$.

и кто рассматривает настоящее России как менее *длительное*, менее *свободное*, скорее *значительное*, чем *незначительное*, но в то же время более *скучное*. В отношении оценки будущего России связи с намерениями переехать жить за границу у российских студентов следующие: настроенная на эмиграцию молодежь демонстрирует наименьшие показатели оценок будущего страны по параметрам «*незначительное*» и «*насыщенные событиями*» и имеет больше знакомых за границей. Поведение по реализации эмиграционных намерений выражено в большей степени у тех российских студентов, которые рассматривают настоящее своей страны как более *скучное* и обладают большим числом знакомств за рубежом. Количество связей за границей также является значимым предиктором в модели связи выраженного эмиграционного поведе-

ния российской молодежи и оценки будущего страны как менее новаторского, не насыщенного событиями, но в то же время скорее значительного, нежели незначительного.

Таблица 9.4. Стандартизированные регрессионные коэффициенты связи эмиграционных намерений и поведения по их реализации с представлениями о будущем стран проживания и контрольными переменными у студентов Беларуси, Казахстана и России

Предикторы	Зависимые переменные		
	Эмиграционное намерение / поведение по его реализации		
	Студенты-белорусы, <i>n</i> = 208 (<i>R</i> ² = 0,11/0,04)	Студенты-казахстанцы, <i>n</i> = 200 (<i>R</i> ² = 0,40/0,14)	Студенты-россияне, <i>n</i> = 250 (<i>R</i> ² = 0,12/0,21)
Характеристики оценки будущего страны проживания			
Мое		-0,43***/-0,26*	
Насыщенное событиями			-0,20*/-0,21*
Незначительное			-0,23*/-0,20*
Новаторское			-/-0,20*
Связанное с настоящим страны	0,23*/0,25**	-0,17*/-	
Сплоченное	-0,35*/-		
Контрольные переменные			
Возраст		-0,24***/-0,20*	
Владение иностранными языками (количество)		0,18**/0,16*	

Окончание табл. 9.4

Предикторы	Зависимые переменные		
	Эмиграционное намерение / поведение по его реализации		
	Студенты-белорусы, <i>n</i> = 208 (<i>R</i> ² = 0,11/0,04)	Студенты-казахстанцы, <i>n</i> = 200 (<i>R</i> ² = 0,40/0,14)	Студенты-россияне, <i>n</i> = 250 (<i>R</i> ² = 0,12/0,21)
Число знакомых, друзей, родственников за границей, к которым можно обратиться за помощью			0,18*/0,24***

Примечания. Представлены результаты множественного регрессионного анализа; в таблицу включены только те предикторы, с которыми обнаружены статистически значимые регрессионные связи эмиграционного намерения и/или поведения у студентов; в скобках после описания групп респондентов через слэш представлены скорректированные значения *R*² (коэффициентов детерминации) для моделей с эмиграционным намерением и поведением по его реализации в качестве зависимых переменных; * — *p* < 0,05, ** — *p* < 0,01, *** — *p* < 0,001.

Белорусские студенты с выраженными эмиграционными намерениями владеют большим количеством иностранных языков, а также склонны воспринимать настоящее Беларуси как *несплоченное*, но *свое*. Будущее Беларуси видится белорусским студентам с эмиграционными намерениями как *несплоченное* и *связанное с настоящим страны*. Поведение по реализации эмиграционных намерений характерно для белорусских студентов, знающих иностранные языки и характеризующих настоящее Беларуси как *связанное с ее прошлым*. Будущее Беларуси студенты — граждане страны с выраженным эмиграционным поведением воспринимают как *связанное с ее настоящим*.

Среди казахстанских студентов намерения эмигрировать выражены у более молодых респондентов, которые оценивают настоящее Казахстана как более *прекрасное*, но *менее близкое*, *менее хаотичное* и *менее светлое*. Стремятся переехать за границу также казахстанские студенты, оценивающие будущее страны как *не свое* и *не связанное с ее настоящим*. При этом данные студенты моложе и владеют бóльшим количеством иностранных языков. Поведение по реализации эмиграционных намерений характерно для более молодых студентов, оценивающих настоящее Казахстана как *более активное*, но *менее светлое* и *менее хаотичное*. Эмиграционное поведение также более выражено у более молодых казахстанских студентов, владеющих иностранными языками и демонстрирующих низкую сопричастность будущему Казахстана («*не мое*»).

В ходе исследования обнаружены различия в представлениях о настоящем и будущем стран проживания, а также в характере связей этих представлений с эмиграционной активностью у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России. Наиболее оптимистичный образ настоящего и будущего страны проживания присущ казахстанским студентам. Они же демонстрируют бóльшую сопричастность настоящему и будущему своей страны, чем россияне и белорусы. В то же время, несмотря на бóльшую позитивность представлений о настоящем и будущем страны проживания у них (в сравнении с представлениями о странах проживания у белорусов и россиян), выраженность эмиграционной активности (так же, как и у белорусов) статистически значимо выше, чем у российской молодежи. Объяснением этому может служить следующее: фактором эмиграционной активности выступает не целостный образ настоящего или будущего страны, а его отдельные элементы, наиболее значимые для молодежи. Так, согласно результатам исследования, для российской молодежи наиболее значимым сдерживающим фактором эмиграционной активности на уровне намерений выступает представление о временной протяженности, разнообразии и свободе как характеристиках настоящего России, а также представления о событийной насыщенности как характеристике ее будущего. На поведенческом уровне такими факторами выступают (дополнительно к обозначенным) представления об инно-

вационном будущем России. То есть, вероятно, эмиграционная активность российской молодежи в 2021 году (на момент сбора эмпирических данных) определялась в том числе стремлением к удовлетворению потребностей в интересной, насыщенной, прогрессивной жизни за пределами страны в связи с отсутствием, по представлениям молодежи, возможностей в настоящем и будущем удовлетворить эти потребности в стране проживания.

Рассмотрим предикторы эмиграционной активности студентов Беларуси и Казахстана. Анализ происходящих в Беларуси событий, предшествующих сбору эмпирических данных (социально-политический кризис, протесты населения) [Дырина, 2020] позволяет сделать вывод о том, что, изучая эмиграционную активность молодежи Беларуси в 2021 году, мы, вероятнее всего, зафиксировали намерения не добровольной, а вынужденной (или условно вынужденной) эмиграции молодежи, находящейся в оппозиции к власти. Возможно, именно поэтому был выявлен высокий уровень сопричастности настоящему Беларуси у белорусских студентов с выраженной эмиграционной активностью. Одними из ключевых факторов эмиграционной активности на уровне поведения для молодых белорусов в 2021 году выступили представление о связанности прошлого, настоящего и будущего страны и прогнозирование отсутствия изменений. В связи с этим можно предположить, что факторами, сдерживающими эмиграционную активность белорусской студенческой молодежи, могли бы быть ее представления о вероятности изменений в социально-политической сфере в стране в будущем.

Специфические взаимосвязи между эмиграционной активностью студенческой молодежи и ее представлениями о стране проживания обнаружены на казахстанской выборке. Молодым гражданам Казахстана, намеревающимся уехать за границу, настоящее страны в 2021 году представлялось как *прекрасное*, но *несветлое* (или темное, если мыслить в категориях антонимов), а будущее конструировалось как *чужое* («не мое») и *связанное с настоящим страны*. Научный анализ причин массовых протестов, произошедших в Казахстане в 2022 году [Митин, Стефанкин, 2022; Притчин, 2022], позволяет сделать вывод о том, что выявленные в 2021 году представления молодежи Казахстана, желающей переехать за границу, о настоящем страны как о *прекрасном*,

но *несветлом* могли являться отражением объективно-существующих, но завалированных на тот момент противоречий и кризисов в социально-политической и социально-экономической сферах [Илеуова, Симакова, 2023; Абдирайымова и др., 2023].

Опираясь на полученные результаты, можно предположить, что одним из важных сдерживающих эмиграционную активность казахстанских студентов факторов является ощущение сопричастности будущему Казахстана в сочетании с представлениями о возможности преодоления ключевых противоречий настоящего страны в ее будущем. В данном случае прослеживается некоторое сходство у белорусской и казахстанской студенческой молодежи, ориентированной на переезд за границу, в представлениях о преемственности и идентичности настоящего и будущего Беларуси и Казахстана соответственно.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что эффективная реализация молодежной политики в сфере сохранения ценного человеческого капитала на уровне стран требует учета взаимосвязей эмиграционной активности с представлениями молодежи о стране проживания, формирующихся в конкретном социокультурном контексте. В современных нестабильных условиях с множеством глобальных рисков и изменений молодежь как важнейшая часть социального капитала любой страны нуждается во внимании и сопровождении со стороны ученых, а также в скоординированных действиях представителей всех уровней управления и реализации молодежной политики стран. Неудовлетворенность настоящим у молодежи, а также низкая степень привлекательности образа будущего страны и/или слабое ощущение сопричастности этому будущему могут трансформироваться в намерение переехать. В связи с этим своевременное изучение, учет и корректировка средствами государственной молодежной политики факторов эмиграционной активности молодежи, отраженных в ее представлениях о настоящем и будущем страны, играют важную роль в профилактике ее эмиграционной активности.

ГЛАВА 10. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛИЧНОМ НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ КАК ФАКТОРЫ ЭМИГРАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ БЕЛОРУССКИХ, КАЗАХСТАНСКИХ И РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Существует большое количество исследований, посвященных тому, как люди воспринимают и представляют свое прошлое, настоящее и будущее. Ученые изучают восприятие временной перспективы [Бочарова, 2014; Емельянова и др., 2018; Chisholm, 2014], осознание динамики собственного положения в обществе [Diekman, Eagly, 2000], восприятие собственной субъектности на протяжении жизненного пути [Mendick et al., 2015], содержание переживаний и страхов о перспективах [Heggli et al., 2013; Муздыбаев, 1999], планирование жизненного пути [McDonald et al., 2011]. Контекст образов прошлого, настоящего и будущего присутствует и в исследованиях, обращенных к социально-психологическим особенностям поколений и коллективной памяти [Arnett, 2000b; Wagoner, 2015]. Однако наблюдается недостаток исследований, позволяющих определить, какую роль представления о личном настоящем и будущем играют в формировании эмиграционной активности человека. При этом понимание особенностей отношения молодежи к своему прошлому и будущему является важным аспектом прогнозирования путей развития общества в целом. Преувеличенно восторженная оценка прошлого и пессимизм относительно будущих перспектив может стать катализатором негативных социальных процессов [Нестик, 2013]. Те события, которые сопровождают взросление и юность, влияют на дальнейшее развитие поколения. Поэтому крайне важно отслеживать, каким образом происходящее проецируется в сознании молодежи, какие у нее формируются ожидания от будущего, насколько субъективно значимы те или иные процессы.

Осознание личностью собственного жизненного пути является субъективным, непоследовательным процессом, далеким от канонов логики. Проявляться это может в избирательном восприятии тех или иных событий, субъективном ранжирова-

нии их значимости, пристрастном восприятии отдельных событий настоящего, не основанном на объективных предпосылках, предвосхищении будущего [Марцинковская, 2016]. Чем более адекватно субъект воспринимает свое настоящее, делает выводы из прошлого и обоснованно прогнозирует будущее, тем в большей степени успешен его жизненный путь, тем выше уровень субъективного благополучия [Fleeson, Heckhausen, 1997]. Среди востребованных в современных условиях установок и навыков, способствующих жизнестойкости и благополучию, можно особо отметить открытость инновациям, управление временем, уверенность в возможности быть субъектом своей социальной жизни, ориентация на развитие себя как профессионала [Осин, 2013]. Особый интерес представляет отношение молодежи к собственному прошлому, настоящему и будущему именно на этапе профессионального самоопределения, получения профессии, выстраивания жизненной перспективы. Планирование будущего основывается на образе настоящего, отношении к происходящим событиям. Образы прошлого, настоящего и будущего воспринимаются молодыми людьми в контексте необходимости самореализации, планирования жизненного пути [Bryant, Ellard, 2015]. Одной из стратегий планируемого будущего может стать планирование эмиграции или, наоборот, решение не уезжать из страны [Griffiths et al., 2013].

В контексте эмиграции восприятие соотношения категорий прошлого, настоящего и будущего может давать информацию о мотивах переезда, об уровне удовлетворенности жизнью в целом, о восприятии жизненного пути как перспективного или, наоборот, ведущего в никуда [Vossagni, 2017]. Образы личного настоящего могут соотноситься с образами настоящего страны, а могут быть мало связаны: не всегда личность склонна идентифицировать свое будущее в контексте будущего страны, и не все события прошлого страны значимы для прошлого конкретной личности [Фролова, 2019]. При этом временная перспектива, отношение к собственному прошлому, настоящему, будущему является существенной характеристикой, определяющей культурно-специфическое поведение [Jones, 1988]. Согласно позиции Ф. Тромпенаарса [Тромпенаарс, Куберг, 2019], можно выделить два принципиальных подхода ко времени — синхронный и по-

следовательный. Синхронный подход предполагает понимание времени как повторения определенных циклов: события прошлого рано или поздно повторяются, и всегда можно закончить начатое. Последовательный подход предполагает восприятие времени как безвозвратно текущего от прошлого к будущему, а каждого момента — как уникального и неповторимого. Различные подходы к восприятию времени накладывают отпечаток и на процесс формирования жизненной стратегии личности, и на конструирование образа собственного будущего, и на восприятие прошлого и настоящего.

В рамках данного исследования мы обратились к кросс-культурному анализу связей представлений о личном настоящем и будущем с эмиграционной активностью студенческой молодежи Беларуси ($n = 208$), Казахстана ($n = 200$) и России ($n = 250$)¹.

Мы поставили два исследовательских вопроса:

1. Какие представления о личном настоящем и будущем связаны с эмиграционными намерениями и поведением по реализации этих намерений у современной студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России?

2. Существуют ли различия в данных связях у студенческой молодежи трех стран, и в чем они проявляются?

В данной работе мы использовали те же исследовательские инструменты, контрольные переменные и методы обработки данных, что и при изучении взаимосвязей эмиграционных намерений с представлениями молодых людей о настоящем и будущем стран их текущего проживания (см. главу 9). Отличие состояло лишь в том, что с помощью двух идентичных списков из 24 прилагательных респонденты оценивали не настоящее и будущее своих стран, а свое личное настоящее и будущее, присваивая каждой характеристике балл от 1 до 7. Таким образом, в качестве зависимых переменных выступили эмиграционное намерение и поведение по реализации эмиграционного намерения, а независимыми переменными выступили характеристики, отражающие содержание образов личного настоящего и будущего, а также контрольные переменные.

¹ Подробное описание выборки и процедуры сбора данных представлено в главе 3.

Рассмотрим содержание и обнаруженные различия в представлениях о личном настоящем у студентов Беларуси, Казахстана и России (табл. 10.1).

Таблица 10.1. Средние значения, стандартные отклонения и различия в представлениях о личном настоящем у студентов Беларуси, Казахстана и России

Характеристики оценки личного настоящего	Студенты-белорусы, n = 208	Студенты-казахстанцы, n = 200	Студенты-россияне, n = 250
	М (SD)	М (SD)	М (SD)
Негативные оценки (min = 1, max = 7)			
Безнадежное	2,81 (1,59)	2,57 (1,64)	2,58 (1,38)
Бессмысленное	2,71 (1,62)	2,46 (1,48) p**	2,92 (1,53) κ**
Застойное	2,91 (1,79)	2,65 (1,73)	2,74 (1,64)
Незначительное	2,69 (1,67)	2,39 (1,50)	2,66 (1,54)
Неприятное	2,88 (1,77)	2,62 (1,69)	2,67 (1,52)
Скучное	2,74 (1,76)	2,61 (1,65)	2,68 (1,55)
Трудное	4,09 (1,68)	3,74 (1,83) p***	4,45 (1,63) κ***
Хаотичное	3,88 (1,76)	3,48 (1,83) p*	3,96 (1,75) κ*
Позитивные и нейтральные оценки (min = 1, max = 7)			
Активное	4,77 (1,79)	5,12 (1,74)	4,83 (1,69)
Безопасное	4,83 (1,79) κ*	5,39 (1,54) б*	5,16 (1,44)
Близкое	4,85 (1,56)	4,99 (1,74)	4,79 (1,64)
Длительное	5,22 (1,62)	5,12 (1,71)	5,01 (1,58)
Мое	5,77 (1,51)	5,84 (1,51)	5,62 (1,46)
Насыщенное событиями	5,04 (1,81)	5,07 (1,72)	5,05 (1,68)
Новаторское	4,50 (1,62)	4,27 (1,66)	4,61 (1,59)
Определенное	4,43 (1,80) κ***	5,09 (1,64) p***, б***	4,23 (1,87) κ***
Прекрасное	5,15 (1,48) κ*	5,53 (1,41) б*	5,38 (1,16)

Окончание табл. 10.1

Характеристики оценки личного настоящего	Студенты-белорусы, $n = 208$	Студенты-казахстанцы, $n = 200$	Студенты-россияне, $n = 250$
	М (SD)	М (SD)	М (SD)
Светлое	5,14 (1,75) к**	5,66 (1,54) б**	5,36 (1,42)
Свободное	4,72 (1,84)	5,04 (1,74)	4,86 (1,74)
Связанное с моим будущим	5,38 (1,70)	5,68 (1,58)	5,54 (1,56)
Связанное с моим прошлым	4,18 (1,97) к*	3,68 (1,95) р*** , б*	4,36 (1,93) к***
Сплоченное	4,87 (1,64)	5,23 (1,57) р*	4,81 (1,53) к*
Стабильное	4,69 (1,75)	4,99 (1,68) р***	4,34 (1,84) к***
Успешное	4,69 (1,50) к***	5,16 (1,40) р* , б***	4,84 (1,29) к*

Примечания. В таблице для удобства восприятия результаты характеристики сгруппированы в две категории: имеющие негативную коннотацию (1) и позитивную и нейтральную коннотацию (2); в анкете (при предъявлении респондентам) характеристики, имеющие разную коннотацию, чередовались между собой; **р** — статистически значимые различия с россиянами, **б** — статистически значимые различия с белорусами, **к** — статистически значимые различия с казахстанцами; полужирным шрифтом выделены наибольшие средние значения, курсивом — наименьшие по каждой оцениваемой характеристике среди студентов трех стран; * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$; *** — $p \leq 0,001$.

У студентов трех групп не обнаружено статистически значимых различий в оценке личного настоящего по следующим характеристикам: «безнадежное», «застойное», «незначительное», «неприятное», «скучное», «активное», «близкое», «длительное», «мое», «насыщенное событиями», «новаторское», «свободное», «связанное с моим будущим». При этом, согласно полученным результатам, студенты из Беларуси, Казахстана и России не склонны оценивать собственное настоящее в негативном ключе — как *безнадежное, застойное, незначительное, неприятное, скучное* (средние значения по данным параметрам ниже 3,0 балла в трех

выборках), но тяготеют к оценке настоящего как *активного, близкого, длительного, своего, насыщенного событиями, новаторского, свободного, связанного с будущим* (средние значения выше 3,53 балла). У студентов из Беларуси и России статистически значимых различий в оценке личного настоящего не выявлено. Студенты из Беларуси и Казахстана продемонстрировали меньше различий в представлениях о личном настоящем (различия выявлены по шести параметрам), чем студенты из Казахстана и России (различия выявлены по восьми параметрам).

Российские студенты в сравнении с казахстанскими студентами рассматривают свое личное настоящее как более *бессмысленное, трудное, хаотичное, менее определенное, менее сплоченное*, в меньшей степени *стабильное* и менее *успешное*. Также для них в большей степени, чем для казахстанцев, характерны представления о преимуществах личного настоящего и прошлого. Белорусские студенты в сравнении с казахстанцами также оценивают свое настоящее как *менее безопасное, определенное, прекрасное, светлое, успешное* и в большей мере *связанное с прошлым* (средние значения по данным переменным больше 4,0 балла в двух группах, но выраженность оценок статистически значимо выше у казахстанских студентов). Отдельное внимание стоит уделить такому параметру оценки личного настоящего, как «*мое*», отражающему степень осознания себя субъектом собственной жизни и творения настоящего. Статистически значимых различий у студентов трех стран по данному параметру не выявлено: белорусы, казахстанцы и россияне демонстрируют достаточно высокую степень сопричастности и личной идентификации с собственным настоящим (средние значения выше 5,5 балла).

Рассмотрим содержание и обнаруженные различия в представлениях о личном будущем у студентов Беларуси, Казахстана и России (табл. 10.2).

У студентов из Беларуси и России статистически значимые различия в оценках личного будущего обнаружены только по параметру «*успешное*» (у россиян эта характеристика наиболее выражена). Студенты из России и Казахстана продемонстрировали различия в оценках личного будущего по четырем параметрам: россияне в сравнении с казахстанцами представляют собственное будущее как в меньшей мере *безопасное, менее определенное* и менее *стабильное*, но более *новаторское*. У студентов из Беларуси

и Казахстана различия в оценках личного будущего выявлены по шести параметрам: белорусские студенты представляют свое будущее в меньшей мере *безопасным*, менее *определенным*, менее *прекрасным*, менее *светлым*, в меньшей мере *сплоченным* и *успешным*.

Таблица 10.2. Средние значения, стандартные отклонения и различия в представлениях о личном будущем у студентов Беларуси, Казахстана и России

Характеристики оценки личного будущего	Студенты-белорусы, n = 208	Студенты-казахстанцы, n = 200	Студенты-россияне, n = 250
	М (SD)	М (SD)	М (SD)
Негативные оценки (min = 1, max = 7)			
Безнадежное	2,01 (1,34)	1,99 (1,57)	1,83 (1,16)
Бессмысленное	2,00 (1,41)	2,01 (1,47)	1,86 (1,22)
Застойное	1,95 (1,43)	1,87 (1,44)	1,83 (1,27)
Незначительное	2,11 (1,38)	1,96 (1,52)	1,82 (1,22)
Неприятное	2,09 (1,44)	1,99 (1,48)	1,91 (1,19)
Скучное	1,94 (1,30)	1,95 (1,52)	1,75 (1,18)
Трудное	3,30 (1,83)	3,14 (1,97)	3,54 (1,70)
Хаотичное	3,31 (1,85)	2,96 (1,87)	3,05 (1,69)
Позитивные и нейтральные оценки (min = 1, max = 7)			
Активное	5,91 (1,43)	6,12 (1,31)	6,01 (1,21)
Безопасное	5,53 (1,68) κ**	5,99 (1,37) p**, б**	5,59 (1,55) κ**
Близкое	5,13 (1,90)	5,39 (1,80)	5,00 (1,90)
Длительное	5,79 (1,52)	6,07 (1,41)	6,07 (1,28)
Мое	6,36 (1,16)	6,44 (1,19)	6,51 (1,01)
Насыщенное событиями	6,02 (1,32)	6,22 (1,28)	6,18 (1,23)
Новаторское	4,89 (1,79)	4,74 (1,91) p**	5,26 (1,58) κ**
Определенное	5,45 (1,70) κ*	5,90 (1,42) p***, б*	5,29 (1,75) κ***

Окончание табл. 10.2

Характеристики оценки личного будущего	Студенты- белорусы, <i>n</i> = 208	Студенты- казахстанцы, <i>n</i> = 200	Студенты- россияне, <i>n</i> = 250
	М (SD)	М (SD)	М (SD)
Прекрасное	5,84 (1,34) к**	6,21 (1,23) б**	6,09 (1,09)
Светлое	5,74 (1,63) к*	6,14 (1,35) б*	6,03 (1,35)
Свободное	5,79 (1,56)	5,72 (1,59)	5,93 (1,40)
Связанное с мо- им настоящим	5,57 (1,70)	5,74 (1,61)	5,77 (1,38)
Связанное с мо- им прошлым	4,03 (2,12)	3,71 (2,20)	4,03 (2,09)
Сплоченное	5,59 (1,52) к*	5,97 (1,35) б*	5,83 (1,32)
Стабильное	5,51 (1,66)	5,79 (1,47) р*	5,42 (1,60) к*
Успешное	5,74 (1,39) к*, р*	6,12 (1,28) б*	6,06 (1,11) б*

Примечания. В таблице для удобства восприятия результатов характеристики сгруппированы в две категории: имеющие негативную коннотацию (1) и позитивную и нейтральную коннотацию (2); в анкете (при предъявлении респондентам) характеристики, имеющие разную коннотацию, чередовались между собой; р — статистически значимые различия с россиянами, б — статистически значимые различия с белорусами, к — статистически значимые различия с казахстанцами; полужирным шрифтом выделены наибольшие средние значения, курсивом — наименьшие по каждой оцениваемой характеристике среди студентов трех стран; * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$; *** — $p \leq 0,001$.

Два параметра — «более безопасное» и «более определенное» — отличают субъективный образ личного будущего казахстанцев одновременно и от образа личного будущего белорусов, и от образа личного будущего россиян. Статистически значимых различий в выраженности маркера сопричастности личному будущему (характеристика «мое») у студентов трех стран не выявлено. При этом средние значения по данному параметру у белорусов, казахстанцев и россиян выше 6,3 балла при максимально возможном значении в 7,0 балла, что свидетельствует о выраженной субъектности молодежи и вовлеченности в

процесс конструирования личного будущего. При этом стоит отметить, что конструируемый российскими студентами образ собственного будущего включает (в сравнении со средними значениями в других группах респондентов) наименьшие показатели по всем негативным характеристикам, за исключением двух оценок («*трудное*» и «*хаотичное*»).

Сравнительный анализ средних значений характеристик воспринимаемого личного настоящего и конструируемого будущего у студентов — граждан Беларуси, Казахстана и России свидетельствует о том, что образ будущего в каждой выборке более позитивен, нежели образ настоящего (табл. 10.1, 10.2). В трех выборках все негативные характеристики, включенные в образ личного будущего, имеют наименьшие средние значения, и практически все позитивные и нейтральные характеристики — наибольшие средние значения в сравнении с аналогичными показателями оценок по характеристикам, включенным в образ настоящего. То есть представления студенческой молодежи трех стран о личном будущем более оптимистичны, чем представления о личном настоящем. Это может являться следствием социального оптимизма молодежи в целом, а также своеобразной формой психологической защиты, когда в условиях высокой неопределенности и непредсказуемости, конструируя позитивный образ собственного будущего, мы поддерживаем веру в свою способность влиять на собственную жизнь [Нестик, 2021].

Обратимся к анализу связей эмиграционной активности студентов (зависимые переменные) с представлениями о личном настоящем (независимые переменные) (табл. 10.3) и будущем (табл. 10.4).

В белорусской выборке значимыми предикторами эмиграционных намерений (табл. 10.3) студенческой молодежи выступают представления о личном настоящем как о *не насыщенном событиями, бессмысленном, но нескучном*. Дополнительным предиктором в данном случае выступает также опыт международной мобильности. Предикторами же поведения по реализации эмиграционных намерений у белорусских студентов являются представления о личном настоящем как *нескучном*, а также дополнительно большая дистанция с COVID-19. Вероятно, именно утрата смысла в настоящем и низкая субъективная со-

бытийность этого настоящего стимулируют эмиграционную активность современной образованной белорусской молодежи.

Таблица 10.3. Стандартизированные регрессионные коэффициенты связи эмиграционных намерений и поведения по их реализации с представлениями о личном настоящем и контрольными переменными у студентов Беларуси, Казахстана и России

Предикторы	Зависимые переменные		
	Эмиграционное намерение / поведение по его реализации		
	Студенты-белорусы, $n = 208$ ($R^2 = 0,11/0,01$)	Студенты-казахстанцы, $n = 200$ ($R^2 = 0,18/0,10$)	Студенты-россияне, $n = 250$ ($R^2 = 0,01/0,11$)
Характеристики оценки личного настоящего			
Бессмысленное	0,21*/-		
Насыщенное событиями	-0,30**/-		
Светлое		-0,31**/-0,26*	
Связанное с моим прошлым		-0,16*/-	
Скучное	-0,28*/-0,29*		
Стабильное			-/0,24**
Хаотичное		0,24**/0,20*	
Контрольные переменные			
Возраст		-0,23**/-0,19**	
Владение иностранными языками (количество)		0,22**/0,17*	-/0,15*

Предикторы	Зависимые переменные		
	Эмиграционное намерение / поведение по его реализации		
	Студенты-белорусы, <i>n</i> = 208 (<i>R</i> ² = 0,11/0,01)	Студенты-казахстанцы, <i>n</i> = 200 (<i>R</i> ² = 0,18/0,10)	Студенты-россияне, <i>n</i> = 250 (<i>R</i> ² = 0,01/0,11)
Материальное положение			-0,15*/-0,17*
Дистанция с COVID-19	-/0,16*		
Воспринимаемая поддержка			0,19**/0,25***

Примечания. Представлены результаты множественного регрессионного анализа; в таблицу включены только те предикторы, с которыми обнаружены статистически значимые регрессионные связи эмиграционных намерений и/или поведения у студентов; в скобках после описания групп респондентов через слэш представлены скорректированные значения *R*² (коэффициентов детерминации) для моделей с эмиграционными намерениями и поведением по их реализации в качестве зависимых переменных; * — *p* < 0,05, ** — *p* < 0,01, *** — *p* < 0,001.

У казахстанских студентов выявлена положительная связь эмиграционных намерений с представлениями о личном настоящем как о *несветлом, хаотичном, не связанном с прошлым* (табл. 10.3). Для казахстанских студентов с эмиграционными намерениями характерны также владение иностранными языками и низкая материальная обеспеченность. В свою очередь, студенты-казахстанцы с выраженным эмиграционным поведением оценивают свое личное настоящее как *несветлое* и *хаотичное*. Это более молодые респонденты, владеющие иностранными языками. Таким образом, субъективное стремление к упорядоченности настоящего, повышение его прозрачности и, возможно, желание установления временной связи с личным прошлым могут вы-

ступать для современной казахстанской молодежи значимыми факторами формирования эмиграционной активности наряду со стремлением к повышению материального благосостояния.

У студентов из России не выявлено статистически значимых связей между эмиграционными намерениями и представлениями о личном настоящем, обнаружена лишь отрицательная связь с материальным положением и положительная связь с воспринимаемой поддержкой от близких за границей (табл. 10.3). В то же время поведение по реализации эмиграционных намерений в большей степени выражено у тех российских студентов, которые оценивают свое личное настоящее как *стабильное*, владеют иностранными языками, имеют близких за границей, к которым могут обратиться за помощью, но обладают низким материальным достатком. Вероятно, именно стремление к изменениям, переменам и повышению материального благосостояния стимулирует российскую молодежь к переезду за границу.

Большее число статистически значимых связей у студентов-россиян выявлено между показателями эмиграционной активности и представлениями о *личном будущем* (табл. 10.4).

Таблица 10.4. Стандартизированные регрессионные коэффициенты связи эмиграционных намерений и поведения по их реализации с представлениями о личном будущем и контрольными переменными у студентов Беларуси, Казахстана и России

Предикторы	Зависимые переменные		
	Эмиграционное намерение / поведение по его реализации		
	Студенты-белорусы, $n = 208$ ($R^2 = 0,06/0,13$)	Студенты-казахстанцы, $n = 200$ ($R^2 = 0,13/0,05$)	Студенты-россияне, $n = 250$ ($R^2 = 0,09/0,09$)
Характеристики оценки личного будущего			
Светлое		-/-0,28*	
Хаотичное		0,20*/-	
Активное			-0,31***/-

Окончание табл. 10.4

Предикторы	Зависимые переменные		
	Эмиграционное намерение / поведение по его реализации		
	Студенты-белорусы, $n = 208$ ($R^2 = 0,06/0,13$)	Студенты-казахстанцы, $n = 200$ ($R^2 = 0,13/0,05$)	Студенты-россияне, $n = 250$ ($R^2 = 0,09/0,09$)
Насыщенные событиями	-/0,29*		
Незначительное	-/0,26*		
Новаторское			0,16*/0,17*
Связанное с моим прошлым	-0,23**/-0,19*		
Связанное с моим настоящим			-0,17*/-0,17*
Контрольные переменные			
Возраст		-0,19*/-	
Владение иностранными языками (количество)	-/0,16*	0,23**/0,18**	
Материальное положение	-/-0,15*	-0,18*/-	-0,14*/-0,13*
Дистанция с COVID-19	-/0,18*		

Примечания. Представлены результаты множественного регрессионного анализа; в таблицу включены только те предикторы, с которыми обнаружены статистически значимые регрессионные связи эмиграционных намерений и/или поведения у студентов; в скобках после описания групп респондентов через слэш представлены скорректированные значения R^2 (коэффициентов детерминации) для моделей с эмиграционными намерениями и поведением по их реализации в качестве зависимых переменных; * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$.

Предикторами эмиграционных намерений у студентов-россиян выступают представления о личном будущем как *не активном, но новаторском и не связанном с личным настоящим*. Эмиграционное поведение российских студентов также положительно связано с оценками собственного будущего как *новаторского, но не связанного с настоящим*. Низкая материальная обеспеченность вносит вклад в объяснение как эмиграционных намерений россиян, так и их соответствующего поведения. Таким образом, у российских студентов, ориентированных на эмиграционную жизненную стратегию, прослеживается стремление к изменению личного настоящего через повышение инновативности собственного будущего и повышение материальной обеспеченности.

У студентов из Беларуси с выраженными эмиграционными намерениями образ личного будущего *не связан с личным прошлым* (табл. 10.4). А реализуют эмиграционные намерения те студенты-белорусы, которые воспринимают личное будущее как *насыщенное событиями, не связанное с личным прошлым и незначительное*. При этом для них характерны владение иностранными языками, большая дистанция с COVID-19 и низкая материальная обеспеченность. Вероятно, белорусскую студенческую молодежь к переезду за границу стимулирует именно стремление кардинально изменить собственное будущее (в сравнении с личным прошлым) и наполнить его событиями.

Казахстанская студенческая молодежь с эмиграционными намерениями представляет личное будущее как *хаотичное*, отличается владением иностранными языками, более молодым возрастом и более низкой материальной обеспеченностью. В поведении эмиграционные намерения реализуются у студентов-казахстанцев, владеющих иностранными языками и представляющих свое личное будущее как *несветлое*. В связи с тем, что речь в нашем исследовании идет о добровольной планируемой эмиграции, есть основания полагать, что у казахстанских студентов в образе собственного будущего оказались отражены характеристики личного будущего, реализуемого по представлениям казахстанцев в стране проживания («то, что будет, если я останусь»), в то время как в образах будущего белорусских и российских студентов, вероятно, оказались отражены именно

характеристики личного будущего после переезда («то, что будет, если я уеду»).

Итак, согласно результатам исследования, существуют различия в представлениях о личном настоящем и будущем и характере связей этих представлений с эмиграционной активностью у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России. В целом наиболее оптимистичный образ личного настоящего и будущего присущ казахстанским студентам. Для студентов из Беларуси, склонных к эмиграционной активности, характерно скорее негативное отношение к личному настоящему как *бессмысленному, событийно бедному, но нескучному*. Представления о «нескучности» личного настоящего в данном случае, вероятно, можно трактовать как представления о присутствии в настоящем событий, которые привлекают внимание, активизируют, но не удовлетворяют студентов своим содержанием, направленностью, не соответствуют значимым целям. При этом личное будущее конструируется ими как *не связанное с прошлым*, то есть прослеживается стремление изменить происходившее в прошлом, осуществив переезд за границу. У российских студентов с эмиграционной активностью прослеживаются желание дистанцироваться от собственного настоящего и изменить его в будущем в результате переезда путем введения новаторского компонента в его содержание, а также снижения активности. Казахские студенты с выраженными эмиграционными намерениями и поведением склонны обозначать и личное настоящее, и личное будущее как *несветлое*, а настоящее видеть *хаотичным и не связанным с прошлым*. Личное будущее казахстанским студентам с эмиграционной активностью также видится *хаотичным*. И, вероятно, в данном случае, в отличие от белорусских студентов с эмиграционными намерениями, мы, наблюдаем у казахстанцев, планирующих переезд за границу, не желание дистанцироваться от прошлого, а скорее желание его вернуть.

ГЛАВА 11. СИСТЕМА ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПРИВЯЗАННОСТЕЙ КАК ФАКТОР ЭМИГРАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ТРЕХ СТРАН

В данной главе мы рассмотрим элементы социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи, связанные с системой эмоциональных привязанностей студентов трех стран. Целью исследования стал кросс-культурный анализ связей эмиграционных намерений и поведения по их реализации с привязанностью к месту проживания, к стране, к родителям и к друзьям у студенческой молодежи Беларуси ($n = 208$), Казахстана ($n = 200$) и России ($n = 250$)¹. В данном случае мы проверяли предположение об отрицательной связи эмиграционной активности молодежи с вышеперечисленными привязанностями.

Оценка эмиграционных намерений и поведения по их реализации проводилась с помощью разработанного авторского опросника «Планируемое эмиграционное поведение»².

Для оценки выраженности эмоциональных привязанностей субъекта использовались вопросы из опросника Европейского социального исследования — 2016³. Респондентам в соответствии с десятибалльной шкалой было предложено оценить степень своей эмоциональной привязанности к месту (городу, району), в котором они живут (приложение 2, п. 10, № 10а), к стране нынешнего проживания (приложение 2, п. 10, № 10б), к своим родителям (приложение 2, п. 10, № 10в), к своим друзьям (приложение 2, п. 10, № 10г).

Обработка данных осуществлялась с помощью линейного регрессионного анализа. В качестве зависимых переменных выступили компоненты эмиграционной активности (эмиграционное намерение и поведение по реализации эмиграционного намерения). Независимыми переменными выступили привязанность к месту проживания, привязанность к стране прожи-

¹ Подробное описание выборки представлено в главе 3.

² Подробное описание опросника представлено в главе 4.

³ <https://www.europeansocialsurvey.org/data/download.html?r=8>.

вания, привязанность к родителям и привязанность к друзьям.

В табл. 11.1 представлены описательные статистики и различия в выраженности независимых переменных у студентов трех стран⁴.

Таблица 11.1. Различия в выраженности привязанности к месту и стране проживания, к родителям и друзьям у студентов Беларуси, Казахстана и России (ANOVA с использованием апостериорных критериев парных сравнений [Post Hoc])

Переменные (min = 1, max = 10)	Студенты-белорусы, n = 208		Студенты-казахстанцы, n = 200		Студенты-россияне, n = 250	
	М	SD	М	SD	М	SD
Привязанность к месту (городу, району) проживания	6,18	2,58	6,32	2,65	6,17	2,56
Привязанность к стране	6,17	2,72	6,58	2,71	6,06	2,45
Привязанность к родителям	7,96 к**	2,37	8,62 б** , р*	2,06	8,08 к*	2,16
Привязанность к друзьям	7,50	2,09	7,07	2,62	7,24	2,22

Примечания. б — статистически значимые различия с белорусами; к — статистически значимые различия с казахстанцами; р — статистически значимые различия с россиянами; * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$; полужирным шрифтом выделены средние значения переменных, по которым выявлены межстрановые статистически значимые различия.

Согласно полученным результатам, во всех трех группах респондентов средние значения выраженности привязанностей к близким людям выше, чем средние значения выраженности привязанностей к стране и месту проживания (табл. 11.1). У ка-

⁴ Описание различий в выраженности эмиграционных намерений и поведения по их реализации у студентов трех стран представлено в главе 5.

захстанской молодежи выявлен более высокий уровень привязанности к родителям, чем у белорусской и российской молодежи. Статистически значимых различий у студентов-россиян и студентов-белорусов по данному параметру не выявлено.

Согласно средним значениям, наибольший уровень привязанности к месту и к стране проживания демонстрируют казахстанские студенты, наименьшие средние значения по параметрам «привязанность к месту проживания» и «привязанность к стране проживания» характерны для студентов-россиян, а белорусские студенты показывают наибольшее среднее значение по параметру «привязанность к друзьям». Однако отметим, что статистически значимых межстрановых различий в данном случае не обнаружено.

Перейдем к анализу связей между типами эмоциональных привязанностей и компонентами эмиграционной активности у студентов трех стран (табл. 11.2).

Таблица 11.2. Регрессионный анализ связи эмиграционной активности с привязанностями к месту и стране проживания, к родителям и друзьям у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России

Предикторы	Эмиграционное намерение			Поведение по реализации эмиграционного намерения		
	Беларусь (<i>n</i> = 208)	Казахстан (<i>n</i> = 200)	Россия (<i>n</i> = 250)	Беларусь (<i>n</i> = 208)	Казахстан (<i>n</i> = 200)	Россия (<i>n</i> = 250)
	β	β	β	β	β	β
Привязанность к месту (городу, району) проживания	-0,27***	-0,34***	-0,21**	-0,20**	-0,28***	-0,28***

Окончание табл. 11.2

Предикторы	Эмиграционное намерение			Поведение по реализации эмиграционного намерения		
	Беларусь (<i>n</i> = 208)	Казахстан (<i>n</i> = 200)	Россия (<i>n</i> = 250)	Беларусь (<i>n</i> = 208)	Казахстан (<i>n</i> = 200)	Россия (<i>n</i> = 250)
	β	β	β	β	β	β
Привязанность к стране	-0,49***	-0,55***	-0,24***	-0,39***	-0,40***	-0,19**
Привязанность к родителям	-0,21**	-0,15*	-0,13*	0,19**	-0,21**	-0,13*
Привязанность к друзьям	-0,06	-0,08	-0,02	-0,05	-0,05	-0,05

Примечания. * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$; β — стандартизированные коэффициенты регрессии; полужирным шрифтом выделены коэффициенты β , отражающие статистически значимые связи между переменными.

Согласно полученным результатам (табл. 11.2), привязанность к месту (городу, району) проживания у студентов трех стран статистически значимо отрицательно связана с эмиграционными намерениями и поведением по их реализации. Аналогичное направление связи с компонентами эмиграционного поведения у студентов Беларуси, Казахстана и России демонстрируют привязанности к стране и к родителям (табл. 11.2). В результате исследования выдвинутое предположение об отрицательной связи компонентов эмиграционной активности с привязанностью к стране, месту проживания и родителям у молодежи трех стран получило свое подтверждение. Молодые люди, склонные к эмиграционному поведению, в меньшей степени привязаны и к месту, и к стране проживания. Это логичные результаты, которые перекликаются в том числе с выводами исследователей об отрицательной связи гражданской [Marrow et al., 2020; Williams

et al., 2018] и локальной идентичностей с эмиграционными намерениями [Orosova et al., 2018; Gunko, Medvedev, 2018].

В то же время у студентов трех стран с планируемым эмиграционным поведением привязанность к родителям выражена в меньшей степени. Мы не контролировали в исследовании, какой тип эмиграции (совместно с родителями или самостоятельно) планируют респонденты, предполагая, что люди в юношеском возрасте преимущественно ориентированы на сепарацию от родителей и выстраивание личной жизненной стратегии. По сути, полученные результаты подтверждают это. Молодые люди, ориентированные на мобильность, в меньшей степени эмоционально связаны с родителями (что субъективно облегчает разлуку с ними), чем молодые люди, предпочитающие оседлость.

Не обнаружено статистически значимых связей между показателями эмиграционной активности и привязанностью к друзьям у студентов трех стран (табл. 11.2). Мы не склонны объяснять это меньшей привязанностью респондентов к друзьям, чем к родителям. Скорее в современных условиях глобальной цифровизации коммуникационной молодежной среды физическая дистанция не рассматривается студентами как значимая преграда для общения и взаимодействия. К тому же планирование эмиграции молодыми людьми может осуществляться как совместный проект друзей-однокурсников, особенно если речь идет о международной мобильности, связанной с продолжением образования за границей. С другой стороны, подчеркнем, что мы не конкретизировали в анкете, о каких именно друзьях идет речь: о проживающих в данной стране вместе с респондентом или о живущих за рубежом. Таким образом, гипотеза о связи эмиграционной активности молодежи с эмоциональной привязанностью к друзьям требует дополнительной проверки в дальнейших исследованиях. В целом полученные результаты перекликаются с выводами других ученых [Van Eecke, 2005; Ali, Toner, 2001] о том, что склонны к эмиграции и более успешны в адаптации на новом месте жительства люди, имеющие неустойчивый тип привязанности, меньшую ориентацию на установление близких связей с другими. Такие люди меньше переживают о разрыве социальных связей в стране проживания, поскольку, как правило, в большей мере ориентированы на карьеру и профессиональную деятельность, чем на взаимоотношения.

ГЛАВА 12. ОЩУЩЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ, СТРАХ ПЕРЕД COVID-19, ВОСПРИНИМАЕМАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ КАК ПРЕДИКТОРЫ ЭМИГРАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ БЕЛОРУССКИХ, КАЗАХСТАНСКИХ И РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

В этой главе мы рассмотрим элементы социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи, связанные с представлением о собственной безопасности и субъективным благополучием студентов трех стран. Целью исследования стал кросс-культурный анализ связей эмиграционных намерений и поведения по их реализации с воспринимаемой безопасностью, воспринимаемой дискриминацией, страхом перед COVID-19 и удовлетворенностью жизнью у студенческой молодежи Беларуси ($n = 208$), Казахстана ($n = 200$) и России ($n = 250$)¹. В данном случае мы проверяли предположение об отрицательной связи эмиграционной активности молодежи с воспринимаемой безопасностью, страхом перед COVID-19, удовлетворенностью жизнью и положительной связи с воспринимаемой дискриминацией.

Измерение *эмиграционных намерений и поведения по их реализации* осуществлялось с помощью одноименных шкал разработанного авторского опросника «Планируемое эмиграционное поведение»².

Удовлетворенность жизнью определялась с помощью одноименной шкалы Э. Динера [Diener, 1985], валидизированной на русскоязычной выборке Д.А. Леонтьевым и Е.Н. Осиним [Осин, Леонтьев, 2020] (приложение 2, п. 6, № ба–бд). Шкала содержит пять утверждений, с которыми предлагается выразить согласие в соответствии с семибальной шкалой (от 1 — «полностью не согласен[на]» до 7 — «полностью согласен[на]»). Подсчитывалась сумма значений по шкале.

¹ Подробное описание выборки и процедуры сбора данных представлено в главе 3.

² Подробное описание опросника представлено в главе 4.

Воспринимаемая безопасность и воспринимаемая дискриминация оценивались с помощью вопросов из опросника Европейского социального исследования — 2016³ о том, насколько безопасно/небезопасно чувствует себя респондент в стране проживания (приложение 2, п. 14) (от 0 — «чувствую себя абсолютно небезопасно» до 10 — «чувствую себя абсолютно безопасно») и насколько сильно он ощущает, что принадлежит к такой группе людей, которая испытывает в стране дискриминацию (от 0 — «абсолютно не ощущаю дискриминации» до 10 — «ощущаю дискриминацию в полной мере») (приложение 2, п. 15).

Степень переживания страха коронавирусного заболевания определялась с помощью Шкалы страха COVID-19 (FCV19S) (приложение 2, п. 21). Опросник включает семь утверждений с пятибалльной шкалой ответов (от 1 — «полностью не согласен[на]» до 5 — «полностью согласен[на]»). Шкала разработана группой ученых из Великобритании, Гонконга, Ирана и Швеции, прошла проверку на надежность и валидность на иранской выборке [Ahorsu et al., 2020]. Апробация русскоязычной версии методики была проведена на русскоязычной выборке в России и Беларуси [Reznik et al., 2020]. Степень выраженности страха перед COVID-19 вычислялась как сумма баллов по всем утверждениям.

Обработка данных осуществлялась с помощью линейного регрессионного анализа. В качестве зависимых переменных выступили компоненты эмиграционной активности (эмиграционные намерения и поведение по их реализации). Независимыми переменными выступили воспринимаемая безопасность, воспринимаемая дискриминация, удовлетворенность жизнью и страх перед COVID-19.

В таблице 12.1 представлены описательные статистики и различия в выраженности независимых переменных у студентов трех стран⁴.

Согласно полученным результатам (табл. 12.1) для казахстанской молодежи характерен более высокий уровень воспри-

³ <https://www.europeansocialsurvey.org/data/download.html?r=8>.

⁴ Описание различий в выраженности эмиграционных намерений и поведения по их реализации у студентов трех стран представлено в главе 5.

Таблица 12.1. Различия в выраженности воспринимаемой безопасности, воспринимаемой дискриминации, страха перед COVID-19 и удовлетворенности жизнью у студентов Беларуси, Казахстана и России (ANOVA с использованием апостериорных критериев парных сравнений [Post Hoc])

Переменные	Студенты-белорусы, <i>n</i> = 208		Студенты-казахстанцы, <i>n</i> = 200		Студенты-россияне, <i>n</i> = 250	
	М	SD	М	SD	М	SD
Воспринимаемая безопасность (min = 1, max = 10)	3,97 к***, р**	2,42	6,37 б***, р***	2,42	5,02 б**, к***	2,43
Воспринимаемая дискриминация (min = 1, max = 10)	3,93	2,46	3,56 р*	2,52	4,26 к*	2,82
Удовлетворенность жизнью (min = 5, max = 35)	21,89 к**	6,36	24,00 б**, р***	5,80	21,06 к***	5,37
Страх перед COVID-19 (min = 7, max = 35)	15,05 р**	5,98	15,25 р***	6,03	13,21 б**, к***	4,71

Примечания. б — статистически значимые различия с белорусами; к — статистически значимые различия с казахстанцами; р — статистически значимые различия с россиянами; * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$; полужирным шрифтом выделены средние значения переменных, по которым выявлены межстрановые статистически значимые различия.

нимаемой безопасности и удовлетворенности жизнью, чем для белорусской и российской молодежи. Уровень воспринимаемой дискриминации у казахстанцев ниже, чем у россиян (с белорусами статистически значимых различий не выявлено). Однако страх перед COVID-19 в большей степени выражен у казахстанских студентов в сравнении с российскими (с белорусами у казахстанцев статистически значимых различий не выявлено).

Белорусские студенты демонстрируют наименьший уровень воспринимаемой безопасности среди студентов трех стран (табл. 12.1). Они же в меньшей степени удовлетворены жизнью в сравнении с казахстанскими студентами (у белорусов с россиянами статистически значимых различий не выявлено). Наряду с этим у белорусских студентов в большей степени выражен страх перед COVID-19, чем у россиян (с казахстанцами у белорусов статистически значимых различий не выявлено).

У российской студенческой молодежи в сравнении с казахстанскими студентами выше уровень воспринимаемой дискриминации и ниже уровень удовлетворенности жизнью и воспринимаемой безопасности (табл. 12.1). Однако уровень воспринимаемой безопасности у россиян статистически значительно выше, чем у белорусов. Вместе с тем российские студенты демонстрируют наименьший уровень страха перед COVID-19 в сравнении с белорусскими и казахстанскими студентами.

Перейдем к анализу связей между воспринимаемой безопасностью, воспринимаемой дискриминацией, удовлетворенностью жизнью, страхом перед COVID-19 и компонентами эмиграционной активности у студентов трех стран (табл. 12.2).

Согласно полученным результатам (табл. 12.2), ощущение безопасности у студентов трех стран статистически значимо отрицательно связано с эмиграционными намерениями и поведением по их реализации. Аналогичное направление связи с эмиграционными намерениями у студентов Беларуси, Казахстана и России демонстрирует удовлетворенность жизнью (табл. 12.2). Однако реализация эмиграционных намерений отрицательно связана с удовлетворенностью жизнью лишь у студентов-белорусов и студентов-казахстанцев (у россиян статистически значимой связи не обнаружено). Воспринимаемая дискриминация, в свою очередь, статистически значимо положительно связана

Таблица 12.2. Регрессионный анализ связи эмиграционной активности у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России с воспринимаемой безопасностью, воспринимаемой дискриминацией, удовлетворенностью жизнью и страхом перед COVID-19

Предикторы	Эмиграционные намерения			Поведение по реализации эмиграционных намерений		
	Беларусь (<i>n</i> = 208)	Казахстан (<i>n</i> = 200)	Россия (<i>n</i> = 250)	Беларусь (<i>n</i> = 208)	Казахстан (<i>n</i> = 200)	Россия (<i>n</i> = 250)
	β	β	β	β	β	β
Воспринимаемая безопасность	-0,26**	-0,33***	-0,28***	-0,24*	-0,26***	-0,25***
Воспринимаемая дискриминация	0,22**	0,18**	0,16**	0,18*	0,16*	0,17**
Удовлетворенность жизнью	-0,28***	-0,30***	-0,15*	-0,21**	-0,17*	-0,10
Страх перед COVID-19	-0,01	-0,06	-0,09	0,09	-0,03	-0,02

Примечания. * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$; β — стандартизированные коэффициенты регрессии; полужирным шрифтом выделены коэффициенты β , отражающие статистически значимые связи между переменными.

со всеми компонентами эмиграционной активности у студенческой молодежи трех стран. В то же время не обнаружено статистически значимых регрессионных связей между показателями эмиграционной активности и страхом перед COVID-19 у студентов из Беларуси, Казахстана и России (табл. 12.2).

Итак, ощущение безопасности в своей стране, воспринимаемая дискриминация и низкая удовлетворенность жизнью выступают предикторами эмиграционной активности у студентов из Беларуси, Казахстана и России. При этом низкий уровень ощущения безопасности и высокий уровень воспринимаемой дискриминации предсказывают выраженность как эмиграционных намерений, так и поведения по их реализации у студентов трех стран, тем самым отражая универсальность влияния данных предикторов на эмиграционную активность. Что вполне логично. Если обратиться к содержательному определению понятий «безопасность» и «дискриминация», представленных в разных словарях [Ожегов, 1988; Большой оксфордский толковый словарь английского языка, 2005], то можно сделать вывод о тесной связи между ними, на основе которой можно говорить и о связи между понятиями «чувство безопасности» и «воспринимаемая дискриминация». Чувство безопасности — это категория, которая включает в себя целую гамму чувств и переживаний человека, связанных с его положением в настоящем и перспективами на будущее. Это чувство защищенности от действия различного рода опасностей, чувство уверенности и доверия к окружающему миру и людям, чувство собственного достоинства и его неприкосновенности. Воспринимаемую дискриминацию можно охарактеризовать как восприятие опасности, связанное с негативным или предвзятым отношением к человеку или ущемлением его прав, свобод, законных интересов по причине его принадлежности к определенной социальной группе (пол, возраст, национальность, раса и т.д.). Наши результаты согласуются с данными исследователей, которые отмечают, что чувство опасности служит пусковым механизмом при принятии решения о смене места жительства, являясь основополагающим фактором эмиграционных намерений [Зинченко, Зотова, 2014; Ромашева и др., 2021; Секач, Мостиков, 2017; Bryer et al., 2020].

Что касается удовлетворенности жизнью, то она, согласно полученным нами результатам, также является предсказателем выраженности эмиграционной активности у студентов трех стран. Эти результаты согласуются с данными других исследований, обосновывающих отрицательную связь между удовлетворенностью жизнью / субъективным благополучием с эми-

грационными намерениями молодежи [Cai et al., 2014; Graham, Markowitz, 2011; Otrachshenko, Popova, 2014; Turulja et al., 2023]. Отсутствие связи между страхом перед COVID-19 и эмиграционной активностью молодежи Беларуси, Казахстана и России позволяет сделать вывод о том, что контекст пандемии не оказывает значительного влияния на планируемое эмиграционное поведение молодежи трех стран. Это подтверждается также тем, что эмиграционная активность молодежи в условиях пандемии остается довольно высокой⁵.

⁵ См. главу 5.

ГЛАВА 13. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ВЕРИФИКАЦИИ МУЛЬТИГРУППОВОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЭМИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ, КАЗАХСТАНА И РОССИИ

Для эмпирической проверки теоретической модели социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи Беларуси ($n = 208$), Казахстана ($n = 200$) и России ($n = 250$)¹ была построена и протестирована общая мультигрупповая модель (MGSEM, программа IBM SPSS AMOS 23.0). Зависимой переменной в модели выступило эмиграционное намерение, а предикторами — ценности Сохранения, Самоутверждения, Самопреодоления, Открытости изменениям; выраженность профессиональной идентичности; когнитивные и эмоциональные компоненты этнической, гражданской и глобальной идентичностей; эмоциональные привязанности к своей стране, месту проживания, родителям и друзьям; удовлетворенность жизнью; воспринимаемая дискриминация; воспринимаемая безопасность; страх перед COVID-19 и объективная дистанция с заболеванием; воспринимаемая поддержка от значимых других за пределами страны проживания. Однако модель продемонстрировала неудовлетворительные показатели согласия: $\chi^2 = 2238,705$; $df = 636$; $p = 0,000$; CFI = 0,629; RMSEA = 0,062; PCLOSE = 0,000. В связи с этим было принято решение анализировать систему социально-психологических предикторов эмиграционных намерений молодежи блоками, проводя проверку инвариантности отдельных мультигрупповых моделей. Данное решение позволило избежать проблемы мультиколлинеарности переменных и рассмотреть феноменологически близкие психологические конструкты-предикторы в качестве составляющих различных моделей (таких как, например, система эмоциональных привязанностей к стране, месту жительства, значимым другим и компоненты этнической, гражданской и

¹ Подробное описание выборки представлено в главе 3.

глобальной идентичностей), чтобы иметь возможность оценить вклад каждого предиктора в эмиграционную активность молодежи трех стран. Часть мультигрупповых моделей уже была представлена и описана ранее в главах 7 и 8. В этой главе мы представим дополнительно еще две мультигрупповые модели и опишем структуру социально-психологического пространства эмиграционных намерений студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России, отметив выявленные в результате проведенного исследования сходства и различия. Подчеркнем здесь, что мультигрупповую модель планируемого эмиграционного поведения (построенную в рамках теории А. Айзена) мы тестировали отдельно². Эта теоретическая модель была эмпирически верифицирована на выборках трех стран, а факторы планируемого эмиграционного поведения (аттитюды, субъективные нормы и воспринимаемый контроль в отношении эмиграции) продемонстрировали высокий объяснительный потенциал в отношении эмиграционных намерений у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России. Поэтому мы не включали данные факторы в другие тестируемые модели в связи с их высокой объяснительной способностью. Наша задача состояла в том, чтобы определить, какие еще социально-психологические предикторы предсказывают эмиграционную активность студенческой молодежи трех стран.

Итак, первая модель, представленная в данной главе, включает такие элементы социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи, как ценности, профессиональная идентичность и удовлетворенность жизнью (рис. 13.1).

Удовлетворенность жизнью выступает рефлексивно-оценочным компонентом, когнитивной составляющей субъективного благополучия личности [Diener, 1984; Diener et al., 1998; Осин, Леонтьев, 2020], а также субъективным индикатором качества жизни [Лебедева, Леонтьев, 2022; Sirgy et al., 2006]. Существует немало исследований, подтверждающих значимую связь индивидуальных ценностей и субъективного благополучия молодежи в различных социокультурных контекстах [Radović et al.,

² Результаты представлены в главе 7.

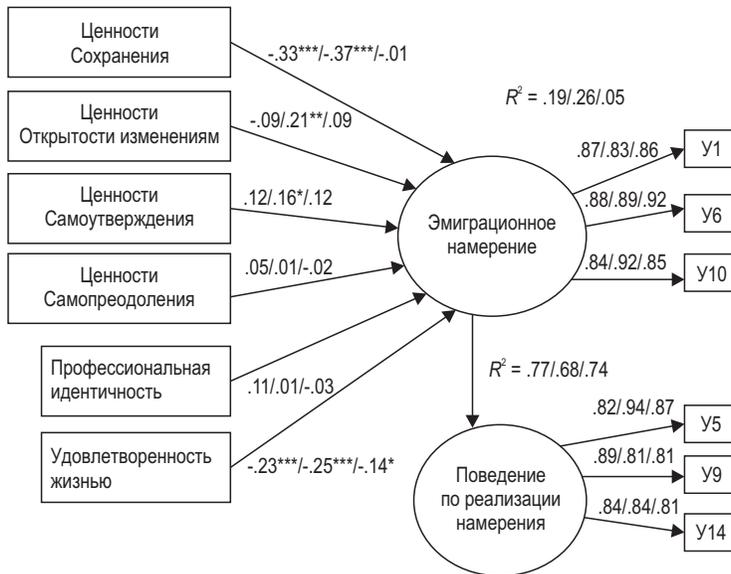

Рис. 13.1. Мультигрупповая (конфигурационная) модель связи эмиграционной активности с ценностями, профессиональной идентичностью и удовлетворенностью жизнью у студентов Беларуси, Казахстана и России

Примечания. Номера измеренных переменных в модели соответствуют номерам утверждений опросника «Планируемое эмиграционное поведение»³; R^2 — доля объясненной дисперсии зависимой переменной; * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; *** — $p < 0,001$.

2019; Sagiv, Schwartz, 2000; Sortheix, Lönnqvist, 2015; Sortheix, Schwartz, 2017]. При этом особый вклад в субъективное благополучие вносит конгруэнтность индивидуальных ценностей ценностям референтной группы. То есть с точки зрения субъективного благополучия особенно важным является то, как индивидуальные ценности молодежи вписываются в существующий социальный контекст [Sortheix, Lönnqvist, 2015]. Наряду с этим в отдельных исследованиях подчеркивается, что у студентов, получающих различные профессии, связи между ценностями и

³ Текст опросника представлен в главе 4.

субъективным благополучием имеют различия, что может быть объяснено в том числе совместимостью/несовместимостью индивидуальных ценностей и ценностей, значимых с точки зрения получаемой профессии [Sagiv, Schwartz, 2000; Knafo, Sagiv, 2004]. При этом известно, что социальная идентичность, предполагающая выраженное ощущение себя частью какой-либо группы, является ключевым фактором субъективного благополучия, которое повышается в результате включенности в жизнь этой группы, и качества групповой социальной поддержки [Jetten et al., 2012]. А если мы говорим о студенческой молодежи, то такой значимой группой выступает сообщество обучающихся и профессиональное сообщество, соответствующее получаемой студентами специальности. В связи с этим значимой задачей, связанной с поддержанием субъективного благополучия студентов, является формирование и развитие их профессиональной идентичности (как обучающихся соответствующей специальности и будущих профессионалов) [Super, 1980]. Подтверждаемая научными работами значимость взаимосвязей между индивидуальными ценностями, профессиональной идентичностью и удовлетворенностью жизнью у студенческой молодежи в сочетании с подтверждаемой учеными ролью данных факторов в формировании эмиграционной активности⁴ молодежи стимулировали включение этих предикторов в единую модель с целью оценки их вклада в процесс формирования эмиграционных намерений у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России.

Мультигрупповая модель продемонстрировала приемлемые статистики согласия (табл. 13.1). Все утверждения, оценивающие эмиграционную активность, вошли в латентные конструкты со значимыми нагрузками ($p < 0,001$) (рис. 13.1.).

Конфигурационная и метрическая инвариантности присутствуют (ΔCFI не превышает 0,01), что позволяет сравнивать регрессионные связи в выборках исследуемых стран.

Интересен тот факт, что в результате мультигруппового моделирования структурными уравнениями не обнаружено значимой связи эмиграционных намерений с выраженностью профессиональной идентичности у студентов трех стран, хо-

⁴ См. п. 2.3 главы 2.

Таблица 13.1. Статистики согласия мультигрупповой модели связи эмиграционной активности с ценностями, профессиональной идентичностью и удовлетворенностью жизнью у студентов Беларуси, Казахстана и России

Модель инвариантности	CFI	RMSEA	AIC	PCLOSE	Chi-square	df	<i>p</i>
Конфигурационная	0,949	0,044	574,492	0,950	316,492	141	0,000
Метрическая	0,940	0,043	575,061	0,980	385,061	175	0,000

Примечания. CFI — сравнительный индекс согласия; RMSEA — квадратный корень средней квадратической ошибки аппроксимации; AIC — информационный критерий Акаике; PCLOSE — тест значимости; Chi-square — критерий хи-квадрат; df — число степеней свободы; *p* — уровень значимости; Δ CFI < 0,01.

тя такая связь фиксировалась нами ранее в результате регрессионного анализа (см. главу 8, п. 8.1). В то же время значимым предиктором эмиграционной активности у студентов Беларуси, Казахстана и России выступила низкая удовлетворенность жизнью, и наиболее сильные связи в данном случае проявляются у белорусов и казахстанцев (рис. 13.1). При этом белорусские студенты с выраженными эмиграционными намерениями отличаются низким уровнем удовлетворенности жизнью в сочетании с отрицанием значимости ценностей Сохранения, а казахстанские — в сочетании с отрицанием значимости ценностей Сохранения и высоким приоритетом ценностей Открытости изменениям и Самоутверждения. Можно предположить, что эти результаты являются отражением низкого уровня ценностного консенсуса [Руднев, Магун, 2011] (или выраженного различия между индивидуальными и групповыми ценностными приоритетами) у студенческой молодежи Беларуси и Казахстана, ориентированной на переезд за рубеж. При этом у российских студентов взаимосвязей между ценностями и эмиграционными

намерениями не обнаружено, что может быть объяснено особенностями российской выборки и неоднородностью русского этноса в целом. Выборку россиян представили респонденты из шести регионов страны с различными уровнями социально-экономического развития, условиями жизни и, вероятно, ценностными приоритетами. Возможно, именно в связи с этими различиями не зафиксировано статистически значимых связей эмиграционной активности с ценностями у российской молодежи. Данную логику объяснения подтверждает тот факт, что при изучении взаимосвязи ценностей и эмиграционных намерений в условиях *одного* российского региона обнаруживаются статистически значимые связи между этими переменными [Муращенкова, 2021a]. Помимо этого подтверждением представленного объяснения отсутствия связей между ценностями и эмиграционными намерениями в данном исследовании является вывод социологов о принадлежности России к группе европейских стран с низким межиндивидуальным ценностным консенсусом по значительному числу базовых ценностей, особенно по оси «Открытость изменениям — Сохранение» [Руднев, Магун, 2011]. А эти ценности высшего порядка, как показывают результаты нашего исследования, вносят значимый вклад в объяснение эмиграционной активности белорусской и казахстанской молодежи (рис. 13.1).

Общекультурной особенностью является невключенность блока ценностей Самопреодоления в систему предикторов эмиграционных намерений студенческой молодежи. Такая же тенденция обнаружена нами при оценке ресурсного эмиграционного потенциала ценностей в формировании планируемого эмиграционного поведения студенческой молодежи (см. главу 7). В то же время наибольшую объяснительную способность в отношении эмиграционной активности ценности демонстрируют в казахстанской выборке. Для казахстанских студентов ценностными основаниями эмиграционных намерений выступают отход от традиционности в сочетании с поиском новизны, впечатлений и перемен и стремлением к достижениям и влиянию. У белорусских студентов в данном случае отмечается лишь нивелирование традиционности.

Вторая мультигрупповая модель, представленная в данной главе, включает такие элементы социально-психологического

пространства эмиграционных намерений молодежи, как эмоциональная привязанность к стране, месту жительства, родителям и друзьям, воспринимаемая поддержка значимых других за границей, воспринимаемая дискриминация, воспринимаемая безопасность, страх перед COVID-19 и дистанция с этим заболеванием (рис. 13.2).

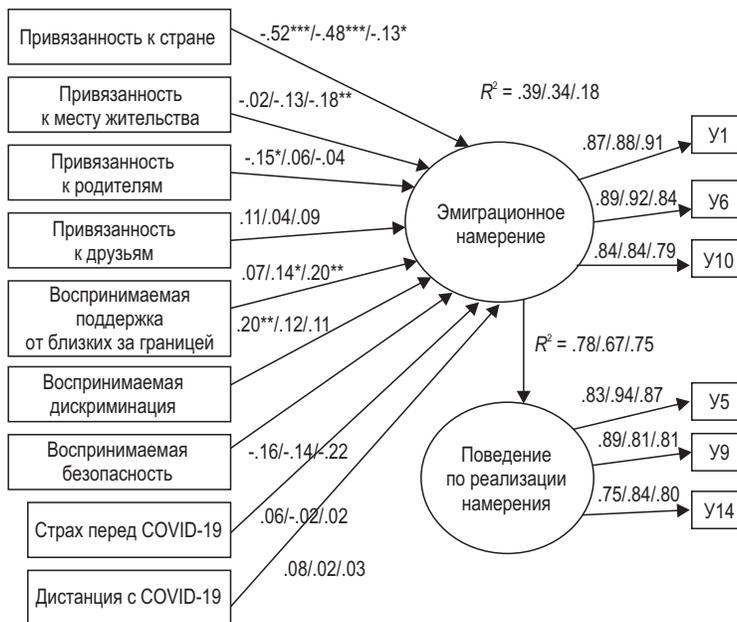

Рис. 13.2. Мультигрупповая (конфигурационная) модель связи эмиграционной активности с привязанностью к стране, месту жительства, родителям и друзьям, с воспринимаемой поддержкой значимых других за границей, воспринимаемой дискриминацией и воспринимаемой безопасностью у студентов Беларуси, Казахстана и России

Примечания. Номера измеренных переменных в модели соответствуют номерам утверждений опросника «Планируемое эмиграционное поведение»⁵; R^2 — доля объясненной дисперсии зависимой переменной; * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; *** — $p < 0,001$

⁵ Текст опросника представлен в главе 4.

Предикторы, включенные в данную модель, отражают эмоциональный аспект социально-психологической обусловленности эмиграционной активности молодежи с учетом текущего социально-исторического контекста (пандемия COVID-19). Анализ данной мультигрупповой модели позволяет определить, какие переживания респондентов и в отношении каких сторон жизни и значимых других вносят вклад в развитие эмиграционной активности студентов в различных социокультурных контекстах в условиях пандемии.

Мультигрупповая модель обладает приемлемыми статистиками согласия (табл. 13.2). Все утверждения, оценивающие эмиграционную активность, входят в латентные конструкты со значимыми нагрузками ($p < 0,001$) (рис. 13.2).

Таблица 13.2. Статистики согласия мультигрупповой модели связи эмиграционной активности с привязанностью к стране, месту жительства, родителям и друзьям, с воспринимаемой поддержкой значимых других за границей, воспринимаемой дискриминацией и безопасностью у студентов Беларуси, Казахстана и России

Модель инвариантности	CFI	RMSEA	AIC	PCLOSE	Chi-square	df	p
Конфигурационная	0,944	0,036	770,970	1,000	446,970	243	0,000
Метрическая	0,936	0,035	760,561	1,000	516,561	283	0,000

Примечания. CFI — сравнительный индекс согласия; RMSEA — квадратный корень средней квадратической ошибки аппроксимации; AIC — информационный критерий Акаике; PCLOSE — тест значимости; Chi-square — критерий хи-квадрат; df — число степеней свободы; p — уровень значимости; $\Delta CFI < 0,01$.

Конфигурационная и метрическая инвариантности присутствуют (ΔCFA не превышает 0,01), что дает возможность сравнивать регрессионные связи в выборках трех стран.

Согласно значениям коэффициентов детерминации включенные в модель предикторы вносят больший вклад в формирование эмиграционных намерений у белорусских и казахстанских студентов, нежели у студентов-россиян (рис. 13.2). В то же время у российской молодежи зафиксирована хоть и статистически значимая, но наиболее слабая отрицательная связь между эмоциональной привязанностью к стране и эмиграционными намерениями в сравнении со студентами из Беларуси и Казахстана. Наибольшую роль в формировании эмиграционной активности фактор отсутствия эмоциональной привязанности к стране играет у белорусской молодежи (рис. 13.2). И подкрепляется он выраженной воспринимаемой дискриминацией и низкой эмоциональной привязанностью к родителям. Причем у казахстанских и российских студентов воспринимаемая дискриминация и привязанность к родителям не являются значимыми предикторами эмиграционной активности в данной мультигрупповой модели (рис. 13.2). В то же время статистически значимые взаимосвязи эмиграционной активности с этими параметрами зафиксированы в процессе линейного регрессионного анализа во всех трех выборках (см. главы 11 и 12). Анализ результатов, полученных при мультигрупповом моделировании структурными уравнениями, с учетом особенностей социально-политического контекста в Беларуси на момент сбора данных позволяет выдвинуть предположение о том, что низкая эмоциональная привязанность к родителям как фактор эмиграционной активности белорусской молодежи может являться отражением проявившегося в данных условиях поколенческого разрыва. У казахстанской молодежи, наряду с низким уровнем эмоциональной привязанности к стране, эмиграционные намерения связаны с выраженной воспринимаемой поддержкой от значимых других за пределами страны проживания, что может объясняться особенностями коллективистской культуры казахстанцев и значимостью для них родственных и дружеских связей. Для российских студентов значимыми предикторами эмиграционных намерений выступают низкий уровень воспринимаемой безопасности в стране проживания в сочетании с выраженной воспринимаемой поддержкой от значимых других за пределами России и низкой эмоциональной привязанностью к своей стране и месту проживания.

Как показывают результаты исследования, пандемия COVID-19 не внесла значимого вклада в развитие эмиграционной активности молодежи трех стран. Это подтверждается результатами регрессионного анализа, представленного в главах 11 и 12, а также достаточно высоким уровнем выраженности эмиграционных интенций у молодежи трех стран в условиях пандемии (см. главу 5).

Обратимся к обобщению полученных в исследовании результатов (отраженных в главах 5–13) и проведем сравнительный анализ социально-психологических пространств эмиграционных намерений студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России.

В результате проведенного исследования эмпирически подтверждено существование структурированных социально-психологических пространств эмиграционных намерений у белорусской, казахстанской и российской студенческой молодежи, сформированных в процессе дискурса об эмиграции. Эти пространства представляют собой систему отношений молодежи к эмиграции и связанным с ней объектам и явлениям (включают в себя элементы, представленные в теоретической модели); имеют как сходства, так и различия у студенческой молодежи трех стран. А эмиграционные намерения демонстрируют статистически значимые связи практически со всеми предикторами, включенными в теоретическую модель, у студенческой молодежи как минимум одной из изучаемых стран. Не выявлено значимых связей эмиграционных намерений со страхом перед COVID-19, ценностями Самопреодоления и эмоциональной привязанностью к друзьям.

Культурно-универсальной характеристикой планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи трех стран является бóльшая выраженность эмиграционных намерений, нежели поведения по их реализации. При этом у студентов из России поведение по реализации эмиграционных намерений выражено в меньшей степени в сравнении со студентами из Беларуси и Казахстана, как и представления о том, что значимые для них люди поддержали бы их переезд за границу (в выборках белорусов и казахстанцев эти представления более оптимистичны). В то же время среди студентов из России значительно больше тех, кто ориентирован на временную, а не на постоянную эмиграцию. Среди белорусов и казахстанцев численность сту-

дентов, планирующих переезд за границу на время и навсегда, практически одинакова.

Выявлено сходство в распределении числа студентов, ориентированных на эмиграцию из Беларуси, Казахстана и России: число планирующих переезд за границу среди студентов трех стран было достаточно велико даже в условиях пандемии COVID-19 (более 60% опрошенных в каждой из групп). При этом на серьезность эмиграционных намерений студенческой молодежи трех стран указывает тот факт, что значительное число респондентов уже определилось со страной предполагаемого переезда (31,3% белорусских студентов, 32,0% казахстанских студентов и 26,8% российских студентов). Преобладающими географическими направлениями планируемой эмиграции для студентов трех стран выступают европейское и североамериканское направления, реже — восточное.

Относительно мотивации планируемого эмиграционного поведения у студентов трех стран выявлены как сходства, так и различия. *Общими культурно-универсальными особенностями мотивационных основ* планируемой эмиграционной активности у студентов Беларуси, Казахстана и России выступают следующие: низкая эмиграционная стимулирующая сила таких мотивов, как *стремление к риску и новым впечатлениям, к устройству личной жизни, воссоединению с родственниками за рубежом и желание жить в другой наиболее близкой культуре*; отсутствие различий в выраженности таких эмиграционных мотивов, как *расширение возможностей для профессиональной самореализации, беспокойность за будущее своих детей, желание при переезде сменить климат страны проживания и интерес к жизни в других странах* (данные мотивы имеют среднюю стимулирующую эмиграционную силу у студентов трех стран). Однако выраженность мотива воссоединения с родственниками за рубежом статистически значимо выше в казахстанской выборке в сравнении с российской, что может объясняться более тесными семейно-родственными связями у представителей казахского этноса в сравнении с представителями русского этноса [Нарбут, Троцук 2018; Ростовская, Калиев, 2019; Шамионов 2014].

Рассмотрим *социокультурные различия в мотивации* планируемого эмиграционного поведения у студентов Беларуси, Казахстана и России. Анализ стержневых эмиграционных мотивов

казахстанской студенческой молодежи позволяет сделать вывод о бóльшей удовлетворенности казахстанских студентов социально-экономической и политико-правовой ситуацией в стране проживания в сравнении с удовлетворенностью этими параметрами у студентов Беларуси и России. При этом пространство доминирующих эмиграционных мотивов у белорусских и российских студентов гораздо шире, чему у казахстанских (речь идет о количестве эмиграционных мотивов со средними значениями выше 4,0 балла при максимально возможном значении в 6,0 балла).

Доминирующими мотивами планируемой эмиграции у казахстанских студентов является *интерес к жизни в другой стране и обеспокоенность экологической обстановкой в Казахстане*. У белорусских студентов *доминирующими мотивами* планируемой эмиграции являются *неудовлетворенность экономической, политической и правовой ситуацией в стране проживания; желание повысить свою материальную обеспеченность при переезде* (статистически значимо ниже у казахстанцев); *обеспокоенность возможными проблемами с поиском хорошей работы в Беларуси; ощущение небезопасности и отсутствие перспектив для самореализации в стране проживания* (статистически значимо ниже у казахстанцев и россиян); а также *неудовлетворенность качеством образования в стране проживания*. У российских студентов доминирующими эмиграционными мотивами являются следующие: *обеспокоенность высоким уровнем коррупции и недовольство экономической ситуацией в стране* (статистически значимо выше, чем у белорусов и казахстанцев); *неудовлетворенность политической системой, системой правосудия и качеством образования в России* (статистически значимо выше, чем у казахстанцев); *обеспокоенность экологической обстановкой* (статистически значимо выше, чем у белорусов); а также эмиграционный мотив, связанный с *проявлением интереса к жизни в других странах*. Таким образом, наибольшее сходство мотивационных основ планируемого эмиграционного поведения прослеживается у белорусской и российской студенческой молодежи в сравнении со студентами-казахстанцами.

Выявлены сходства и различия в связях эмиграционных намерений с социально-демографическими параметрами студенческой молодежи трех стран. *Сходство* взаимосвязей проявилось

в том, что *пол* респондентов оказался *не связан* с выраженностью эмиграционных намерений у студентов Беларуси, Казахстана и России. *Различия* состоят в следующем: среди *казахстанской* молодежи эмиграционные намерения выражены у *владеющих иностранными языками более молодых студентов с низким материальным достатком*; для *белорусских* студентов важную роль при формировании эмиграционных намерений играет *опыт международной мобильности*, а для *россиян* — *низкая материальная обеспеченность и воспринимаемая поддержка* от близких, находящихся за границей.

Результаты проверки теоретической модели взаимосвязи компонентов планируемого эмиграционного поведения (в соответствии с теорией А. Айзена) продемонстрировали, что *аттитюды, воспринимаемый контроль* и *субъективные нормы* являются значимыми предикторами эмиграционных намерений, а *эмиграционные намерения*, соответственно, — значимым предиктором *эмиграционного поведения* у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России. На эмиграционные намерения трех групп студентов позитивные установки в отношении эмиграции и воспринимаемые нормы оказывают большее влияние, чем воспринимаемый контроль. При этом рассматриваемые факторы вносят больший вклад в объяснение эмиграционных намерений белорусов и казахстанцев, нежели россиян. Поведение по реализации эмиграционных намерений также в большей степени обусловлено эмиграционными намерениями в белорусской и казахстанской выборках (в сравнении с российской).

Рассмотрим, какие еще социально-психологические предикторы и как именно взаимосвязаны с эмиграционными намерениями у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России. *Индивидуальные ценности* выступают *предикторами факторов* эмиграционных намерений. При этом во всех трех выборках индивидуальные ценности обладают большей объяснительной способностью *в отношении аттитюдов к эмиграции*, нежели *в отношении воспринимаемых норм и воспринимаемого контроля*.

Общекультурной особенностью является невключенность блока ценностей Самопреодоления в процесс формирования факторов эмиграционных намерений студенческой молодежи: связей между этими переменными не обнаружено ни в одной из

изучаемых выборок. Социокультурные различия в связях ценностей высшего порядка и факторов эмиграционного намерения у студентов трех стран проявляются в следующем. У российских студентов (и только у них) не обнаружено связи между ценностями высшего порядка и представлениями об одобрении значимыми другими их возможной эмиграции (вероятно, представления о позитивном отношении к эмиграции значимых других присутствуют у российской молодежи с различными ценностными приоритетами). У белорусских студентов (и только у них) не обнаружено связи между ценностями более высокого порядка и представлениями о собственной самоэффективности в отношении возможной эмиграции (представления о собственных возможностях осуществить переезд за границу не детерминированы какими-то определенными индивидуальными ценностями у белорусской молодежи). В целом у молодых россиян факторы планируемого эмиграционного поведения формируются на основе приверженности ценностям, связанным с демонстрацией собственной компетентности, личным успехом, престижем, стремлением приобрести контроль над материальными и человеческими ресурсами (ценности Самоутверждения), а также ценностям, связанным с поиском новизны, стремлением к автономии и независимости (ценности Открытости изменениям). В первом случае ценности влияют на формирование позитивного отношения к эмиграции, во втором — повышают уверенность молодых людей в способности осуществить запланированный переезд. Ценностная стратегия формирования эмиграционных намерений белорусской и казахстанской студенческой молодежи связана с отходом от традиционности и снижением для респондентов, ориентированных на переезд, значимости ценностей Сохранения. У казахстанцев данная тенденция проявляется в отношении всех факторов, определяющих намерение в модели А. Айзена, в то время как у белорусов — только в отношении воспринимаемых норм и аттитюдов. В дополнение к этому значимую роль в формировании эмиграционных намерений у казахстанской молодежи играют ценности Самоутверждения, позитивно связанные с установками и воспринимаемыми нормами эмиграционной активности у казахстанских студентов.

В связях индивидуальных ценностей с эмиграционными намерениями у студенческой молодежи трех стран также вы-

явлены *кросс-культурные различия*. Наибольшую объяснительную способность в отношении эмиграционной активности ценности демонстрируют в *казахстанской* выборке. Для *казахстанских* студентов ценностными основаниями эмиграционных намерений выступают *отход от традиционности (ценности Сохранения) в сочетании с поиском новизны, впечатлений и перемен (ценности Открытости изменениям) и стремлением к достижениям и влиянию (ценности Самоутверждения)*. У *белорусских* студентов в данном случае отмечается лишь *нивелирование традиционности (ценностей Сохранения)*. У *российских* студентов взаимосвязей между ценностями и эмиграционными намерениями *не обнаружено*. *Общекультурной* особенностью является *невключенность ценностей Самопреодоления* в систему предикторов эмиграционных намерений студенческой молодежи.

Связи эмиграционных намерений с этнической, гражданской и глобальной идентичностями у студенческой молодежи трех стран тоже продемонстрировали сходства и различия. *Сходство* проявилось в отрицательной связи между эмоциональным компонентом гражданской идентичности и эмиграционной активностью у студентов исследуемых стран: уменьшение позитивного отношения к гражданам своих стран способствует развитию эмиграционной активности у студентов Беларуси, Казахстана и России. *Различия* заключаются в следующем. У *белорусских* студентов не обнаружено связей эмоциональных и когнитивных компонентов глобальной идентичности с эмиграционной активностью. Однако сходный характер связи между чувством общности со всем человечеством и планируемым эмиграционным поведением выявлен у студентов Казахстана и России: увеличение положительной эмоциональной идентификации с людьми всего мира сопровождается ростом их эмиграционной активности. При этом эмоциональный компонент глобальной идентичности у *казахстанских* студентов связан только с эмиграционными намерениями, а у *российских* студентов — и с намерениями, и с поведением по их реализации (выступает предиктором активно реализуемой эмиграционной стратегии). Таким образом, у *российских* студентов положительная идентификация с людьми всего мира способствует формированию не только *намерений* эмиграции, но и *действий* по их реализации,

чего не обнаружено у казахстанских и белорусских студентов. Только у российских студентов выявлена связь эмиграционных намерений с неопределенностью этнической идентичности: нечеткие представления о собственной этнической принадлежности стимулируют у российской студенческой молодежи поиск групп для самоидентификации, в том числе и посредством планируемой эмиграции. В то же время только у белорусских студентов выявлена связь между эмоциональным компонентом этнической идентичности и эмиграционной активностью: уменьшение привязанности к своей этнической группе способствует формированию у белорусских студентов как эмиграционных намерений, так и поведения по их реализации. В целом можно сделать вывод о том, что приоритетную роль в формировании эмиграционной активности студенческой молодежи трех стран играют все же эмоциональные, а не когнитивные компоненты этнической, гражданской и глобальной идентичностей.

Выраженность профессиональной идентичности выступает детерминантной эмиграционных намерений у студентов трех стран только в том случае, когда рассматривается как единственный предиктор. В единой модели с ценностями и удовлетворенностью жизнью данная связь нивелируется у студентов трех стран. Низкая удовлетворенность жизнью выступает культурно-универсальным предиктором эмиграционных намерений для студентов Беларуси, Казахстана и России. При этом наиболее сильные отрицательные связи между эмиграционной активностью и удовлетворенностью жизнью проявляются у белорусов и казахстанцев.

Представления о настоящем и будущем стран проживания выступают особенно значимыми предикторами эмиграционных намерений молодежи трех стран. При этом выявлено, что образ будущего страны проживания в каждой выборке более позитивен, нежели образ настоящего, а связь настоящего стран проживания с прошлым этих стран более выражена, чем предполагаемая связь с будущим (в представлениях студенческой молодежи). Наиболее оптимистичный образ настоящего и будущего страны проживания присущ казахстанским студентам. Они же демонстрируют большую сопричастность настоящему и будущему своей страны, чем россияне и белорусы. Напомним, что сбор эмпирических

данных исследования осуществлялся в начале 2021 года. Это следует учитывать при рассмотрении описанных ниже результатов, так как текущий российский контекст значительно отличается от соответствующего периода сбора данных в 2021 году.

Среди российских студентов эмиграционные намерения выражены в большей степени у тех, кто рассматривает настоящее России как менее *длительное*, менее *свободное*, скорее *значительное*, чем *незначительное*, но в то же время более *скудное*. Будущее России настроенная на эмиграцию российская молодежь представляет как *значительное*, но *не насыщенное событиями*. Поведение по реализации эмиграционных намерений выражено в большей степени у тех российских студентов, которые рассматривают настоящее России как *скудное*, а будущее — как *неноваторское*, *не насыщенное событиями*, но в то же время скорее *значительное*, чем *незначительное*. Белорусские студенты с выраженными эмиграционными намерениями склонны воспринимать настоящее Беларуси как *несплощенное*, но *свое*, а будущее Беларуси — как *несплощенное* и *связанное с настоящим страны*. Поведение по реализации эмиграционных намерений характерно для белорусских студентов, оценивающих настоящее Беларуси как *связанное с ее прошлым*, а будущее Беларуси как *связанное с ее настоящим*. Среди казахстанских студентов намерения эмигрировать выражены у респондентов, которые оценивают настоящее Казахстана как более *прекрасное*, но *менее близкое*, *менее хаотичное* и *менее светлое*. Стремятся переехать за границу также казахстанские студенты, оценивающие будущее страны как *не свое* и *не связанное с ее настоящим*. Поведение по реализации эмиграционных намерений характерно для студентов, оценивающих настоящее Казахстана как *более активное*, но *менее светлое* и *менее хаотичное* и демонстрирующих низкую сопричастность будущему Казахстана («*не мое*»).

Таким образом, для российской молодежи наиболее значимыми сдерживающими факторами эмиграционной активности на уровне намерений являются представления о временной протяженности, разнообразии и свободе как характеристиках настоящего России, а также представления о событийной насыщенности как характеристике ее будущего. На поведенческом уровне такими факторами выступают (дополнительно к обозна-

ченным) представления об инновационном будущем России. У белорусской и казахстанской молодежи, ориентированной на переезд за границу, прослеживается сходство в представлениях о преемственности и идентичности настоящего и будущего Беларуси и Казахстана, что выступает для молодежи этих стран значимым стимулирующим фактором планируемой эмиграции.

Представления о настоящем и будущем страны проживания обладают большей объяснительной способностью в отношении эмиграционной активности у студентов трех стран, чем представления об их личном настоящем и будущем. Тем не менее значимыми предикторами эмиграционных намерений белорусской студенческой молодежи выступают представления о личном настоящем как о *не насыщенном событиями, бессмысленном, но нескучном*. Предикторами поведения по реализации эмиграционных намерений у белорусских студентов также являются представления о личном настоящем как *нескучном*, что с учетом социально-политического контекста на момент сбора данных в Беларуси, вероятно, следует трактовать как представление о присутствии в личном настоящем событий, привлекающих внимание, но не удовлетворяющих своим содержанием и направленностью. Образ личного будущего у белорусских студентов с эмиграционными намерениями *не связан с личным прошлым*, а реализуют эмиграционные намерения те студенты-белорусы, которые воспринимают личное будущее как *насыщенное событиями, не связанное с личным прошлым и незначительное*. Вероятно, белорусскую студенческую молодежь к переезду за границу стимулирует именно стремление кардинально изменить собственное будущее (в сравнении с личным прошлым) и наполнить его событиями.

Наиболее оптимистичный образ личного настоящего и будущего присущ казахстанским студентам. При этом казахстанская студенческая молодежь с выраженными эмиграционными намерениями и поведением склонна характеризовать и личное настоящее, и личное будущее как *несветлое*, а настоящее видеть *хаотичным и не связанным с прошлым*. Личное будущее казахстанским студентам с эмиграционной активностью также видится *хаотичным*. И, вероятно, в данном случае, в отличие от белорусских студентов с эмиграционными намерениями, мы, наблюдаем у казахстанцев, планирующих переезд за границу, не

желание дистанцироваться от прошлого, а скорее желание его вернуть. Субъективное стремление к упорядоченности настоящего, повышение его прозрачности и, возможно, желание установления временной связи с личным прошлым могут выступать для современной казахстанской молодежи значимыми факторами формирования эмиграционной активности.

У студентов из России не обнаружено статистически значимых связей между эмиграционными намерениями и представлениями о личном настоящем. В то же время поведение по реализации эмиграционных намерений в большей степени выражено у тех российских студентов, которые оценивают свое личное настоящее как стабильное. Большее число связей у студентов-россиян выявлено между показателями эмиграционной активности и представлениями о личном *будущем*. Стимулируют эмиграционную активность студентов-россиян представления о личном будущем как *не активном, но новаторском и не связанном с личным настоящим*. То есть у российских студентов, ориентированных на эмиграционную жизненную стратегию, прослеживается стремление дистанцироваться от собственного настоящего и изменить его в будущем в результате переезда путем введения новаторского компонента в его содержание, но в сочетании со снижением активности.

Эмоциональная привязанность к стране, месту проживания, родителям и воспринимаемая безопасность в стране проживания (отрицательные связи), наряду с *воспринимаемой дискриминацией* (положительная связь), выступают значимыми *культурно-универсальными предикторами* эмиграционных намерений студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России, если рассматриваются как отдельные факторы (главы 11 и 12). В случае комплексного рассмотрения данных предикторов (рис. 13.2) обнаруживаются кросс-культурные различия в характере и силе их влияния на эмиграционные намерения молодежи Беларуси, Казахстана и России. Для *российской* молодежи характерна хоть и статистически значимая, но *наиболее слабая отрицательная связь между эмоциональной привязанностью к стране и эмиграционными намерениями* в сравнении со студентами из Беларуси и Казахстана. *Наибольшую роль* в формировании эмиграционной активности *фактор отсутствия эмоциональной привязанности к*

стране играет у белорусских студентов. И сочетается он с выраженной *воспринимаемой дискриминацией* и *низкой эмоциональной привязанностью к родителям*. При этом у *казахстанских и российских* студентов *воспринимаемая дискриминация* и *привязанность к родителям* не являются значимыми предикторами эмиграционной активности в случае комплексной оценки влияния различных социально-психологических предикторов на их эмиграционную активность. У *казахстанской и российской* молодежи, наряду с низким уровнем эмоциональной привязанности к стране, эмиграционные намерения связаны с выраженной *воспринимаемой поддержкой* от значимых других за пределами страны проживания. Для *российских* студентов дополнительно значимым предиктором эмиграционных намерений в комплексной мультигрупповой модели социально-психологических факторов (рис. 13.2) является *низкий уровень воспринимаемой безопасности* в стране проживания.

Подчеркнем, что пандемия COVID-19 не стала препятствием на пути формирования эмиграционной активности молодежи трех стран: не обнаружено связей выраженности эмиграционных намерений со страхом перед COVID-19 и объективной дистанцией с данным заболеванием. Зафиксирован достаточно высокий уровень выраженности эмиграционных интенций у молодежи трех стран в условиях пандемии.

В то же время в условиях глобальной цифровизации современного общества очевидным для нас являлось то, что интернет-среда способна выступать важным фактором формирования эмиграционной активности, особенно у молодежи. Учитывая это и прикладные задачи нашего исследования, связанные с разработкой рекомендаций по предупреждению оттока молодежи из России, мы не могли не обратить внимание на российское цифровое пространство и его интернет-контент, посвященный эмиграции. Результаты проведенного нами качественного анализа внешних факторов формирования эмиграционной активности российской молодежи, связанных с использованием интернет-пространства, представлены в главе 14.

ГЛАВА 14. КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА КАК СРЕДЫ ДЛЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ ОБ ЭМИГРАЦИИ И ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРЕ-АККУЛЬТУРАЦИОННОГО СТРЕССА

Проведенный в предыдущих главах анализ доказывает значимую роль внутренних психологических факторов в формировании планируемого эмиграционного поведения молодежи. Однако системный анализ предполагает также и учет внешних детерминант, способных оказывать влияние на эмиграционные намерения. В современных условиях нарастающей цифровизации общества таким внешним фактором может выступать интернет-среда — тематическое интернет-пространство, содержащее актуальную информацию о переезде за границу. Данное интернет-пространство как система эмиграционной онлайн-инфраструктуры [Tabor, Milfont, 2013; Thulin, Vilhelmson, 2014; Thulin, Vilhelmson, 2016] способно выполнять информационную, сдерживающую/стимулирующую функции, предоставлять возможности для получения социальной и психологической поддержки в процессе принятия решения об эмиграции. Современное российское интернет-пространство предлагает широкий спектр источников информации для потенциальных эмигрантов. Наряду с тематическими группами в социальных сетях существуют сервисы, предлагающие консультации на основе вводимых данных пользователя. Предоставляется информация о подходящих типах виз, предлагаются шаблоны различных документов, даются рекомендации по поиску работы за границей, вплоть до информирования о стоимости продуктов и аренды жилья в предполагаемом месте переезда в сравнении с текущим местом проживания человека. Отдельным элементом эмиграционной онлайн-инфраструктуры являются тематические форумы с большими кластерами актуальной информации об эмиграции и возможностью общения и обмена опытом между участниками: обсуждаются как актуальные макропроблемы (например, государственный контроль эмиграции), так и микровопросы (особенности жизни в отдельных странах, культура и обычаи, возможности трудоустройства).

Тематические онлайн-форумы могут рассматриваться как ресурсы, способные оказывать влияние на развитие эмиграционных намерений участников, а также предоставлять информационную и психологическую поддержку потенциальным эмигрантам. В ряде зарубежных исследований доступность интернета рассматривается как ресурс, способствующий формированию позитивных представлений об эмиграции [Koikkalainen, Kyle, 2016]. Ученые обнаруживают хоть и слабую, но положительную связь между степенью личного пользования интернетом и выраженностью эмиграционных планов [Thulin, Vilhelmson, 2014]. Анализируя интернет-пространство, ученые пытаются понять, как интернет формирует эмиграционные стремления и планы [Thulin, Vilhelmson, 2016], помогает создавать образы новых возможностей, стиля жизни [Burgell, Anderson, 2008]; пытаются увязать особенности онлайн-поиска с различными этапами процесса принятия решения об эмиграции [Thulin, Vilhelmson, 2014]. Отмечается, что интернет помогает интенсифицировать, удерживать и закреплять интерес людей к эмиграции и соответствующим планам, особенно на первичной вдохновляющей стадии. При этом анонимность подобных действий в сети, по словам самих респондентов, имеет для них немаловажное значение [Thulin, Vilhelmson, 2016].

Известно, что недостаток информации, неопределенность ситуации, амбивалентность эмоций и чувств, давление со стороны семьи и другие факторы могут стимулировать у планирующих эмиграцию развитие пре-аккультурационного стресса, требующего совладания. Участники форумов сами часто указывают на существование не только материальных, но и эмоциональных затрат при переезде. Потенциальные эмигранты отмечают, что большее количество информации о процедуре эмиграции и стране переезда и общение с переехавшими людьми помогают уменьшить неопределенность и справиться со стрессом [Tabor, Milfont, 2013].

Довольно распространенными эмоциями, сопровождающими эмиграцию, являются страх и чувство вины. Чувство вины чаще всего возникает в контексте взаимоотношений с расширенной семьей (родителями и другими близкими родственниками) [Boccagni, Baldassar, 2015]. Страх может возникать вследствие

сомнений относительно правильности принимаемого решения, собственных сил и возможностей реализации задуманного, ожиданий относительно проблем и сложностей в процессе адаптации на новом месте и т.д. Неслучайно изучение психологических аспектов фазы планирования и подготовки к эмиграции довольно часто связано с вопросом возникновения пре-аккультурационного стресса и ресурсов, помогающих с ним справиться [Jasinskaja-Lahti, Yijälä, 2011; Tabor, Milfont, 2012]. Пре-аккультурационный стресс начинается задолго до реального отъезда и провоцируется эмоциональным реагированием на ситуацию эмиграции (оценка и ожидание предполагаемых сложностей, связанных с переездом, разлука с близкими, сомнения и страхи), в частности ожиданиями относительно будущей (постэмиграционной) адаптации (ожидаемые трудности в социокультурной адаптации, длительность адаптации, ожидаемая дискриминация) [Jasinskaja-Lahti, Yijälä, 2011]. На этапе планирования и подготовки переезда потенциальных эмигрантов, как правило, сопровождается амбивалентность испытываемых эмоций и чувств: страхи и опасения, чувство вины могут сочетаться с воодушевлением и надеждой, радостью от предвкушения предстоящих изменений. Все вышесказанное подтверждает необходимость рассмотрения подготовки к эмиграции как периода, требующего психологической адаптации. При этом развитие активного отношения к собственной адаптации, приобретение знаний об особенностях и контексте предстоящей аккультурации, развитие социокультурных навыков и межкультурной компетентности, точное прогнозирование и оценка предстоящих результатов адаптации, расширение качественных предэмиграционных контактов с жителями той страны, переезд в которую запланирован, играют важную роль в упреждающей адаптации [Jasinskaja-Lahti, Yijälä, 2011]. А значимыми ресурсами, снижающими стресс, повышающими уверенность и чувство контроля, являющиеся реальной социальной поддержкой [Brugha et al., 2003] и осознание возможности и доступности ее получения [Jasinskaja-Lahti, Yijälä, 2011]. В связи с этим тематические онлайн-форумы могут быть не только значимыми информационными ресурсами, но и пространством для получения психологической помощи и поддержки потенциальными эмигрантами [Coulson et al., 2007].

По мнению зарубежных ученых, форумы образуют сообщества, участие в которых облегчает переезд в страну назначения (как физически, так и психологически), снижая барьеры эмиграции и способствуя нормализации риска. Указывается, что участники подобных онлайн-форумов, как правило, ведут себя альтруистично, в результате чего выражаемые благодарности и информационный обмен достижениями способствуют в том числе развитию чувства собственной значимости у участников таких групп [Tabor, Milfont, 2013].

Описанные выше данные получены в результате анализа зарубежных психологических исследований и, вероятно, имеют культурную специфику, что может являться ограничением при экстраполяции этих результатов на российскую действительность. В отечественной психологии недостаточно работ, изучающих российскую эмиграционную онлайн-инфраструктуру и ее возможности и/или ограничения. Для частичного восполнения данного пробела нами был проведен психологический анализ содержания и ключевых тем российских онлайн-форумов, посвященных эмиграции, с целью определить их роль в развитии и реализации эмиграционных намерений, а также в профилактике и преодолении пре-аккультурационного стресса. Мы поставили ряд исследовательских вопросов, касающихся следующих аспектов: личность пользователей; тематическое наполнение; задачи и психологические функции форумов; роль форумов в принятии решения об эмиграции и в адаптации. Таким образом, мы предполагали, что данное исследование позволит глубже понять причины роста миграционных потоков из России и мотивы эмигрантов; даст возможность оценить роль тематических онлайн-форумов в развитии эмиграционных намерений россиян, выявить возможности подобных интернет-ресурсов как средства информационной и психологической поддержки потенциальных эмигрантов; внесет вклад в понимание задач и конкретных путей организации профилактики эмиграционного поведения в России.

Сбор данных осуществлялся из общедоступных сообщений, опубликованных за период с марта 2019 по февраль 2020 года на пяти российских тематических форумах, посвященных эмиграции. Форумы (<https://nesiditsa.ru>; <https://forum.avd.ru>; [218](https://</p></div><div data-bbox=)

emigrantforum.ru; <https://1h2.ru>; <https://From-russia.org>) были отобраны исходя из популярности их выдачи при поисковых запросах («Форумы эмигрантов», «Переезд из России», «Эмиграция форум», «Как переехать жить за границу?» и т.п.) в системах Яндекс и Google, а также на основе статистики сервиса liveinternet.ru о частоте их посещений. Основной массив данных целенаправленно был сформирован из высказываний, опубликованных до введения ограничительных мер в России (связанных с пандемией COVID-19), в целях анализа типичного для подобных форумов информационного материала. Анализ сообщений на данных форумах за период с марта по декабрь 2020 года подтвердил целесообразность выбора временного отрезка (март 2019 — февраль 2020 года) для основного исследования: активность участников форумов с марта по декабрь 2020 года оказалась в большей степени связана с обсуждением закрытия границ и ограничений в различных странах, то есть была обусловлена уникальной ситуацией пандемии, перекрывшей типичные для предыдущих месяцев и лет темы обсуждения.

Применялся тематический анализ данных [Мельникова и др., 2014; Braun, Clarke, 2021] как качественный метод, наиболее соответствующий характеру анализируемого материала и цели исследования. Все высказывания, собранные на форумах, были включены в процесс кодирования и создания тематических карт и распределены как тематические смысловые единицы. Кодирование осуществлялось с использованием программы QDA Miner. Для повышения объективности и качества кодирования привлекались два независимых эксперта-психолога. Сначала из массива данных были выделены утверждения/вопросы, связанные с эмиграционными намерениями и/или эмиграционным опытом участников (1863 извлечения). Далее в целях структурирования обширного текстового материала и оценки представленности в обсуждениях различных этапов эмиграции использовался (в рамках тематического анализа) подход надежности кодирования. Ключевые темы были определены в соответствии с четырехэтапной моделью добровольной эмиграции А.С. Табор и Т.Л. Милфонта: предварительное рассмотрение вопроса об эмиграции, размышление, действие и аккультурация [Tabor, Milfont, 2011].

В ходе осуществления тематического анализа два первых этапа эмиграции были объединены и представлены как одна тема «Принятие решения об эмиграции». Сделать это пришлось в связи со сложностью определения критериев дифференциации высказываний, относящихся либо к первому (предварительное рассмотрение вопроса об эмиграции), либо ко второму (размышление об эмиграции) этапу эмиграции. Также в процессе анализа текстового материала была определена дополнительная ключевая тема, не отраженная в модели А.С. Табор и Т.Л. Милфонта, — «Возвратная миграция». Таким образом, на первом этапе тематического анализа с помощью подхода надежности кодирования текстовый материал объединялся в четыре ключевые темы: «Принятие решения об эмиграции», «Осуществление эмиграции», «Аккультурация» и «Возвратная миграция».

Далее проводился рефлексивный тематический анализ с целью определить доминирующие подтемы внутри ключевых. Для этапа принятия решения об эмиграции такими подтемами стали «Макрофакторы и условия эмиграции», «Микрофакторы и условия эмиграции», «Личностные предикторы успешного эмиграционного поведения». Для стадии «Осуществление эмиграции» — «Причины и проявления пре-аккультурационного стресса» и «Способы совладания». В силу небольшого числа сообщений на форумах, отражающих этапы аккультурации и возвратной миграции, были выделены всего две соответствующие подтемы: «Характер сложностей обустройства на новом месте» и «Причины возвращения». Подход надежности кодирования использовался также при анализе высказываний участников форумов, отражающих способы совладания с трудными ситуациями на этапе осуществления эмиграции. В результате анализа все описанные на форумах варианты совладания были систематизированы и отнесены к различным копинг-стратегиям (подтемам) на основе классификации, предложенной И.П. Стрельцовой [Стрельцова, 2003].

Анализ данных позволил выделить **типы групп участников исследуемых форумов**: потенциальные эмигранты, интересующиеся переездом за рубеж и/или уже совершающие конкретные действия для переезда за границу (61%); реальные эмигранты, уже переехавшие за рубеж, готовые делиться опытом (22%);

эмигранты, переехавшие за рубеж ранее, но в данный момент вернувшиеся в страну исхода (13%); посетители форумов, чей эмиграционный статус в ходе анализа данных установить не удалось (4%). В качестве топикстартеров (инициаторов тем) на рассмотренных форумах в большинстве случаев (85% всех тем) выступали лица, принимающие решение об эмиграции; 10% тем были начаты эмигрировавшими; в остальных случаях (5% тем) не удалось определить эмиграционный статус человека, запустившего тему.

В большинстве случаев роли и функции на форумах распределялись следующим образом: одни потенциальные эмигранты задавали вопросы, просили совета, описывая себя (образование, знание языка, финансы, пожелания к стране переезда и т.д.), а реальные эмигранты и другие потенциальные эмигранты давали рекомендации, исходя из своего опыта и/или опыта знакомых. В ряде случаев инициаторами обсуждения выступали реальные эмигранты, среди которых одни делились трудностями адаптации или причинами возвратной миграции и сопровождающими эти события эмоциями, а другие — позитивным опытом переезда. В целом анализ восприятия эмиграции участниками форумов показал, что большинство из них демонстрирует положительное отношение: сообщений с поддерживающей и одобряющей эмиграцию коммуникацией на 28% больше, нежели сообщений с ее негативной оценкой. Основное внимание на форумах уделялось периодам планирования (49% высказываний от общего числа закодированных элементов) и осуществления (40%) эмиграции. Гораздо меньше сообщений относилось к периодам адаптации после переезда (8%) и возвратной миграции (3%).

Рассмотрим содержание основных смысловых подтем форумов, соответствующих этапу «принятия решения об эмиграции» (49% высказываний от общего числа закодированных элементов), из которых на «Макрофакторы и условия эмиграции» пришлось 46% высказываний, на «Микрофакторы и условия эмиграции» — 33%, а на «Личностные предикторы успешного эмиграционного поведения» — 21%.

Подтема «**Макрофакторы и условия эмиграции**» включает высказывания относительно влияния окружающего пространства, среды проживания, социальной, экономической, геополити-

ческой обстановки, уровня преступности и т.д. в стране исхода на желание граждан эмигрировать, а также обсуждение условий жизни в странах предполагаемого переезда. Примеры высказываний: «Наши друзья рассказывают о жизни в Европе как о сказке — не нужно выживать, живи, работай, расти детей»; «Меня волнует отношение к экологии у нас. С таким отношением страна скоро будет непригодна для проживания». От разных географических направлений переезда участники форумов ожидают различных преимуществ. С Европой связывают надежды на «цивилизованную жизнь», «культурную жизнь», «лучшие перспективы для развития детей», «заботу об экологии». Американское направление на анализируемых форумах связывают с такими характеристиками, как «свобода», «возможность открыть свое дело», «правовое общество». В восточном направлении (Китай, Республика Корея, Япония) участников форумов привлекают «возможность использовать передовые технологии», «дисциплинированные и трудолюбивые люди», «интересная культура».

Подтема **«Микрофакторы и условия эмиграции»** содержит высказывания о жизненных ситуациях в семье, на работе, то есть отражает локальные проблемы и переживания людей, влияющие на их эмиграционные намерения и планы («После развода мне хотелось начать с чистого листа, сменить окружение»; «Всерьез стали с женой обсуждать варианты после смерти родителей»). Потенциальные эмигранты часто ожидают лучших условий жизни за границей: «Я уверена, что трудности того стоят, по крайней мере для лучшей жизни детей и внуков»). Реальные эмигранты размышляют о жизни на новом месте («Здесь ценится личность, люди более толерантны к вашим слабостям, не лезут в личное пространство. Но и вам нужно быть таковым»). Иногда это укрепляет планы тех, кто находится на более ранних стадиях принятия решения, что проявляется в ответных реакциях участников обсуждения («Спасибо, мне важно было услышать мнение реально переехавшего в Турцию человека, а не диванных экспертов»). Встречаются как восторженные отзывы о стране и жизни за рубежом («Если бы меня спросили, правильно ли я сделала, что уехала в Канаду, я бы сказала: “Нет, надо было сделать это как можно раньше”. В России я просто существовала, а не жила, а здесь уровень жизни стал достойный»), так и предо-

стерегающие высказывания («Если нет денег — даже не суйся в Европу. Ты там просто никто, да еще и русский “никто”»). Однако чаще проявляется поддержка потенциальных эмигрантов в их решении переехать, а не осуждение.

Активно обсуждаются возможности трудоустройства, задаются вопросы о подтверждении образования, оценивается его востребованность в стране потенциального переезда («Может, кто знает о переезде или временной работе в Индии? Мне сказали, что на Гоа ценятся врачи»). Некоторые работодатели выставляют на форумах вакансии для желающих переехать. Предположения о возможностях трудоустройства более радужные у тех, кто считает себя конкурентоспособным в профессии. Часто это IT-специалисты, люди, знающие местный язык, профессионалы в сферах, где квалификация не требует подтверждения или не связана с коммуникацией: операторы различных станков, повара, строители («Парень [учился со мной] быстро нашел работу в Польше. Думаю, и я смогу, там ценят хороших сварщиков, достойно платят»). Те участники форумов, кто не планирует работать по имеющейся специальности, высказываются об испытываемой тревоге и сожалении о прерывании профессионального развития («Я буду вынужден начать все с нуля, столько сил было потрачено, а это не пригодится в Канаде»; «Здесь я знаю, кто я, — бухгалтер, уважаемый в общем-то человек. А кем я буду там? Может, первое время придется и полы мыть»).

Важнейшим фактором, оказывающим влияние на принятие решения об эмиграции, по мнению участников форумов, является семья. Часто обсуждается тема определения драйвера эмиграции в супружеской подсистеме (того, кто инициирует процесс), описания его взаимоотношений с другими членами семьи и испытываемых эмоций. Случается, что другой супруг не хочет переезжать, и возникает конфликт интересов, провоцирующий негодование, страхи, чувство вины и другие переживания у супругов («Я боюсь, что муж не простит мне, если не будет счастлив в Европе»; «Я ездил на разведку, все узнал. Я предложил пожить на две страны, а как только я все устрою, заберу их с детьми. Но она боится»). Семьи, размышляющие о переезде, довольно часто сталкиваются с неодобрением со стороны родственников, выражающих страхи потерять связь с детьми и вну-

ками («Против нас все ополчились. У моих и ее родителей страх остаться без стакана воды и страх, что внуки их могилки не приберут»; «Мы как объявили своим, так каждый раз теперь концерты: прощаются каждый раз, как в последний... И смешно, и жалко родителей»). В связи с этим у участников форумов возникает вопрос, как информировать расширенную семью о переезде, и проявляется стремление получить поддержку и одобрение («Я очень боюсь этого разговора. Мнение родителей важно для меня, хочется благословения, а не укора»). Забота о детях может выступать как стимулирующим («Я думаю о том, как мои дети [3 и 11 лет] смогут жить, учиться и работать в России. Я не верю, что все поменяется так, что они смогут себя реализовать и не захотят уехать. Пускай лучше уедут и привыкнут сейчас»), так и сдерживающим фактором эмиграции («В России вся семья что-то дает ребенку, а в Штатах любить его будем только мы»).

Стержнем рассуждений о личностных предикторах успешного эмиграционного поведения, представленных на анализируемых форумах, является полилог о том, что успех эмиграции обусловлен такими качествами, как осознанность, сила воли, умение планировать, организованность, настойчивость («Нужно быть меганастойчивым, суперорганизованным, архипробивным»; «Сила воли — вот что нужно, чтобы рвануть. Все знакомые мне русские эмигранты — очень настойчивые и сильные люди»). На форумах делается вывод о том, что существует два типа людей: те, которые всегда стремятся к переменам (потенциальные эмигранты), и те, кого перемены пугают («Есть люди статичные и динамичные, первые никуда и не уедут никогда»; «Сорваться, все бросить и начать с нуля — это чистый авантюризм и кайф. У меня в крови способность сорваться с места и начать с нуля»).

Обратимся к рассмотрению содержания основных смысловых подтем форумов, соответствующих этапу осуществления эмиграции. Их доля — 40% от общего числа закодированных элементов, из которых на тему «Причины и проявления пре-аккультурационного стресса» приходится 20%, а на тему «Способы совладания» — 80%. Стресс перед отъездом рассматривается уже переехавшими участниками форумов как закономерная часть взлетов и падений, которые приходят вместе с принятием

решения о переезде за границу. Отмечаются такие актуальные проблемы, провоцирующие стрессовые реакции, как уход с работы, необходимость принятия решения о том, какую именно часть страны выбрать для переселения, продажа жилья, трудности, связанные с самим переездом. Процесс эмиграции описывается как финансово истощающий, бюрократически сложный и полный неопределенности. Неопределенность во многом связана с прохождением эмигрантами процедуры подачи заявки на получение резидентства, что часто сопровождается тревожным ожиданием и сомнениями в позитивном исходе. Судя по репликам участников форумов (как потенциальных, так и реальных эмигрантов), волнение и страх перед самим отъездом очень характерны для этапа осуществления переезда («Хорошо размышлять на диване, но чем больше я делаю, тем более страшно мне становится... Я в ужасе завис в прыжке на другую землю»; «Устроишься ли — вот был мой самый большой страх»). При этом некоторые потенциальные эмигранты не только описывают трудности и сложные переживания, но и ожидают/просят информационной, эмоциональной, психологической поддержки у других участников форумов, указывают на ее значимость («Это самый сложный этап, я не ожидала. У всех так было? Как справлялись?»; «Есть тут кто-то из Чехии? Нужны явки-пароли, принимаю любые советы, как обосноваться и оформить все бумажки»; «Чем больше я с тобой общаюсь, тем больше уверенности, что правильно все делаю, а то руки иногда опускаются»). Часто эту поддержку получают: на анализируемых форумах на каждое сообщение с вопросом приходится в среднем четыре сообщения-ответа.

Содержание подтемы «**Способы совладания**» составили высказывания-размышления о приемах и способах справиться со стрессом, предлагаемые в ответ на соответствующие просьбы, а также описываемые участниками форумов действия, проверенные когда-либо самостоятельно. В результате анализа все встречающиеся на форумах варианты совладания были систематизированы и отнесены к различным копинг-стратегиям на основе классификации, предложенной И.П. Стрельцовой [Стрельцова И.П., 2003]. Больше всего высказываний оказалось посвящено копинг-стратегиям, направленным на пробле-

му (42% от общего числа реплик, включенных в подтему). Из них на разрешение проблемы, связанное с анализом трудной ситуации, рассмотрением альтернатив решения, планированием практической деятельности, указывали 25% тематических фрагментов («Нужно шаг за шагом отвечать себе на вопросы, сколько и на что нужно денег, где их взять, какие документы и где оформить»). Изменению взгляда на проблему, предполагающему снижение значимости сложной ситуации, философское отстранение и/или юмор, было посвящено 12% высказываний («Ну, варианта только два — уедешь или останешься. А нет, три: не понравится — вернешься»; «Все мы путешествуем по жизни, одни — в пределах квартала, другие — через океаны»). Меньшее число реплик было связано со стратегией принятия ситуации как неизбежной — 3% («Это судьба всех новичков — чувствовать себя рыбой на берегу, не ты первая») и пассивным ожиданием разрешения проблемы — 2% («Я семь лет ждал, пока все сойдется, появится конкретика»).

Копинг-стратегиям, направленным на других людей, было посвящено 25% высказываний от общего числа реплик, включенных в подтему. Из них 14% реплик было связано с ориентацией на социальную поддержку (эмоциональную и инструментальную), на сотрудничество и альтруизм («Ну, поэтому я и люблю висеть на этом форуме — пообщаться с себе подобными, подзарядиться»; «Я помогу, как мне помогли и рассказали в мое время»). Противодействию как способу совладания, связанному с агрессией, протестом и обвинениями, было посвящено 8% высказываний («Всегда будут люди, которым ничего не хочется, и тебя будут отговаривать, их надо просто послать»). Отстранение, предполагающее поддержание маски благополучия и/или уход в себя, было отмечено в 3% реплик («Если трудно, то нечего скучить, улыбайся, не показывай слабость»).

Стратегии совладания с фокусом на эмоциональном состоянии выявлены в 27% высказываний. Из них 10% реплик отражают способы сознательной регуляции эмоционального состояния, связанные с контролем эмоций, расслаблением, физической разрядкой («Не давай эмоциям накрыть тебя, только холодный расчет!»; «Если гуглить постоянно, с ума сойдешь, устрой себе релакс — голове и телу»; «Я в самый накал страстей

шел в тренажерку, выпускал пар»). Отвлечению, связанному с компенсацией и развлечениями, посвящены 9% высказываний («Выпей вкусный чай с шоколадкой, выпись — и тогда решай!»). Импульсивное поведение прослеживается в 5% реплик («Возьми билет в один конец и поезжай, на месте разберешься!»). 3% высказываний отражают стратегию ухода от ситуации, в частности употребление алкоголя и/или наркотиков («Волнуешься — выпей»).

Копинг-стратегиям, ориентированным на поддержание самооценки, чувства собственного достоинства и уверенности в себе, принятие на себя ответственности, сохранение самоуважения, было посвящено 6% высказываний («Я поверила, что мне все по силам, и решилась»; «Никто за тебя не примет решение, ты сам знаешь, как надо поступать!»).

Этапу аккультурации соответствовало лишь 8% высказываний от общего числа закодированных элементов. Обсуждались трудности обустройства на новом месте, психологическая и социальная адаптация, тоска по дому, описание некоторых проблем налаживания контактов с местными жителями, финансовых трудностей («Я должна была полностью переучиться всему. Это было все равно что проснуться с амнезией и не вспомнить, где купить хлеб. И вы потратите уйму времени, чтобы вернуться в зону комфорта»; «Я ни с кем не могу сблизиться. Они все улыбаются, но очень отстраненные, себе на уме. Иногда одиноко бывает»).

На каждом из рассмотренных нами форумов были представлены также реплики вернувшихся в Россию эмигрантов о причинах переезда из-за рубежа (подтема **«Причины возвращения»**, 3% высказываний от общего числа закодированных элементов). Чаще всего они были обусловлены микрофакторами: нежеланием работать не по специальности, конфликтами в семье из-за стресса от переезда, неспособностью заработать на жизнь и т.д. («Надо подтвердить диплом — только так можно выйти на нормальный доход. Я был не готов работать дворником»).

Итак, доминирующим содержанием российских онлайн-форумов, посвященных эмиграции, являются дискурсы о принятии решения и осуществлении переезда за границу, о сопровождающих эти этапы проблемах, переживаниях, об источниках

и поисках средств поддержки и совладания. Ресурсный потенциал тематических форумов чаще используется людьми, находящимися на стадии рассмотрения, подготовки к эмиграции и ее осуществления. Именно эти люди составляют подавляющее большинство участников подобных форумов, являются основными инициаторами онлайн-коммуникации. Эти данные соотносятся с результатами нашего исследования по смежной тематике [Гриценко, Ефременкова, 2013], согласно которым именно стадии принятия решения о переезде и его осуществления (переживания, проблемы, способы совладания, характерные для этих этапов) находят наибольшее отражение в пространстве сообщений форумов, связанных с эмиграцией. Однако наряду с потенциальными эмигрантами немалочисленную группу участников составляют и реальные эмигранты, уже осуществившие переезд и готовые делиться опытом.

Несомненно, участие в подобных онлайн-форумах обусловлено теми потребностями, которые (сознательно или бессознательно) люди стремятся удовлетворить [Припорова, Агадуллина, 2019]. Такими ключевыми потребностями, согласно результатам нашего анализа, могут выступать: получение информации и обмен ею, получение и оказание помощи в принятии решения, психологическая поддержка, снижение уровня стресса, самопрезентация, самореализация. При этом роль экспертов нередко берут на себя не только реальные, но и потенциальные эмигранты. Тематические онлайн-форумы, посвященные эмиграции, — это пространство коммуникации людей, как правило, объединенных общими ценностями, интересом к международной мобильности и/или опытом подобных передвижений, сходным отношением к стране текущего проживания, мотивами эмиграции и т.д. Эти сходства способны стимулировать доверие между коммуникаторами, повышая желание участвовать в дискуссиях, стимулируя эмоциональную вовлеченность в общение. А анонимность участия, добровольный характер, наряду с возможностью в любой момент покинуть пространство форума, повышают мотивацию включения людей в подобные сообщества.

Интернет-коммуникация в пространстве тематического форума, в которой человек выбирает роль активного коммуникатора или внимательного наблюдателя, может рассматриваться как

форма социального капитала для ее участников [Свенцицкий и др., 2020], как форма поддержки, доступ к которой довольно прост и, по сути, ничем не ограничен, а общий эмоциональный фон пространства дружелюбный и поддерживающий. Аудитория подобных форумов вполне может рассматриваться как дискурсивное сетевое сообщество [Гребенщикова, 2019; Патяева, 2018], обладающее признаками и потенциалом открытой саморегулируемой психотерапевтической группы, в которой могут действовать ключевые терапевтические механизмы групповой психотерапии, описанные И. Яломом [Ялом, 2010].

Нами уже рассматривались возможности виртуального общения в условиях тематических онлайн-форумов как средства разрешения личных проблем и трудностей членами семей трудовых мигрантов в ситуации вынужденной разлуки [Гриценко, Ефременкова, 2013]. Одно из значимых преимуществ подобных форумов — это возможность оперативно, анонимно и открыто делать запросы и получать на них ответы от большого количества людей с соответствующим опытом [Гриценко, Ефременкова, 2013]. Получение и обмен информацией — это значимый фактор, повышающий вероятность осуществления международной мобильности. Недостаток информации — важнейший барьер, сдерживающий эмиграцию [Kotyrló, 2020]. Общение с уже переехавшими людьми как средство доступа к адекватной информации — это важнейший способ снижения неопределенности и совладания с проявлениями пре-аккультурационного стресса [Jasinskaja-Lahti, Yijälä, 2011; Kotyrló, 2020]. При этом анонимность общения здесь играет особенно значимую роль [Thulin, Vilhelmsen, 2016].

Преимущественно одобряющий эмиграцию характер коммуникации на рассматриваемых площадках свидетельствует об их стимулирующей роли в формировании представлений об эмиграции как о доступной модели поведения и выступает, по сути, механизмом внушения надежды [Ялом, 2010], когда благодаря позитивным примерам эмиграции у человека формируется вера в успешность собственного переезда. На форумах приведены примеры широкого спектра совладающего поведения, представлен опыт возвратной миграции с указанием ее причин, что позволяет участникам соотнести собственные мотивы, пред-

почтения, ожидания с приведенными примерами, скорректировать планы и программу предстоящего переезда (действие механизмов имитационного поведения и интерперсонального влияния) [Ялом, 2010]. Восстановлению благоприятного эмоционального состояния способствуют такие терапевтические механизмы, как снятие уникальности страданий и катарсис [Ялом, 2010]. Люди осознают, что другие коммуникаторы тоже имеют проблемы, переживания, конфликты, с которыми стараются справиться. При этом онлайн-коммуникация на форумах дает возможность осуществить эмоциональную разрядку, отреагировать сильные эмоции, связанные с планируемым переездом. Особенно значим с точки зрения повышения самооценки, самоуважения и развития уверенности в себе альтруизм [Ялом, 2010] как возможность в ходе онлайн-общения быть полезным, помогать другим. Действие данных терапевтических механизмов в процессе онлайн-общения может приводить к формированию у участников чувства «мы», принадлежности и доверия данному онлайн-сообществу, формировать новую поддерживающую социальную сеть, играющую важнейшую роль в профилактике/преодолении пре-аккультурационного стресса [Jasinskaja-Lahti, Yijälä, 2011].

Таким образом, участие в рассматриваемых онлайн-форумах может стать важнейшим фактором профилактики/преодоления пре-аккультурационного стресса путем снижения неопределенности, повышения общей осведомленности о процессе эмиграции и особенностях страны предполагаемого переезда, формирования положительных ожиданий относительно предстоящего переезда и адаптации, основанного на адекватной информации от иммигрантского сообщества, возможности отреагировать сильные эмоции, получить/оказать поддержку, скорректировать собственное поведение, научиться новому и т.д.

Проведенное исследование показывает, что российская модель функционирования тематических онлайн-форумов, посвященных эмиграции, соотносится с зарубежными [Coulson et al., 2007; Tabor, Milfont, 2013]. Стоит отметить, однако, что позитивный эффект от участия в подобных онлайн-сообществах во многом зависит от самого человека, его умения критически мыслить и оценивать поступающую информацию, мотивации к

обучению и развитию умений справляться с проблемами, реализуя продуктивные копинг-стратегии. Интернет таит в себе массу рисков и вероятных негативных последствий для пользователей [Крайнюков, 2019], поэтому так важны критический подход к информации, проявление субъектной позиции при ее получении и переработке, активное управление собственным вниманием и отсеивание ложной информации [Патяева, 2018]. Не менее актуальны также задачи сохранения своих психологических границ при онлайн-общении, преодоления риска замыкания в подобных онлайн-сообществах и формирования зависимости от них [Патяева, 2018].

Подчеркнем, что анализу в данном исследовании подверглись лишь общедоступные сообщения тематических форумов. В силу объективных причин за рамками анализа осталась личная переписка участников. А именно в личной переписке, согласно некоторым эмпирическим данным, оказывается наибольшая эмоциональная поддержка участникам онлайн-коммуникации [Хе, 2008]. Эта линия анализа может стать перспективным направлением дальнейших исследований в данной области, как и проведение очного интервьюирования участников данных форумов с целью выявления их мотивации посещения таких онлайн-площадок и субъективной значимости подобного опыта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное на страницах данной монографии исследование предполагает особый взгляд на одну из острейших проблем, актуальных как для современной России, так и для других стран, — проблему утраты ценного молодого образованного человеческого капитала в результате эмиграции. И взгляд этот отражает мировую тенденцию смещения фокуса внимания исследователей с экономических причин на психологические факторы и механизмы формирования эмиграционной активности молодежи.

Реализованное исследование отличается комплексным характером, широтой решаемых научных и практических задач, новизной и оригинальностью. Осуществленный в исследовании теоретико-методологический синтез теории планируемого поведения А. Айзена и концепции социально-психологического пространства А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко позволил комплексно взглянуть на проблему психологической обусловленности планируемого эмиграционного поведения молодежи и провести кросс-культурный анализ социально-психологических предикторов эмиграционной активности студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России на качественно новом системном уровне. В рамках работы над проектом были созданы два авторских опросника, направленных на оценку мотивационных основ и особенностей планируемого эмиграционного поведения молодежи. Эта работа позволила восполнить существующий методический пробел, связанный с недостатком качественных психологических инструментов по оценке эмиграционной активности молодежи.

Можно сказать, что в результате проведенного исследования был сформирован социально-психологический портрет ориентированной на эмиграцию современной студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России. Портрет, зафиксированный в уникальных социально-исторических условиях — условиях пандемии COVID-19. И мы рады, что нам удалось отразить в этом портрете многое: степень выраженности эмиграционных интенций у молодежи трех стран, систему их эмиграционных мотивов, географические направления и особенности плани-

руемой эмиграции, индивидуальные ценности, представления о личном настоящем и будущем, профессиональную идентичность, удовлетворенность жизнью, представления о настоящем и будущем страны проживания, этническую, гражданскую и глобальную идентичности, систему эмоциональных привязанностей к стране, месту жительства, близким людям, воспринимаемую безопасность и дискриминацию, а также страх перед COVID-19 и объективную дистанцию с данным заболеванием. Удалось выявить как сходства, так и различия в этих портретах. Достоинством работы, на наш взгляд, является также то, что были проанализированы социально-психологические предикторы планируемой эмиграционной активности молодежи, работающие как на интенциональном, так и на действенном уровне — уровне поведенческих проявлений. Наряду с этим мы рады, что удалось коснуться не только значимых внутренних факторов планируемого эмиграционного поведения молодежи, но и внешних, представив картину современного интернет-пространства российских тематических онлайн-форумов, посвященных эмиграции, и проанализировав роль этих форумов в развитии эмиграционной активности и преодолении преакультурационного стресса у потенциальных эмигрантов.

Модель планируемого эмиграционного поведения, построенная в соответствии с теорией А. Айзена, продемонстрировала высокий объяснительный потенциал у студенческой молодежи трех стран, включенных в исследование: аттитюды, субъективные нормы и воспринимаемый контроль в отношении эмиграции играют значимую роль в формировании эмиграционных намерений у молодых белорусов, казахстанцев и россиян, а намерения, в свою очередь, выступают фактором поведенческой эмиграционной активности молодежи. При этом культурно-универсальной характеристикой планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи трех стран является бóльшая выраженность эмиграционных намерений, нежели поведения по их реализации, а у студентов из России поведение по реализации эмиграционных намерений выражено в меньшей степени в сравнении со студентами из Беларуси и Казахстана (различий в выраженности эмиграционных намерений у студентов трех стран не обнаружено). На эмиграционные намерения

студентов трех стран большее влияние оказывают позитивные установки в отношении эмиграции и воспринимаемые нормы, нежели воспринимаемый контроль. При этом рассматриваемые факторы вносят большой вклад в объяснение эмиграционных намерений у белорусов и казахстанцев, чем у россиян. Поведение по реализации эмиграционных намерений также в большей степени обусловлено эмиграционными намерениями в белорусской и казахстанской выборках в сравнении с российской.

Среди молодых россиян в 2021 году было значительно больше тех, кто ориентировался на временную, а не на постоянную эмиграцию. В то время как среди белорусов и казахстанцев численность студентов, планирующих переезд за границу на время и навсегда, была практически одинакова. В целом в условиях пандемии COVID-19 нами было зафиксировано довольно большое число планирующих переезд за границу студентов трех стран (более 60% опрошенных в каждой выборке), при этом значительная часть студентов (порядка трети в каждой выборке) уже определилась со страной предполагаемого переезда: чаще отмечалось европейское и североамериканское направления, реже — восточное. Пандемия COVID-19 не стала препятствием на пути формирования эмиграционной активности молодежи трех стран: был зафиксирован высокий уровень выраженности эмиграционных интенций в условиях пандемии и не обнаружено связей выраженности эмиграционной активности у студенческой молодежи со страхом перед COVID-19 и объективной дистанцией с данным заболеванием.

Были обнаружены сходства и различия в связях эмиграционных намерений с социально-демографическими параметрами студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России. Не было выявлено половых различий в выраженности эмиграционных намерений у студентов трех стран. Среди казахстанской молодежи эмиграционные намерения в большей степени оказались выражены у владеющих иностранными языками более молодых студентов с низким материальным достатком, в то время как для белорусских студентов важную роль при формировании эмиграционных намерений играет опыт международной мобильности, а для россиян — низкая материальная обеспеченность и воспринимаемая поддержка от близких, находящихся за границей.

Пространство доминирующих эмиграционных мотивов у белорусских и российских студентов гораздо шире, чему у казахстанских. В целом у казахстанской молодежи в 2021 году наблюдалась большая удовлетворенность социально-экономической и политико-правовой ситуаций в стране проживания в сравнении с удовлетворенностью этими параметрами у студентов Беларуси и России. Доминирующими эмиграционными мотивами у российских студентов являлись следующие: обеспокоенность высоким уровнем коррупции и недовольство экономической ситуацией в стране проживания; неудовлетворенность политической системой, системой правосудия и качеством образования в России; обеспокоенность экологической обстановкой; а также эмиграционный мотив, связанный с проявлением интереса к жизни в других странах. У белорусских студентов доминирующими мотивами планируемой эмиграции были неудовлетворенность экономической, политической и правовой ситуацией в стране проживания; желание повысить свою материальную обеспеченность при переезде; обеспокоенность возможными проблемами с поиском хорошей работы; ощущение небезопасности и отсутствие перспектив для самореализации в стране проживания, а также неудовлетворенность качеством образования в Беларуси. Доминирующими мотивами планируемой эмиграции у казахстанских студентов были интерес к жизни в другой стране и обеспокоенность экологической обстановкой в Казахстане. Культурно-универсальной особенностью мотивационных основ планируемой эмиграционной активности у студентов трех стран выступила низкая эмиграционная стимулирующая сила таких мотивов, как стремление к риску и новым впечатлениям, к устройству личной жизни, воссоединению с родственниками за рубежом и желание жить в другой, наиболее близкой культуре.

Ценности продемонстрировали наибольшую объяснительную способность в отношении эмиграционной активности казахстанских студентов. Для них ценностными основаниями эмиграционных намерений выступили отход от традиционности (ценностей Сохранения) в сочетании с поиском новизны, впечатлений и перемен (ценностями Открытости изменениям) и стремлением к достижениям и влиянию (ценности Самоутверждения). У белорусских студентов в данном случае от-

мечалось лишь нивелирование традиционности (ценностей Сохранения). У российских студентов взаимосвязей между ценностями и эмиграционными намерениями обнаружено не было.

Приоритетную роль в формировании эмиграционной активности студенческой молодежи трех стран сыграли эмоциональные, а не когнитивные компоненты этнической, гражданской и глобальной идентичностей. Культурно-универсальной особенностью стала отрицательная связь между эмоциональным компонентом гражданской идентичности и эмиграционной активностью, обнаруженная у студентов исследуемых стран: снижение позитивного отношения к гражданам своих стран способствовало развитию эмиграционной активности молодежи. В то же время у студентов из Казахстана и России увеличение положительной эмоциональной идентификации с людьми всего мира (глобальная идентичность) сопровождалось ростом их эмиграционной активности (у белорусских студентов данной связи обнаружено не было). При этом у казахстанских студентов эмоциональный компонент глобальной идентичности оказался связан только с эмиграционными намерениями, а у российских студентов — и с намерениями, и с поведением по их реализации. Помимо этого только у российских студентов была выявлена связь эмиграционных намерений с неопределенностью этнической идентичности, и только у белорусских студентов присутствовала связь между эмоциональным компонентом этнической идентичности и эмиграционной активностью: уменьшение привязанности к своей этнической группе способствовало формированию у белорусских студентов как эмиграционных намерений, так и поведения по их реализации. Выраженность профессиональной идентичности выступала детерминантной эмиграционных намерений у студентов трех стран только тогда, когда оценивалась как единичный предиктор. В общей модели с ценностями и удовлетворенностью жизнью данная связь нивелировалась у студентов трех стран. Низкая удовлетворенность жизнью выступила культурно-универсальным предиктором эмиграционных намерений для студентов Беларуси, Казахстана и России. При этом наиболее сильные отрицательные связи между эмиграционной активностью и удовлетворенностью жизнью проявились у белорусов и казахстанцев.

Особенно значимыми предикторами эмиграционных намерений молодежи Беларуси, Казахстана и России выступили представления о настоящем и будущем стран проживания. Было выявлено, что образ будущего страны проживания в каждой выборке более позитивен, чем образ настоящего. Наиболее оптимистичный образ настоящего и будущего страны проживания присущ казахстанским студентам. Они же в 2021 году продемонстрировали большую сопричастность настоящему и будущему своей страны, чем россияне и белорусы. В 2021 году среди российских студентов эмиграционные намерения оказались выражены в большей степени у тех, кто рассматривал настоящее России как менее длительное, менее свободное, скорее значительное, чем незначительное, но в то же время более скучное. Будущее России настроенная на эмиграцию российская молодежь представляла как значительное, но не насыщенное событиями. Поведение по реализации эмиграционных намерений было выражено в большей степени у тех российских студентов, которые рассматривали настоящее России как скучное, а будущее — как новаторское, не насыщенное событиями, но в то же время скорее значительное, чем незначительное. Белорусские студенты с выраженными эмиграционными намерениями воспринимали настоящее Беларуси как несплоченное, но свое, а будущее Беларуси — как несплоченное и связанное с настоящим страны. Поведение по реализации эмиграционных намерений было характерно для белорусских студентов, оценивающих настоящее своей страны как связанное с ее прошлым, а будущее — как связанное с ее настоящим. Среди казахстанских студентов намерения эмигрировать были выражены у респондентов, которые оценивали настоящее Казахстана как более прекрасное, но менее близкое, менее хаотичное и менее светлое. Стремилась переехать за границу также те казахстанские студенты, которые оценивали будущее страны как не свое и не связанное с ее настоящим. Поведение по реализации эмиграционных намерений было характерно для студентов, оценивающих настоящее Казахстана как более активное, но менее светлое, менее хаотичное и демонстрирующих низкую сопричастность будущему Казахстана («не мое»).

Представления о настоящем и будущем страны проживания продемонстрировали большую объяснительную способность в

отношении эмиграционной активности у студентов трех стран, чем представления об их личном настоящем и будущем. Наиболее оптимистичный образ личного настоящего и будущего был присущ казахстанским студентам. Значимыми факторами формирования эмиграционной активности казахстанской молодежи выступили субъективное стремление к упорядоченности настоящего, повышение его прозрачности и желание установления временной связи с личным прошлым. Белорусскую студенческую молодежь к переезду за границу стимулировало стремление кардинально изменить собственное будущее (в сравнении с личным прошлым) и наполнить его событиями. У российских студентов, ориентированных на эмиграционную жизненную стратегию, прослеживалось стремление дистанцироваться от собственного настоящего и изменить его в будущем в результате переезда путем введения новаторского компонента в его содержание, но в сочетании со снижением активности.

Эмоциональная привязанность к стране, месту проживания, родителям и воспринимаемая безопасность в стране проживания (отрицательные связи) наряду с воспринимаемой дискриминацией (положительная связь) как отдельные факторы выступили значимыми культурно-универсальными предикторами эмиграционных намерений у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России. При комплексном рассмотрении этих предикторов были обнаружены кросс-культурные различия в характере и силе их влияния на эмиграционные намерения молодежи трех стран. На российской выборке была выявлена хоть и статистически значимая, но более слабая отрицательная связь между эмоциональной привязанностью к стране проживания и эмиграционными намерениями в сравнении с белорусской и казахстанской выборками. Наибольшую роль в формировании эмиграционной активности фактор отсутствия эмоциональной привязанности к стране проживания сыграл у белорусских студентов. И сочетался он с выраженной воспринимаемой дискриминацией и низкой эмоциональной привязанностью к родителям. У казахстанских и российских студентов воспринимаемая дискриминация и привязанность к родителям не выступили значимыми предикторами эмиграционной активности в случае комплексной оценки. При этом у казахстанской и российской

молодежи, наряду с низким уровнем эмоциональной привязанности к стране, эмиграционные намерения оказались связаны с выраженной воспринимаемой поддержкой от значимых других за пределами страны проживания. Для российских студентов дополнительно значимым предиктором эмиграционных намерений в комплексной мультигрупповой модели социально-психологических факторов выступил низкий уровень воспринимаемой безопасности в стране проживания.

Прикладной аспект проведенного нами исследования отражен в многоуровневой системе разработанных рекомендаций по сохранению ценного образованного молодого человеческого капитала в России. При этом результаты данного исследования могут быть успешно использованы в сфере молодежной политики не только России, но и Беларуси и Казахстана — с целью прогнозирования и предупреждения эмиграции молодежи этих стран.

Мы надеемся, что представленные в монографии результаты будут стимулировать рост психологических исследований в области анализа содержания, механизмов, факторов и последствий эмиграционной активности современной молодежи и других групп населения. Мы будем рады, если результаты исследования будут способствовать развитию новых социально-психологических подходов к анализу детерминант планируемого эмиграционного поведения личности и расширению данного научного поля.

Тем не менее, несмотря на все достоинства проведенного исследования, как и любая научная работа, оно не лишено недостатков и ограничений. И мы считаем необходимым перечислить их для наилучшего понимания результатов проведенной работы и повышения эффективности их практического использования. Первое ограничение касается выборки исследования. Она объемна, но не репрезентативна. В выборках трех стран преобладают девушки, а казахстанскую выборку представляют преимущественно респонденты из северных регионов страны. Второе ограничение обусловлено тем, что в исследовании реализован корреляционный дизайн, вследствие чего делать выводы о причинно-следственных связях применительно к полученным результатам следует с осторожностью. Третье ограничение

касается методического инструментария: данные получены на основании самоотчетов, поэтому мы не можем исключить вероятность проявления социальной желательности при ответах респондентов. И наконец, четвертое ограничение связано с формой проведения опроса (онлайн), которая наряду со значительным числом преимуществ имеет и ряд недостатков, в частности — при сборе данных отсутствует внешний контроль за процессом и условиями заполнения анкеты респондентами. Однако в период пандемии COVID-19 онлайн-опрос все же являлся оптимальной (наиболее безопасной и оправданной) формой сбора эмпирических данных. И нам удалось в некоторой степени нивелировать обозначенное ограничение за счет тщательной индивидуализированной работы с собранным эмпирическим материалом: был произведен строгий отсев анкет, не соответствующих параметрам выборки, требованиям к заполнению, а также анкет, заполненных частично. Несмотря на присутствующие в исследовании ограничения, мы надеемся, что его результаты окажутся полезными в работе профильных специалистов в Беларуси, Казахстане и России и будут способствовать решению актуальной и стратегически важной для этих стран задачи по предупреждению оттока образованной молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдирайымова Г.С., Веревкин А.В., Лифанова Т.Ю. К оценке социального настроения казахстанского студенчества // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 107–113. DOI:10.31857/S013216250016670-0.

Айтжанова Д.Н. Основные этапы институализации государственной молодежной политики Российской Федерации и Республики Казахстан // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 1 (17). С. 149–157. DOI:10.25513/2312-1300.2018.1.149-157.

Акименко А.К. Представления о прошлом, настоящем и будущем в системе социально-психологической адаптации личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. (Акмеология образования. Психология развития). 2014. Т. 3. № 2. С. 131–141. DOI:10.18500/2304-9790-2014-3-2-131-141.

Аллахвердян А.Г., Аллахвердян В.А. Эмиграционные намерения ученых и студентов-психологов // Вопросы психологии. 2003. № 3. С. 101–109.

Архипова А.С., Захаров А.В., Козлова И.В. Этнография протеста: кто и почему вышел на улицы в январе — апреле 2021? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5 (165). С. 289–323.

Байков А.А., Лукьянец А.С., Письменная Е.Е., Ростовская Т.К., Рязанцев С.В. Эмиграция молодежи из России: масштабы, каналы, последствия // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 75–84. DOI:10.31857/S013216250002787-8.

Бакина А.В., Орлова О.А., Яремчук С.В. Компоненты ценностно-смысловой сферы личности как предикторы миграционных намерений молодежи (на примере города Комсомольска-на-Амуре) // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 95–113. DOI:10.17759/sps.2019100208.

Басманова Н.И., Васина Н.В., Плющ А.Н. Социально-психологические аспекты потенциальной эмиграции // Инновации в науке. 2013. № 24. С. 108–121.

Блинова Е.Е. Эмпирическое исследование кризиса идентичности как мотивационной основы миграционного поведения // Личность

в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2013. № 3. С. 129–136.

Богданова Е.В. Миграционные установки молодежи и миграционная политика в Республике Беларусь // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. (Экономические и юридические науки). 2018. № 14. С. 45–48.

Болотова С.В. Факторы эмиграции молодежи республики Бурятия // Вестник Пермского университета. (Философия. Психология. Социология). 2013. № 3 (15). С. 155–163.

Большой оксфордский толковый словарь английского языка = Oxford school dictionary: 45 000 слов и выражений / под ред. А. Делаханты и Ф. Макдональда. М.: АСТ; Oxford: Астрель, 2005.

Большой психологический словарь / [Авдеева Н.Н. и др.]; под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. 4-е изд., расш. М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009.

Бондырева С.К., Колесов Д.В. Миграция (сущность и явление). М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004.

Бочарова Е.Е. Временная перспектива личности студента с разным уровнем адаптационной готовности // Известия Саратовского университета. Новая серия. (Акмеология образования. Психология развития). 2014. Т. 3. Вып. 1. С. 267–273.

Будко Д.А., Лукьянова Г.В. Образ идеальной России в сознании студенческой молодежи. Вестник РУДН. (Политология). 2019. № 21 (2). С. 184–194.

Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году: статистический бюллетень. Опубл. 28.06.2019. [Электронный ресурс]. // URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (дата обращения: 15.12.2022).

Вартанян А.А. Международная образовательная миграция: региональный аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 2. С. 113–121.

Варшавская Е.Я., Чудиновских О.С. Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Серия 6. (Экономика). 2014. № 3. С. 36–58.

Винокуров В.В. Основные факторы формирования эмиграционных установок студентов (на примере Калининградской области) // Власть. 2017. Т. 25. № 6. С. 39–43.

Воробьева О.Д., Гребенюк А.А. Сравнительный анализ отечественной и зарубежной статистической информации об эмиграции граждан России // Вопросы статистики. 2017. Т. 1. № 9. С. 64–73.

Гаджимурадова Г.И., Рабат Л. Эмиграция граждан России в 2015–2020 гг.: мониторинг современных тенденций и перспектив // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 1. С. 33–42.

Голиков Н.А., Ковалькова А.С. Отношение старшеклассников к «утечке умов» — эмиграции на Запад // Новые технологии в образовании: материалы XX Междунар. науч.-практ. конф. М.: Перо, 2015. С. 84–93.

Гончаров С., Волков Д. Эмиграционные настроения. Оpubл. 26.11.2019. [Электронный ресурс]. // URL: <http://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4/> (дата обращения: 02.12.2022).

Гребенищикова Т.А. Интенциональный подход к выделению дискурсивных сообществ в Интернете // Психологические исследования. 2019. Т. 12. № 64. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 03.02.2022).

Гриценко В.В., Муращенкова Н.В., Ефременкова М.Н. Представления смоленских студентов о мотивах эмиграции современной российской молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. (Акмеология образования. Психология развития). 2020а. Т. 9. № 4 (36). С. 358–366. DOI:10.18500/2304-9790-2020-9-4-350-357.

Гриценко В.В., Ефременкова М.Н., Муращенкова Н.В. Социальные представления студентов об эмиграции и эмигранте // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. [Электронный журнал]. 2020б. Т. 5. № 4 (20). С. 171–195. DOI:10.38098/ipran.sep.2020.20.4.007.

Гриценко В.В. Русские среди русских: проблемы адаптации вынужденных мигрантов из стран Средней Азии и Казахстана в России // Этническая психология и общество / под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Старый сад, 1997. С. 306–315.

Гриценко В.В., Бражник Ю.В., Ефременкова М.Н., Ковалева Ю.В., Катровский А.П., Муращенкова Н.В., Смотрова Т.Н. Свои или чуж-

жие: социально-психологическая адаптация соотечественников в России. Смоленск: Смоленский гуманитарный университет, 2017.

Гриценко В.В., Ефременкова М.Н. Интернет-форум как среда психологической поддержки супругов из семей трудовых мигрантов в ситуации вынужденного расставания // Современные исследования социальных проблем. [Электронный научный журнал]. 2013. № 4 (24). URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/4201323> (дата обращения: 03.02.2022).

Гриценко В.В., Остапенко Л.В., Субботина И.А. Значимость гражданской, этнической и региональной идентичности для жителей малых российских городов и ее детерминанты // Социальная психология и общество. 2020в. Т. 11. № 4. С. 165–181. DOI:10.17759/sps.2020110412.

Гуревич А.М. Мотивация эмиграции. СПб.: Речь, 2005.

Гуревич А.М. Социально-психологические особенности личности и мотивации потенциального эмигранта (на примере репатриации в Израиль): Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2004.

Давыдов Д.А. Динамика массовых протестных акций в современной России: событийный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 72–93.

Данилов А.Н., Ротман Д.Г. Молодежь современной Беларуси: базовые ценности, жизненные планы и поведенческие стратегии // Вестник РУДН. (Социология). 2021. Т. 21. № 3. С. 469–481.

Дергунова Н.В., Лукафина Д.А. Гражданская идентичность российской молодежи в условиях миграции // Власть. 2017. Т. 25. № 10. С. 91–96.

Джананшиа А.З. Проблема изучения намерения на эмпирическом уровне // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 2. С. 82–85.

Дырина А. Беларусь после президентских выборов 2020 г. // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2020. Т. 58 № 74. С. 8–11.

Дырина А. Власть и оппозиция в Беларуси // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2021. № 60 (76). С. 22–27.

Емельянова Т.П., Белых Т.В., Шабанова В.Н. Образы прошлого, настоящего и будущего у представителей поколения «Бэби-бумеров» // Вестник Московского государственного областного университета. (Психологические науки). 2018. № 3. С. 75–85.

Журавлев А.Л. Коллективный субъект как феномен и понятие в современной психологии // Разработка понятий современной психологии / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 116–161.

Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Некоторые виды социально-психологических пространств самоопределяющегося субъекта // Психология образования: культурно-исторические и социально-правовые аспекты: материалы III Нац. науч.-практ. конф. М., 2006. Т. 1. С. 180–181.

Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Социально-психологическое пространство личности. М.: Институт психологии РАН, 2012.

Забродин Ю.М. Психологический анализ структуры отношений и динамики личности в социально-психологическом пространстве // Поликультурное пространство образования: материалы междунар. науч.-практ. конф. Воронеж, 2005. С. 20–29.

Зимняя И.А. Педагогическая психология: учебник для вузов. М.: Московский психолого-социальный институт. Воронеж: НПО «МОДЭК». 2010.

Зинченко Ю.П., Зотова О.Ю. Эмиграционные намерения и безопасность личности // Национальный психологический журнал. 2013. № 2 (10). С. 17–24.

Иванова Е.И. Миграционные намерения современных поколений россиян: новая волна миграции // Проблемы прогнозирования. 2017. № 3. С. 106–118.

Илеуова Г.Т., Симакова О.А. Социальное самочувствие и протестные настроения казахстанцев в преддверии январских выступлений 2022 года // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 95–106. DOI:10.31857/S013216250022093-5.

Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб: Питер, 2002.

Ильинский И.М., Луков В.А. Московские студенты: трансформации ценностных ориентаций // Вестник РУДН. (Социология). 2020. Т. 20. № 1. С. 50–63.

Инглхарт Р.Ф., Понарин Э.Д., Равлик М.В. Регрессионные модели в оценке факторов международной миграции // Социологические исследования. 2014. № 11. С. 23–33.

Ионцев В.А., Рязанцев С.В., Ионцева С.В. Новые тенденции и формы эмиграции из России // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 2. С. 499–509.

Казаренков В.И., Карнелович М.М. Связь этнической идентичности и самопрезентации студентов разных культурных групп в межличностном взаимодействии // Психолого-педагогический поиск. 2020. № 2 (54). С. 133–143. DOI:10.37724/RSU.2020.54.2.013.

Комаровский В.С. Образ желаемого будущего России: проблемы формирования // Власть. 2020. Т. 28. № 1. С. 45–50. DOI:10.31171/vlast.v28i1.7041.

Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М.: Этерна, 2012.

Кравцова А.Н., Кузнер Е.Н. Быть взрослым и/или уметь им быть: модели взросления ранних миллениалов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 120–139. DOI:10.14515/monitoring.2022.2.2141.

Крайнюков С.В. Влияние современных информационных технологий на картину мира человека // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 23–41.

Краткий психологический словарь / ред. А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. С. 121.

Кузнецов И.Ю., Кузнецова С.А. Самоопределение личности на жизненном пути. Магадан: Кордис, 2003.

Кузнецова С.А. Возможности изучения миграционных намерений в социальной психологии // Вестник РУДН. (Психология и педагогика). 2012. № 3. С. 60–65.

Кузнецова С.А. Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований // Социальная психология и общество. 2013. № 4. С. 34–45.

Лебедева А.А., Леонтьев Д.А. Современные подходы к изучению качества жизни: от объективных контекстов к субъективным // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 4. С. 142–162. DOI:10.17759/sps.2022130409.

Леденева Л.И., Некипелова Е.Ф. Эмиграционные намерения элитарной молодежи. [Электронный ресурс]. // Демоскоп Weekly. [Электронная версия бюллетеня «Население и общество» Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН]. 2003. № 115–116 / 2–15 июня // URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0115/tema05.php> (дата обращения: 05.12.2020).

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007.

Лиукконен Е.И. Социальные факторы и психологические причины выезда эмигрантов из России // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2008. Т. 10. № 2. С. 171–174.

Локишин И.М. Карта культурных ценностей Рональда Инглхарта. 2020. [Электронный ресурс]. <https://postnauka.ru/wtf/154916>.

Марцинковская Т.Д. Социализация в эпоху транзитивности: методологический аспект // Психологический журнал. 2016. № 5. С. 14–21.

Мельникова О.Т., Кричевец А.Н., Гусев А.Н., Бусыгина Н.П., Хорошилов Д.А., Барский Ф.И. Критерии оценки качественных исследований // Национальный психологический журнал. 2014. № 2 (14). С. 49–51.

Митин А.А., Стефанкин А.Е. Протесты в Казахстане: причины и последствия // Молодежь в условиях информационного общества: международный, национальный и региональный аспекты: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Е.В. Матвеевой, А.А. Митина. Кемерово, 2022. С. 89–95.

Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности / сост. и науч. ред. Е.Л. Омельченко. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. DOI:10.17323/978-5-7598-2128-1.

Молодежь в Содружестве Независимых Государств: статистический портрет. М.: Статкомитет СНГ, ЮНФПА, 2021.

Молодежь и ценности. Центр прикладных исследований «TALAP». Алматы: DELUXE Printery, 2021.

Мостиков С.В. Миграционные намерения россиян как инструмент психологической защиты // Вестник Гуманитарного университета. 2015. № 3 (10). С. 10–16.

Муздыбаев К. Феноменология надежды // Психологический журнал. 1999. № 3. С. 18–27.

Муращенкова Н.В. Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска // Социальная психология и общество. 2021а. Т. 12. № 1. С. 77–93. DOI:10.17759/sps.2021120106.

Муращенкова Н.В. Психологические факторы эмиграционных намерений молодежи: обзор зарубежных исследований // Вестник РУДН. (Психология и педагогика). 2021б. Т. 18. № 1. С. 25–41. DOI:10.22363/2313-1683-2021-18-1-25-41.

Муращенкова Н.В. Эмиграционные интенции молодежи: теоретические основы изучения и категориальное разнообразие (обзор зарубежных исследований). [Электронный ресурс]. // Современная зарубежная психология. 2021в. Т. 10. № 3. С. 57–67. URL: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100306> (дата обращения: 28.11.2022).

Муращенкова Н.В. Социальные аксиомы и страх перед COVID-19: мультигрупповой анализ связи у студенческой молодежи трех стран // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 2. С. 89–108. DOI:10.17759/sps.2022130207.

Муращенкова Н.В., Гриценко В.В., Ефременкова М.Н. Опасения и страхи как предикторы эмиграционных намерений студентов // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.В. Константинов. Пенза, 2020. С. 307–314.

Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций. Часть 1 // Вестник РУДН. (Социология). 2018. № 18 (1). С. 131–155. DOI:10.22363/2313-2272-2018-18-1-131-155.

Нартова-Бочавер С.К. Психологическое пространство личности. М.: Прометей, 2005.

Нартова-Бочавер С.К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. М.: Флинта, 2016.

Наследов А.Д. IBM SPSS Statistics 20 AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2013.

Нестик Т.А. Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 4 (8). С. 145–185.

Нестик Т.А. Коллективный образ будущего: социально-психологический анализ // Психологические исследования проблем современного российского общества / под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М., 2013. С. 32–53.

Нестик Т.А. Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // Социодиггер. 2021. Т. 2. Выпуск 9 (14): горизонты будущего. С. 6–48.

Нестик Т.А. Социально-психологическая детерминация группового отношения к времени. Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2015.

Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Нестик Т.А., Ролдугина В.Н. Образ будущего России у представителей поколения Z // Человек и мир. 2018. Т. 2. № 2. С. 75–87.

Нысанбаев А.Н., Бурова Е.Е., Сайлаубеккызы А. Особенности идентичности казахстанцев в условиях поликультурного общества // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 37–47. DOI:10.31857/S013216250005791-3.

Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988.

Омельченко Е.Л., Лисовская И.В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 66–92. DOI:10.14515/monitoring.2022.2.2078.

Осин Е.Н. Факторная структура краткой версии теста жизнестойкости // Организационная психология. 2013. Т. 3. № 3. С. 42–60.

Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характе-

ристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>.

Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 11.06.2022).

Патяева Е.Ю. Интернет-сообщества как новая социальная реальность: психологические задачи «человека сетевого» // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 2. С. 74–109. URL: <http://socioeconom-psychology.ru/engine/documents/document613.pdf> (дата обращения: 03.02.2021).

Плющ А.Н., Басманова Н.И., Лисневская А.А. Связь субъективной картины мира с эмиграционными намерениями // Вопросы психологии. 2014. № 6. С. 52–64.

Плющ А.Н., Кирилина Т.Ю., Петрунько О.В. Представления о собственном будущем студентов России и Украины // Вестник Пермского университета. (Философия. Психология. Социология). 2017. Вып. 2. С. 294–303.

Припорова Е.А., Агадуллина Е.Р. Социальные мотивы использования социальных сетей: анализ групп пользователей // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 96–111.

Притчин С.А. Политический кризис в Казахстане // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 1 (54). С. 56–67. DOI:10.20542/2073-4786-2022-1-56-67.

Радаев В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. DOI:10.17323/978-5-7598-1985-1.

Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI:10.7868/S0132162518030029.

Рассказова Е.И., Иванова Т.Ю. Мотивационные модели поведения, связанного со здоровьем: проблема «разрыва» между намерением и действием // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 1. С. 105–130.

Рейтинг стран по уровню коррупции. 2022. <https://nonews.co/directory/lists/countries/corruption>.

Рейтинг стран по уровню экологии. 2022. <https://nonews.co/directory/lists/countries/ecology>.

Ромашева Ж.Ж. Эмиграционные установки молодежи северных и южных регионов Казахстана в зависимости от индивидуальных ценностей // *Minbar. Islamic Studies*. 2021. № 14 (3). С. 703–730.

Ромашева Ж.Ж., Калиниченко О.В., Мальшев И.В. Связь базовых ценностей с эмиграционными установками российской молодежи // *Известия Саратовского университета. Новая серия. (Акмеология образования. Психология развития)*. 2021. Т. 10, вып. 4 (40). С. 323–333.

Ростовская Т.К., Калиев Т.Б. Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции: моногр. М.: РУСАЙНС, 2019.

Рочева А.Л., Варшавер Е.А. Миграционные намерения молодежи с миграционным бэкграундом и без: российский случай // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 295–334. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1632>.

Руднев М.Г., Магун В.С. Ценностный консенсус и факторы ценностной дифференциации населения России и других европейских стран // *Вестник общественного мнения*. Октябрь — декабрь 2011. № 4 (110). С. 81–96.

Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М.: ИСПИ ФНИСЦ РАН, 2003.

Рязанцев И.П., Подлесная М.А., Богдан И.В. Универсализм ценностей студенческой молодежи и развитие российского общества // *Вестник РУДН. (Социология)*. 2021. Т. 21. № 1. С. 97–109.

Рязанцев С.В., Гребенюк А.А. «Наши» за границей: русские, россияне, русскоговорящие, соотечественники: расселение, интеграция и возвратная миграция в Россию. М.: ИСПИ ФНИСЦ РАН, 2014.

Савоскул М.С. Успешные мигранты из России и Украины во Франкфурте-на-Майне (Германия) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2015. № 1 (125). С.118–131.

Свенцицкий А.Л., Почебут Л.Г., Марарица Л.В., Казанцева Т.В. Социальная психология социального капитала // *Социальная психология*:

традиции и современность: моногр. / под общ. ред. А.Л. Свенцицкого, С.Д. Гуриевой; сост. Т.Б. Позднякова. СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 200–210.

Секач М.Ф., Мостиков С.В. Готовность к риску и психологическая безопасность как предикты миграционных намерений // Человеческий капитал. 2017. № 1 (97). С. 11–13.

Соина И.А. Роль ценностных ориентаций личности в формировании ее социально-психологического пространства // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 218–226.

Социально-экономическое положение России (январь — июнь 2022). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-07-2022.pdf> (дата обращения: 28.11.2022).

Стрельцова И.П. Представления подростков и юношей о трудных ситуациях и стратегиях совладающего поведения в них: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.

Сычев О.А., Белоусов К.И., Зелянская Н.Л., Аношкин И.В. Миграционные установки россиян: роль идентичности и моральных оснований // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 3. С. 52–63. DOI: 10.31857/S020595920015193-8.

Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: Изд. дом. ВШЭ, 2011.

Титов А.С., Лепшокова З.Х. Индивидуальные ценности предпринимателей как предикторы их планируемого благотворительного поведения. [Электронный ресурс]. // Организационная психология. 2020. Т. 10. № 3. С. 140–163. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (дата обращения: 28.11.2022).

Тромпенаарс Ф., Куберг П.Х. 100 ключевых моделей и концепций управления. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.

Ушкалов И.Г., Малаха И.А. «Утечка умов» — масштабы, причины, последствия. М.: URSS, 2016.

Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации».

Фелдштейн Д.И. Социально-психологическое пространство отношений и самоопределения субъекта в них // Мир психологии. 1996. № 3.

Флоринская Ю.Ф., Карачурина Л.Б. Новая волна интеллектуальной эмиграции из России: мотивы, каналы и механизмы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 183–200.

Фролова С.В. Макропсихологический анализ эмиграционных намерений молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. (Философия. Психология. Педагогика). 2010. Т. 10. № 3. С. 91–96.

Фролова С.В. Психология эмиграционных намерений личности. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2015.

Фролова С.В. Социально-психологическая концепция приверженности личности стране. Дис. ... д-ра психол. наук. Саратов, 2020.

Фролова С.В. Субъективные образы прошлого, настоящего и будущего страны как предикторы приверженности личности стране // Известия Саратовского университета. Новая серия (Философия. Психология. Педагогика). 2019. Т. 19. Вып. 4. С. 442–447. DOI:10.18500/1819-7671-2019-19-4-442-447.

Хрусталева Н.С. Переживание психической травмы и печали в условиях эмиграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. (Психология. Социология. Педагогика). 2010. № 1. С. 253–260.

Хрусталева Н.С. Психология эмиграции: социально-психологические и личностные проблемы: Дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1996.

Чувашов С.В. Социально-психологический капитал как фактор эмиграционных намерений молодежи // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 2. С. 169–177.

Чувашов С.В., Татарко А.Н. Взаимосвязь социально-психологического капитала и эмиграционных намерений // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.В. Константинов. М.: Перо, 2014. С. 187–193.

Шагалкина М.В., Латуха М.О. Мицкевич Е.А., Строгоцкая Е.В. Факторы миграционных намерений талантливых выпускников ведущих вузов России // Российский журнал менеджмента. 2019. № 17 (4). С. 445–466.

Шамионов Р.М. Групповые ценности и установки как предикторы психологического благополучия русских и казахов // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 35. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.01.2022).

Шаринов Ф.В. Педагогика и психология высшей школы: учебное пособие. М.: Логос, 2012.

Шаринова Д., Бейменбетов С. Молодежь в Казахстане: оценка ценностей, ожиданий и стремлений. Алматы: DELUXE Printery, 2021.

Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.

Шестопал Е.Б., Смутькина Н.В. Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов // Сравнительная политика. 2019. № 10 (3). С. 74–94. DOI:10.24411/2221-3279-2019-10031.

Эмиграционные настроения. 06.04.2022. URL: <https://www.levada.ru/2022/04/06/emigratsionnye-nastroeniya-5/> (дата обращения: 29.11.2022).

Эмиграционные настроения: мониторинг. 4 апреля 2022 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmigratsionnye-nastroeniya-monitoring> (дата обращения: 22.11.2022).

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов. М.: РГСУ; Академический Проект, 2007.

Юревич А.В., Ушаков Д.В. Макропсихология как новая область психологических исследований // Вопросы психологии. 2007. № 4. С. 3–15.

Юревич А.В., Цапенко И.П. Нужны ли России ученые? М.: Либроком, 2009.

Ялом И. Групповая психотерапия: теория и практика. М.: Изд-во Института психотерапии, 2010.

Agadjanian V., Nedoluzhko L., Kumskov G. Eager to leave? Intentions to migrate abroad among young people in Kyrgyzstan // Internation-

al Migration Review. 2008. Vol. 42. No. 3. P. 620–651. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2008.00140.x>.

Ahorsu D.K., Lin C.-Y., Imani V., Saffari M., Griffiths M.D., Pakpour A.H. The Fear of COVID-19 Scale: Development and Initial Validation // International Journal of Mental Health and Addiction. 2020. No. 20. P. 1537–1545. <https://doi.org/10.1007/s11469-020-00270-8>.

Ajzen I. Constructing a TPB questionnaire: Conceptual and methodological considerations. 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.people.umass.edu/ajzen/pdf/tpb.measurement.pdf> (дата обращения: 10.12.2022).

Ajzen I. The theory of planned behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1991. Vol. 50. No 2. P. 179–211. DOI: 10.1016/0749-5978(91)90020-T.

Ali A., Toner B.B. Symptoms of depression among Caribbean women and Caribbean-Canadian women: An investigation of self-silencing and domains of meaning // Psychology of Women Quarterly. 2001. No. 25. P. 175–180.

Andresen M., Margenfeld J. International relocation mobility readiness and its antecedents // Journal of Managerial Psychology. 2015. Vol. 30. No. 3. P. 234–249. <https://doi.org/10.1108/JMP-11-2012-0362>.

Arnett J. Emerging Adulthood: A Theory of Development from the Late Teens Through the Twenties // The American psychologist. 2000a. Vol. 55. No. 4. P. 69–80. <https://doi.org/10.1037//0003-066X.55.5.469>.

Arnett J. High Hopes in a Grim World: Emerging Adults' Views of Their Futures and 'Generation X' // Youth and Society. 2000b. No. 31 (3). P. 267–286.

Arnett J.J. The psychology of globalization // American Psychologist. 2002. Vol. 57. No. 10. P. 774–783. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.57.10.774>.

Bagram, J. Commitment and the emigration intentions of South African professional nurses // Health SA Gesondheid. 2013. Vol. 18. No. 1. P. 1–7. <https://doi.org/10.4102/HSAG.V18I1.512>.

Baláž V., Williams A.M. Experimental research methods in migration: From natural to true experiments // Population, Space and Place. 2017. Vol. 23. No. 1. P. 1–13. DOI:10.1002/psp.1974.

Begović S., Lazović-Pita L., Pijalović V., Baskot B. An investigation of determinants of youth propensity to emigrate from Bosnia and Herzegovina // *Economic Research-Ekonomska Istraživanja*. 2020. Vol. 33. No. 1. P. 2574–2590. <https://doi.org/10.1080/1331677X.2020.1754267>.

Benson M., O'Reilly K. From Lifestyle Migration to Lifestyle in Migration: Categories, Concepts and Ways of Thinking // *Migration Studies*. 2016. Vol. 4. No. 1. P. 20–37. DOI:10.1093/migration/mnv015.

Berggren N., Bergh A., Bjørnskov C., Tanaka S. Migrants and Life Satisfaction: The Role of the Country of Origin and the Country of Residence // *Kyklos*. 2020. Vol. 73. No. 3. P. 436–463. <https://doi.org/10.1111/kykl.12225>.

Berlinschi R., Harutyunyan A. Do Migrants Think Differently? Evidence from Eastern European and Post-Soviet States // *International Migration Review*. 2019. Vol. 53. No. 3. P. 831–868. <https://doi.org/10.1177/0197918318777745>.

Bernardini-Zambrini D., Barengo N., Bardach A., Hanna M., Núñez J.M. Emigrate or not? How would the next Spanish generation of physicians decide? A study on emigration-related reasons and motivations of advanced medical students in 11 Universities in Spain // *Aten Primaria*. 2011. Vol. 43. No. 5. P. 222–226. DOI:10.1016/j.aprim.2010.01.017.

Bjarnason T., Thorlindsson T. Should I Stay or Should I Go? Migration Expectations Among Youth in Icelandic Fishing and Farming Communities // *Journal of Rural Studies*. 2006. Vol. 22. No. 3. P. 290–300. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2005.09.004>.

Boccagni P., Baldassar L. Emotions on the move: Mapping the emergent field of emotion and migration // *Emotion, Space and Society*. 2015. Vol. 16. P. 73–80. <https://doi.org/10.1016/j.emospa.2015.06.009>.

Boccagni P. Aspirations and the subjective future of migration: comparing views and desires of the “time ahead” through the narratives of immigrant domestic workers // *CMS*. 2017. Vol. 5. No. 4. <https://doi.org/10.1186/s40878-016-0047-6>.

Boiger M., Mesquita B. The Construction of Emotion in Interactions, Relationships, and Cultures // *Emotion Review*. 2012. Vol. 4. No. 3. P. 221–229. <https://doi.org/10.1177/1754073912439765>.

Boneva B.S., Frieze I.H. Toward a concept of a migrant personality // *Journal of Social Issues*. 2001. Vol. 57. P. 477–491. DOI:10.1111/0022-4537.00224.

Braun V., Clarke V. Can I use TA? Should I use TA? Should I not use TA? Comparing reflexive thematic analysis and other pattern based qualitative analytic approaches // *Counselling and Psychotherapy Research*. 2021. No 21. P. 37–47.

Brugha T.S., Morgan Z., Bebbington P., Jenkins R., Lewis G., Farrell M. Social support networks and type of neurotic symptom among adults in British households // *Psychological Medicine*. 2003. Vol. 33. No. 2. P. 307–318.

Bryant J., Ellard J. Hope as a form of agency in the future thinking of disenfranchised young people // *Journal of Youth Studies*. 2015. No. 18 (4). P. 485–499.

Bryer T.A., Rauleckas R., Murealeedharan V., Butkevičienė E., Vaičiūnienė J., Vaidelytė E., Miežanskienė R. Non-economic emigration factors that might be pushing citizens out of Lithuania // *Public Policy and Administration*. 2020. Vol. 19. No. 1. P. 35–52. <https://doi.org/10.5755/j01.ppa.19.1.25114>.

Burrell J., Anderson K. “I Have Great Desire to Look Beyond My World”: Trajectories of Information and Communication Technology and Use among Ghanaians living abroad // *New Media and Society*. 2008. No. 10. P. 203–224.

Cai R., Esipova N., Oppenheimer M., Feng S. International migration desires related to subjective well-being // *IZA Journal of Migration*. 2014. Vol. 3. No. 8. P. 1–20. <https://doi.org/10.1186/2193-9039-3-8>.

Cairns D., Smyth J. I wouldn't mind moving actually: Exploring Student Mobility in Northern Ireland. *International Migration*, 2011. Vol. 49. No. 2. P. 135–161. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.2009.00533.x>.

Canache D., Hayes M., Mondak J.J., Wals S.C. Openness, extraversion and the intention to emigrate // *Journal of Research in Personality*. 2013. Vol. 47. No. 4. P. 351–355. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2013.02.008>.

Carling J. Measuring migration aspirations and related concepts. *MIGNEX Background Paper*. Oslo: Peace Research Institute Oslo, 2019.

Carling J. Migration in the Age of Involuntary Immobility: Theoretical Reflections and Cape Verdean Experiences // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2002. Vol. 28. No. 1. P. 5–42. DOI:10.1080/13691830120103912.

Carling J., Collins F. Aspiration, desire and drivers of migration // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2018. Vol. 44. No. 6. P. 909–926. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1384134.

Carling J., Schewel K. Revisiting Aspiration and Ability in International Migration // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2018. Vol. 44. No. 6. P. 945–963. DOI:10.1080/1369183X.2017.1384146.

Caron L. An Intergenerational Perspective on (Re)Migration: Return and Onward Mobility Intentions across Immigrant Generations // International Migration Review. 2020. Vol. 54. No. 3. P. 820–852. <https://doi.org/10.1177/0197918319885646>.

Cebolla-Boado H., Soysal Y.N. Educational Optimism in China: Migrant Selectivity or Migration Experience? // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2018. Vol. 44. No. 13. P. 2107–2126. DOI:10.1080/1369183X.2017.1417825.

Chisholm L. The Life Course as Hypertext. In: Changing Landscapes for Childhood and Youth in Europe // Newcastle: Cambridge Scholars Publishing. 2014. P. 3–14.

Clark W., Lisowski W. Examining the life course sequence of intending to move and moving // Population, Space and Place. 2017. Vol. 24. No. 3. P. 1–12. DOI:10.1002/psp.2100.

Collins F.L. Desire as a Theory for Migration Studies: Temporality, Assemblage and Becoming in the Narratives of Migrants // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2018. Vol. 44. No. 6. P. 964–980. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1384147.

Cote J.E. An empirical test of the identity capital model // Journal of Adolescence. 1997. Vol. 20. No. 5. P. 77–79.

Cote J.E., Levine C.G. Identity, Formation, Agency, and Culture: A Social Psychological Synthesis. N.Y.: Psychology Press, 2002. https://doi.org/10.4324/9781410612199_105.

Coulson N.S., Buchanan H., Aubeeluck A. Social support in cyberspace: A content analysis of communication within a Huntington's disease online support group // Patient Education and Counseling. 2007. No. 68. P. 173–178.

Coulter R., Van Ham M., Feijten P. A longitudinal analysis of moving desires, expectations and actual moving behavior // Environment and Plan-

ning A: *Economy and Space*. 2011. Vol. 43. No. 11. P. 2742–2760. DOI: 10.1068/a44105.

Crisan E.L., Crisan-Mitra C., Dragos C. The Impact on Migration Intentions of Perceived Corruption at the Organizational and Country Level in Romania // *Eastern European Economics*. 2019. Vol. 57. No. 5. P. 430–455. <https://doi.org/10.1080/00128775.2018.1533410>.

Dako-Gyeke M. Exploring the Migration Intentions of Ghanaian Youth: A Qualitative Study // *Journal of International Migration and Integration*. 2016. Vol. 17. No. 3. P. 723–744. DOI:10.1007/s12134-015-0435-z.

De Haas, H. Migration theory: Quo vadis? [Электронный ресурс]. IMI Working Paper Series 100. 2014. URL: <https://heindehaas.files.wordpress.com/2015/05/de-haas-2014-imi-wp100-migration-theory-quo-vadis.pdf> (дата обращения: 16.11.2022).

De Jong P.W., Fonseca M.L. The role of the origin country in migration aspirations: A cross-national comparison of Master students in Portugal and the Netherlands // *Population Space and Place*. 2020. Vol. 26. No. 5. P. 1–14. <https://doi.org/10.1002/psp.2325>.

Diekman A.B., Eagly A.H. Stereotypes as Dynamic Constructs: Women and Men of the Past, Present, and Future // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2000. No. 26 (10). P. 1171–1188. <https://doi.org/10.1177/0146167200262001>.

Diener E. Subjective Well-being // *Psychological Bulletin*. 1984. No. 95. P. 542–575.

Diener E.D., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The Satisfaction with Life Scale // *Journal of Personality Assessment*. 1985. Vol. 49. No. 1. P. 71–75. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13.

Diener E., Lucas R.E., Oishi S. Subjective well-being: The science of happiness and life satisfaction // *Handbook of positive psychology* / Ed. by C.R. Snyder, S.J. Lopez. New York: Oxford University Press, 2002. P. 63–73.

Docquier F., Peri G., Ruysen I. The Cross-country Determinants of Potential and Actual Migration // *International Migration Review*. 2014. Vol. 48. No. 1 (suppl: Special Anniversary Issue). P. 37–99. https://doi.org/10.1142/9789814719902_0012.

Docquier F., Tansel A., Turati R. Do Emigrants Self-Select Along Cultural Traits? Evidence from the MENA Countries // *International Migration*.

tion Review. 2020. Vol. 54. No. 2. P. 388–422. <https://doi.org/10.1177/0197918319849011>.

Dohmen T., Falk A., Huffman D., Jaeger D., Sunde U., Bonin H. Direct Evidence on Risk Attitudes and Migration // *The Review of Economics and Statistics*. 2007. Vol. 92. No. 3. P. 684–689. <https://doi.org/10.2307/27867569>.

Dommermuth L., Klüsener S. Formation and realisation of moving intentions across the adult life course // *Population Place and Space*. 2018. Vol. 25. No. 5. P. 1–24. <https://doi.org/10.1002/psp.2212>.

Engle R.L., Schlaegel C., Dimitriadi N., Totaglu E., Ljubica J. The Intention to Become an Expatriate: A Multinational Application of the Theory of Planned Behavior // *European Journal of International Management*. 2015. Vol. 9. No. 1. P. 108–137. DOI:10.1504/EJIM.2015.066623.

Falco C., Rotondi V. The Less Extreme, the More You Leave: Radical Islam and Willingness to Migrate // *World Development*. 2016. Vol. 88. P. 122–133. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2016.07.017>.

Ferreira P.L., Raposo V., Tavares A.I., Correia T. Drivers for emigration among healthcare professionals: Testing an analytical model in a primary healthcare setting // *Health Policy*. 2020. Vol. 124. No. 7. P. 751–757. <http://dx.doi.org/10.1016/j.healthpol.2020.04.009>.

Fishbein M., Ajzen I. Predicting and changing behaviour: The reasoned action approach. N.Y.: Psychology Press, 2010.

Fleeson W., Heckhausen J. More or less ‘me’ in past, present, and future: Perceived lifetime personality during adulthood // *Psychology and Aging*. 1997. No. 12 (1). P. 125–136. <https://doi.org/10.1037/0882-7974.12.1.125>.

Fouarge D., Özer M., Seegers, P. Personality traits, migration intentions, and cultural distance // *Papers in Regional Science*. 2019. Vol. 98. No. 6. P. 2425–2454. <https://doi.org/10.1111/pirs.12468>.

Francis J., Eccles M.P., Johnston M., Walker A.E., Grimshaw J.M., Foy R., Kaner E.F.S., Smith L., Bonetti D. Constructing questionnaires based on the theory of planned behaviour: A manual for health services researchers. Newcastle upon Tyne, UK: Centre for Health Services Research, University of Newcastle upon Tyne. 2004. URL: <https://openaccess.city.ac.uk/id/eprint/1735> (дата обращения: 28.11.2022).

Frieze I., Boneva B., Sarlija N., Horvat J., Ferligoj A., Kogovšek T., Miluska J., Popova L., Korobanova J., Sukhareva N., Erokhina L., Jarosova E. Psycho-

logical Differences in Stayers and Leavers: Emigration Desires in Central and Eastern European University Students // *European Psychologist*. 2004. Vol. 9. No. 1. P. 15–23. <https://doi.org/10.1027/1016-9040.9.1.15>.

Frieze I.H., Hansen S.B., Boneva B. The migrant personality and college students' plans for geographic mobility // *Journal of Environmental Psychology*. 2006. Vol. 26. P. 170–177.

Froese F.J., Jommersbach S., Klautzsch E. Cosmopolitan career choices: a cross-cultural study of job candidates' expatriation willingness // *International Journal of Human Resource Management*. 2013. Vol. 24. No. 17. P. 3247–3261. <https://doi.org/10.1080/09585192.2013.770782>.

Gajdošová B., Orosová O. Selected psychological factors in relation to emigration intentions of voluntary permanent migration of university students // *Ceskoslovenska Psychologie*. 2019. Vol. 63. No. 3. P. 249–264.

Gallo E. The irony of kinship migration and the control of emotions among Malayalis // *Emotion, Space and Society*. No. 16. <https://doi.org/10.1016/j.emospa.2014.12.001>.

Gibson J., McKenzie D. The microeconomic determinants of emigration and return migration of the best and brightest: Evidence from the Pacific // *Journal of Development Economics*. 2011. Vol. 95. No. 1. P. 18–29. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2009.11.002>.

Gollwitzer P.M. The volitional benefits of planning // *The Psychology of Action: Linking Cognition and Motivation to Behavior* / P.M. Gollwitzer, J.A. Bargh (Eds.). New York: Guilford Press, 1996. P. 287–312.

Gorgievski M.J., Stephan U., Laguna M., Moriano J.A. Predicting Entrepreneurial Career Intentions: Values and the Theory of Planned Behavior // *Journal of Career Assessment*. 2018. Vol. 26. No. 3. P. 457–475.

Graham C., Markowitz J. Aspiration and happiness of potential Latin American migrants // *Journal of Social Research and Policy*. 2011. Vol. 2. No. 2. P. 9–25.

Griffiths M., Rogers A., Anderson B. Migration, time and temporalities: Review and Prospect (COMPAS Research Resources Paper). Oxford: University of Oxford, 2013.

Gunko M., Medvedev A. Dull Place or Green Idyll: Local Identity and Migration Intentions of Small City Youth // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2018. Vol. 109. No. 5. P. 661–676.

Hannerz U. Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning. New York: Columbia University Press, 1992.

Heggli G., Haukanes H., Tjomsland M. Fearing the Future? Young People Envisioning Their Working Lives in the Czech Republic, Norway and Tunisia // *Journal of Youth Studies*. 2013. No. 16 (7). P. 916–931.

Helliwell J.F., Huang H., Wang S., Shiplett H. International Migration and World Happiness // In J.F. Helliwell, R. Layard, J. Sachs (Eds.). *World Happiness Report*. P. 13–44. 2018. New York: Sustainable Development Solutions Network.

Ho EL-E. The Emotional Economy of Migration Driving Mainland Chinese Transnational Sojourning across Migration Regimes // *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2014. Vol. 46. No. 9. P. 2212–2227. <https://doi.org/10.1068/a130238p>.

Hooijen I., Meng C., Reinold J. Be prepared for the unexpected: The gap between (im)mobility intentions and subsequent behaviour of recent higher education graduates // *Population, Space and Place*. 2020. Vol. 26. No. 5. P. 1–21. DOI:10.1002/psp.2313.

Hoppe A., Fujishiro K. Relations anticipated job benefits, career aspiration, and generalized self-efficacy as predictors for migration decision-making // *International Journal of Intercultural Relations*. 2015. Vol. 47. P. 13–27. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2015.03.025>.

Horváth I. The Culture of Migration of Rural Romanian Youth // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2008. Vol. 34. No. 5. P. 771–786. DOI: 10.1080/13691830802106036.

International Migration and World Happiness / J.F. Helliwell et al. // *World Happiness Report*. New York: Sustainable Development Solutions Network. 2018. P. 13–44.

Ivlevs A. Happy Moves? Assessing the Link between Life Satisfaction and Emigration Intentions // *Kyklos*. 2015. Vol. 68. No. 3. P. 335–356. <https://doi.org/10.1111/kykl.12086>.

Ivlevs A., King R.M. Family migration capital and migration intentions // *Journal of Family and Economic*. 2012. Vol. 33. No. 1. P. 118–129. <https://doi.org/1007/s10834-011-9269-9>.

Jaśniskaja-Lahti I., Yijälä A. The model of pre-acculturative stress: A pre-migration study of potential migrants from Russia to Finland // *Interna-*

tional Journal of Intercultural Relations. 2011. Vol. 35. No. 4. P. 499–510. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ijintrel.2010.11.003>.

Jetten J., Haslam C., Haslam S.A. The social cure: identity, health and well-being. New York: Psychology Press, 2012.

Jokela M. Personality predicts migration within and between U.S. States. Journal of Research in Personality. 2009. No. 43 (1). P. 79–83. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2008.09.005>.

Jokela M., Elovainio M., Kivimäki M., Keltikangas-Järvinen L. Temperament and migration patterns in Finland // Psychological Science. 2008. No. 19 (9). P. 831–837. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2008.02164.x>.

Jones J.M. Cultural differences in temporal perspectives: Instrumental and expressive behaviors in time // The social psychology of time: New perspectives Newbury Park. 1988. P. 21–38.

Jung J., Hogg M.A., Livingstone A.G., Choi H. From uncertain boundaries to uncertain identity: Effects of entitativity threat on identity-uncertainty and emigration // Journal of Applied Social Psychology. 2019. Vol. 49. No. 10. P. 623–633. <https://doi.org/10.1111/jasp.12622>.

Kandel W., Massey D.S. The culture of Mexican migration: A theoretical and empirical analysis // Social forces. 2002. Vol. 80. No. 3. P. 981–1004.

Klabunde A., Willekens F. Decision-making in agent-based models of migration: state of the art and challenges // European Journal of Population. 2016. Vol. 32. P. 73–97. DOI:10.1007/s10680-015-9362-0.

Kley S. Facilitators and constraints at each stage of the migration decision process // Population Studies. 2017. Vol. 71. No. 1 (Supplement). P. 35–49. DOI:10.1080/00324728.2017.1359328.

Kley S., Mulder C.H. Considering, planning and realizing migration in early adulthood. The influence of life-course events and perceived opportunities on leaving the city in Germany // Journal of Housing and the Built Environment. 2010. Vol. 25. No. 1. P. 73–94. <https://doi.org/10.1080/00324728.2017.1359328>.

Kline R.B. Principles and practice of structural equation modeling. 3rd ed. New York: The Guilford Press, 2011.

Knafo A., Sagiv L. Values and work environment: Mapping 32 occupations // European Journal of Psychology of Education. 2004. No. 19. P. 255–273.

Koikkalainen S., Kyle D. Imagining Mobility: The Prospective Cognition Question in Migration Research // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2016. Vol. 42. No. 5. P. 759–764.

Kooiman N., Latten J., Bontje M. Human capital migration: A longitudinal perspective // *Tijdschrift voor sociale en economische geografie*. 2018. Vol. 109. No. 5. P. 644–660. <https://doi.org/10.1111/tesg.12324>.

Kotyrlo E. Impact of Modern Information and Communication Tools on International Migration // *Int. Migr.* 2020. No. 58. P. 195–213.

Krosnick J.A., Alwin D.F. Aging and susceptibility to attitude change // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. Vol. 57. P. 416–425.

Kuhn M.H., McPartland T.S. An empirical investigation of self-attitudes // *American Sociological Review*. 1954. No. 19. P. 68–76. DOI:10.2307/2088175.

Kvartiuk V., Petrick M., Bavorova M., Bednařiková Z., Ponkina E. A Brain Drain in Russian Agriculture? Migration Sentiments among Skilled Russian Rural Youth // *Europe-Asia Studies*. 2020. Vol. 72. No. 8. P. 1352–1377. <https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1730305>.

Labrianidis L., Sykas T. Why High School Students Aspire to Emigrate: Evidence From Greece // *Journal of International Migration and Integration*. 2017. Vol. 18. No. 1. P. 107–130. <https://doi.org/10.1007/s12134-015-0468-3>.

Lee E.A. Theory of Migration // *Demography*. 1966. No 3. P. 47–57.

Leung D.Y., Wong E.M., Chan S.S., Lam T.H. Psychometric properties of the Big Five Inventory in a Chinese sample of smokers receiving cessation treatment: A validation study // *Journal of Nursing Education and Practice*. 2013. Vol. 3. No. 6. P. 1–10.

Li M., Olson J.E., Frieze I.H. Students' Study Abroad Plans: The Influence of Motivational and Personality Factors // *Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*. 2013. Vol. 23. P. 73–89. <https://doi.org/10.36366/frontiers.v23i1.330>.

Liu-Farrer G. Migration as Class-Based Consumption: The Emigration of the Rich in Contemporary China // *The China Quarterly*. 2016. Vol. 226. P. 499–518. <https://doi.org/10.1017/S0305741016000333>.

Mai N., King R. Love, Sexuality and Migration: Mapping the Issue(s) // *Mobilities*. 2009. Vol. 4. No. 3. P. 295–307. <https://doi.org/10.1080/17450100903195318>.

Manchin M., Orazbayev S. Social networks and the intention to migrate // *World Development*. 2018. Vol. 109. P. 360–374. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.05.011>.

Marrow H., Klekowski von Koppenfels A. Modeling American Migration Aspirations: How Capital, Race, and National Identity Shape Americans' Ideas about Living Abroad // *International Migration Review*. 2020. Vol. 54. No. 1. P. 83–119. DOI:10.1177/0197918318806852.

Marsiglia F.F., Kulis S., Hoffman S., Calderón-Tena C.O., Becerra D., Alvarez D. Migration Intentions and Illicit Substance Use among Youth in Central Mexico // *Subst Use Misuse*. 2011. Vol. 46. No. 13. P. 1619–1627. <https://doi.org/10.3109/10826084.2011.590957>.

McDonald P., Pini B., Bailey J., Price R. Young People's Aspirations for Education, Work, Family and Leisure // *Work, Employment and Society*. 2011. No. 25 (1). P. 68–84.

McFarland S., Webb M., Brown D. All humanity is my ingroup: A measure and studies of identification with all humanity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 103. No. 5. P. 830–853.

Mendick H., Allen K., Harvey L.J. “We can get everything we want if we try hard”: Young people, celebrity, hard work // *British Journal Studies*. 2015. No. 63 (2). P. 161–178.

Meyer F. Navigating Aspirations and Expectations: Adolescents. Considerations of Outmigration From Rural Eastern Germany // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2018. Vol. 44. No. 6. P. 1032–1049. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1384163>.

Miller K., Haskell C., Thatcher A. The relationship between intention to emigrate and organisational commitment // *South African Journal of Psychology*. 2002. Vol. 32. No. 3. P. 16–20. <http://dx.doi.org/10.1177/008124630203200303>.

Moon J., Park J., Jung G.H., Choe Y.C. The Impact of IT Use on Migration Intentions in Rural Communities // *Technological Forecasting and Social Change*. 2010. No. 77. P. 1401–1411.

Morell-Gomis R., Lloret Irlés D., Moriano J.A., Edú-Valsania S., Laguía González A. Predicting cannabis use among adolescents in four European Countries: combining personal values and the theory of planned behavior // *The Journal of Genetic Psychology*. 2020. No. 181. P. 413–426.

Moriarty E., Wickham J., Daly S., Bobek A. Graduate Emigration from Ireland: Navigating New Pathways in Familiar Places // *Irish Journal of Sociology*. 2015. Vol. 23. No. 2. P. 71–92. <https://doi.org/10.7227/IJS.23.2.6>.

Mueller C.F. The economics of labor migration: a behavioral analysis. New York: Academic Press, 1982.

Nghiêm-Phú B., Nguyễn T.H. Impacts of perceived country image, institution image and self-image on students intention to study abroad: a study in Hanoi, Vietnam // *Journal of Marketing for Higher Education*. 2020. Vol. 30. No. 1. P. 26–44. <https://doi.org/10.1080/08841241.2019.1658146>.

Nugin R. I Think That They Should go. Let Them see Something. The Context of Rural Youth's Out-migration in Post-socialist Estonia // *Journal of Rural Studies*. 2014. Vol. 34. P. 51–64. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2014.01.003>.

Orosová O., Gajdošová B., Bačíková M., Benka J., Hricová L., Janovská A., Kalina O. Emigration intentions and risk behaviour among university students. Publisher: P.J. Šafárik University in Košice, 2017.

Orosová O., Benka J., Hricová L., Kulanová M. Gender, Rootedness, Normative Beliefs and Emigration Intentions of Slovak University Students // *International Migration*. 2018. Vol. 56. No. 4. P. 172–196. <https://doi.org/10.1111/imig.12441>.

Ossai E.N., Una A., Onyenakazi R., Nwonwu E. Emigration plans after graduation of clinical medical students of Ebonyi State University Abakaliki, Nigeria: Implications for policy // *Nigerian Journal of Clinical Practice*. 2020. Vol. 23. No. 7. P. 995–1003. https://doi.org/10.4103/njcp.njcp_705_19.

Otrachshenko V., Popova O. Life (Dis)Satisfaction and the Intention to Migrate: Evidence from Central and Eastern Europe // *Journal of Socio-Economics*. 2014. Vol. 48. P. 40–49. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2013.09.008>.

Papademetriou D.G., Sumption M. Attracting and Selecting from the Global Talent Pool — Policy Challenges. Washington, D.C.: Migration Policy Institute, 2013.

Parsons J., Tabor A.S., Fischer R. Shelter from the global economic crisis: New Zealand and overseas-born employees' concerns and migration in-

tentions // Journal of Pacific Rim Psychology. 2012. Vol. 6. No. 2. P. 48–56. <https://doi.org/10.1017/prp.2012.8>.

Paulauskaitė E., Šeibokaitė L., Endriulaitienė A. Big five personality traits linked with migratory intentions in Lithuanian student sample // International Journal of Psychology: A Biopsychosocial Approach. 2010. No. 7. P. 41–58.

Plopeanu A.-P., Homocianu D., Mihăilă A.A., Crișan E.L., Bodea G., Bratu R.-D., Airinei D. Exploring the Influence of Personal Motivations' Beliefs and Attitudes on Students' Post-Graduation Migration Intentions: Evidence from Three Major Romanian Universities // Applied Sciences. 2018. Vol. 8. No. 11. P. 1–22. <https://doi.org/10.3390/app8112121>.

Polavieja Javier G., Fernández-Reino M., Ramos M. Are Migrants Selected on Motivational Orientations? Selectivity Patterns amongst International Migrants in Europe // European Sociological Review. 2018. Vol. 34. No. 5. P. 570–588. DOI:10.1093/esr/jcy025.

Polgreen L.A., Simpson N.B. Happiness and International Migration // Journal of Happiness Studies. 2011. Vol. 12. No. 5. P. 819–840. <https://doi.org/10.1007/s10902-010-9229-3>.

Radović B., Stanojević Z., Tosković M.O. Values and subjective well-being in context of transition: Data from Serbia. 2019. Socioloski pregled. No. 53. P. 908–942. [10.5937/socpreg53-21692](https://doi.org/10.5937/socpreg53-21692).

Ray D. Aspirations, Poverty and Economic Change // Aspirations, Poverty and Economic Change / Eds. A.V. Banerjee, R. Bénabou, D. Mookherjee. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 409–421.

Remhof S., Gunkel M., Schlaegel C. Goodbye Germany! The influence of personality and cognitive factors on the intention to work abroad // International Journal of Human Resource Management. 2014. Vol. 25. No. 16. P. 2319–2343. <https://doi.org/10.1080/09585192.2014.884613>.

Reznik A., Gritsenko V., Konstantinov V., Khamenka N., Isralowitz R. COVID-19 Fear in Eastern Europe: Validation of the Fear of COVID-19 Scale // International Journal of Mental Health and Addiction. 2021. Vol. 19. No. 5. P. 1903–1908. <https://doi.org/10.1007/s11469-020-00283-3>.

Roth W.D. Race Migrations: Latinos and the Cultural Transformation of Race. Stanford, CA: Stanford University Press., 2012.

Safety Index by Country 2021. https://www.numbeo.com/crime/rankings_by_country.jsp?title=2021&displayColu.

Sagiv L., Schwartz S.H. Value priorities and subjective well-being: Direct relations and congruence effects // *European Journal of Social Psychology*. 2000. Vol. 30. P. 177–198. [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-0992\(200003/04\)30:23.0.co;2-z](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-0992(200003/04)30:23.0.co;2-z).

Schewel K. Understanding the Aspiration to Stay: A Case Study of Young Adults in Senegal. IMI Working Paper 107. Oxford: International Migration Institute, University of Oxford, 2015.

Schwartz S. et al. The Role of Psychologists in International Migration Research: Complementing Other Expertise and an Interdisciplinary Way Forward [Электронный ресурс]. 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/337844689_The_Role_of_Psychologists_in_International_Migration_Research_Complementing_Other_Expertise_and_an_Interdisciplinary_Way_Forward (дата обращения: 10.02.2022).

Schwartz S.H. Basic individual values: Sources and consequences // *Handbook of value: perspectives from economics, neuroscience, philosophy, psychology and sociology* / In D. Sander, T. Brosch (Eds.). Oxford University Press, 2015. P. 63–84. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198716600.003.0004.

Schwartz S.H. et al. Refining the Theory of Basic Individual Values // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 103. No. 4. P. 663–688. DOI:10.1037/a0029393.

Schwartz S.H. Instructions for Computing Scores for the 10 Human Values and Using them in Analyses. In *Documentation for ESS-1*. 2003. http://ess.nsd.uib.no/ess/doc/ess1_human_values_scale.pdf/ (дата обращения: 30.11.2022).

Schwartz S.H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M., & Owens V. Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001. Vol. 32. No. 5. P. 519–542.

Silvan K. Youth policy practice in post-Soviet Russia and Belarus: past and present // *Мир России. Социология. Этнология*. 2019. Т. 28, № 1. С. 161–171. DOI:10.17323/1811-038X-2019-28-1-161-171.

Silventoinen K., Hammar N., Hedlund E., Koskenvuo M., Rönnemaa T., Kaprio J. Selective international migration by social position, health behaviour and personality // *European Journal of Public Health*. 2008. Vol. 18. No. 2. P. 150–155. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckm052>.

Sirgy M.J., Michalos A.C., Ferriss A.L., Easterlin R.A., Patrick D., Pavot W. The quality-of-life (QOL) research movement: Past, present, and future // *Social Indicators Research*. 2006. Vol. 6 (3). P. 343–466. DOI:10.1007/s11205-005-2877-8.

Skrbis Z., Kendall G., Woodward I. Locating Cosmopolitanism: Between Humanist Ideal and Grounded Social Category // *Theory, Culture, and Society*. 2004. Vol. 21. No. 6. P. 115–136. <https://doi.org/10.1177/0263276404047418>.

Sortheix F.M., Lönnqvist J.-E. Person-group value congruence and subjective well-being in students from Argentina, Bulgaria and Finland: The role of interpersonal relationships // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2015. Vol. 25. No. 1. P. 34–48. <https://doi.org/10.1002/casp.2193>.

Sortheix F.M., Schwartz S. Values that Underlie and Undermine Well-Being: Variability across Countries // *Psychology*. 2017. Vol. 31. No. 2. P. 187–201. <https://doi.org/10.1002/per.2096>.

Stets J.E. Future Directions in the Sociology of Emotions // *Emotion Review*. 2010. Vol. 2. No. 3. P. 265–268. <https://doi.org/10.1177/1754073910361975>.

Super E.S. A life-span, life-space approach to career development // *Journal of Vocational Behavior*. 1980. No. 16. P. 282–298.

Tabor A.S., Milfont T.L. Family social support during the predeparture period: The experience of British migrants // *International Journal of Psychology*. 2012. Vol. 48. No. 3. P. 291–299.

Tabor A.S., Milfont T.L. Migration change model: Exploring the process of migration on a psychological level // *International Journal of Intercultural Relations*. 2011. Vol. 35. No. 6. P. 818–832. DOI:10.1016/j.ijintrel.2010.11.013.

Tabor A.S., Milfont T.L. We are all in the same boat: How online communities facilitate the process of migration // *New Zealand Journal of Psychology*. 2013. No. 42. P. 31–35.

Tabor A.S., Milfont T.L., Ward C. The Migrant Personality Revisited: Individual Differences and International Mobility Intentions // *New Zealand Journal of Psychology*. 2015. Vol. 44. No. 2. P. 89–95.

Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations / Ed. by S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.

Tartakovsky E., Patrakov E., Nikulina M. Factors affecting emigration intentions in the diaspora population: The case of russian jews // International Journal of Intercultural Relations. 2017a. Vol. 59. P. 53–67. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2017.05.002>.

Tartakovsky E., Patrakov E., Nikulina M. Motivational goals, group identifications, and psychosocial adjustment of returning migrants: The case of Jews returning to Russia // International Journal of Psychology. 2017b. No. 52. P. 78–86.

Tartakovsky E., Schwartz S.H. Motivation for emigration, values, wellbeing, and identification among young Russian Jews // International Journal of Psychology. 2001. Vol. 36. No. 2. P. 88–99.

Thulin E., Vilhelmson B. Virtual Practices and Migration Plans: A Qualitative Study of Urban Young Adults // Population, Space and Place. 2014. No. 20. P. 389–401.

Thulin E., Vilhelmson B. The Internet and Desire to Move: The Role of Virtual Practices in the Inspiration Phase of Migration // Tijdschrift voor economische en sociale geografie. 2016. Vol. 107. No. 3. P. 257–269. <https://doi.org/10.1111/tesg.12144>.

Timmerman C., Hemmerechts K., De Clerck M.-L. The Relevance of a ‘Culture of Migration’ in Understanding Migration Aspirations in Contemporary Turkey // Turkish Studies. 2014. Vol. 15. No. 3. P. 496–518. DOI:10.1080/14683849.2014.954748.

Tjaden J., Auer D., Laczko F. Linking Migration Intentions with Flows: Evidence and Potential Use // International Migration. 2019. Vol. 57. No. 1. P. 36–57. DOI:10.1111/imig.12502.

Tong G., Persons E., Harris A.L. Getting ready ahead: socioeconomic status and parenting strategies among Chinese adolescents with emigration intentions // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2020. No. 47. P. 4405–4427. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2020.1759404>.

Tran L.T. Mobility as ‘Becoming’: A Bourdieuan Analysis of the Factors Shaping International Student Mobility // British Journal of Sociology of Education. 2016. Vol. 37. No. 8. P. 1268–1289. DOI:10.1080/01425692.2015.1044070.

Transparency International // National Integrity System Assessments. The Global Coalition against Corruption, 2016. URL: <https://www.transparency.org/whatwedo/nis> (дата обращения: 07.03.2022).

Turner J., Stets J. The Sociology of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Turulja L., Kapo A., Husić-Mehmedović M. Subjective Well-Being: Emigration Intention and Its Antecedents // Т. Tufek-Memišević, М. Arslanagić-Kalajdžić, N. Ademović (eds). Interdisciplinary Advances in Sustainable Development. ICSD 2022. Lecture Notes in Networks and Systems. 2023. Vol 529. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-17767-5_8.

Van Dalen H., Henkens K. Explaining emigration intentions and behaviour in the Netherlands, 2005-10 // Population Studies. 2013. Vol. 67. No. 2. P. 225–241. DOI:10.1080/00324728.2012.725135.

Van Dalen H., Henkens K. Longing for the Good Life: Understanding Emigration from a High-Income Country // Population and Development Review. 2007. Vol. 33. No. 1. P. 37–65. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2007.00158.x>.

Van Ecke Y. Immigration from an attachment perspective // Social Behavior and Personality: An International Journal. 2005. Vol. 33. No. 5. P. 467–476. DOI:10.2224/sbp.2005.33.5.467.

Van Hear N., Bakewell O., Long K. Pushpull plus: Reconsidering the drivers of migration // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2017. Vol. 44. No. 6. P. 927–944. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1384135>.

Van Mol C. Migration aspirations of European youth in times of crisis // Journal of Youth Studies. 2016. Vol. 19. No. 10. P. 1303–1320. DOI:10.1080/13676261.2016.1166192.

Van Mol C., Snel E., Hemmerechts K., Timmerman C. Migration Aspirations and Migration Cultures: A Case Study of Ukrainian Migration Towards the European Union // Population, Place and Space. 2018. Vol. 24. No. 5. P. 1–11. <https://doi.org/10.1002/psp.2131>.

Wagoner B. Collective remembering as a process of social representation // The Cambridge Handbook of Social Representations / Ed. G. Sammut et al. Cambridge: CAP. 2015. P. 143–162.

Weekly epidemiological update — 27 January 2021. Data as received by WHO from national authorities, as of 24 January 2021 [Электронный

ресурс]. URL: <https://www.who.int/publications/m/item/weekly-epidemiological-update---27-january-2021> (дата обращения: 10.12.2022).

Weekly epidemiological update on COVID-19 — 20 April 2021. Data as received by WHO from national authorities, as of 10am CET 18 April 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/publications/m/item/weekly-epidemiological-update-on-covid-19---20-april-2021> (дата обращения: 10.12.2022).

Wieland A., Durach C.F., Kembro J., Treiblmaier H. Statistical and judgmental criteria for scale purification // *Supply Chain Management: An International Journ.* 2017. Vol. 22. No. 4. P. 321–328.

Wiest K. Migration and Everyday Discourses: Peripheralisation in Rural Saxony-Anhalt from a Gender Perspective // *Journal of Rural Studies.* 2016. Vol. 43. P. 280–290. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2015.03.003>.

Willekens F., Massey D., Raymer J., Beauchemin C. INTERNATIONAL MIGRATION. International migration under the microscope // *Science.* 2016. Vol. 352. No. 6288. P. 897–899. DOI:10.1126/science.aaf6545.

Williams A.M., Baláž V. Migration, Risk, and Uncertainty: Theoretical Perspectives. *Population // Space and Place.* 2012. Vol. 18. No. 2. P. 167–180. <https://doi.org/10.1002/psp.663>.

Williams A.M., Jephcote C., Janta H., Li G. The migration intentions of young adults in Europe: A comparative, multilevel analysis // *Population, Space and Place.* 2018. Vol. 24. No. 1. P. 1–16. <https://doi.org/10.1002/psp.21238>.

Xiang B., Wei S. International Student Migration and Social Stratification in China // *International Journal of Educational Development.* 2009. Vol. 29. No. 5. P. 513–522. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2009.04.006>.

Xie B. Multimodal computer-mediated communication and social support among older Chinese Internet users // *Journal of Computer-Mediated Communication.* 2008. No. 13. P. 728–750.

Ye W., Deng N. Claiming and displaying national identity: A case study of Chinese exchange students in Russia // *Training, Language and Culture.* 2020. Vol. 4. No. 3. P. 43–54. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2020-4-3-43-54>.

Zembylas M. Transnationalism, migration and emotions // *Globalisation, Societies and Education.* 2012. Vol. 10. No. 2. P. 163–179. <https://doi.org/10.1080/14767724.2012.647403>.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СИСТЕМА РЕКОМЕНДАЦИЙ, ПРИМЕНИМЫХ НА УРОВНЕ СУБЪЕКТА, ГРУППЫ И ОБЩЕСТВА С ЦЕЛЮ СОХРАНЕНИЯ ОБРАЗОВАННОЙ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЕЕ ЭМИГРАЦИИ

Создание благоприятных условий для развития и сохранения молодого человеческого капитала в России является важнейшей стратегической задачей. На основе результатов проведенного исследования мы сформулировали систему рекомендаций, применимых на уровне личности, группы и общества, отражающую комплекс мер по решению обозначенной выше стратегически важной для страны задачи. Надеемся, что данная система рекомендаций окажется полезной и будет способствовать укреплению социального капитала России, а также потенциала страны в целом в непростых для нее условиях.

Содержание рекомендаций *на уровне личности* предполагает целенаправленное, системное и комплексное развитие в рамках всех институтов социализации социально-ценных личностных качеств у молодых людей. Качеств, способствующих, с одной стороны, формированию чувства приверженности своей стране и конструктивного гражданского патриотизма, а с другой — предупреждению развития планируемого эмиграционного поведения, связанного с отъездом из России навсегда. К мерам профилактики оттока образованной молодежи из страны, реализуемым на уровне личности, мы отнесли следующие:

- развитие конструктивной социальной активности студенческой молодежи, которая отражается в желании и способности проявлять инициативу, осуществлять социально полезную деятельность, участвуя в социально ценных мероприятиях, молодежных движениях, акциях, форумах, направленных на общественное благо;
- формирование у молодых людей позитивного образа России, ценностного отношения к ее культурному наследию, эмоциональной привязанности к ее социальным, культурным, природно-географическим объектам, желания оставаться и строить будущее в своей стране на ее благо;
- развитие социальной (в том числе гражданской) ответственности молодежи как важного качества личности, неразрывно свя-

занного с осознанием молодыми людьми своего места в системе межличностных и межгрупповых отношений, готовностью соблюдать социальные нормы и правила, с формированием чувства долга, принятием социальных обязательств, умением прогнозировать последствия собственной деятельности и поведения;

- формирование социальной самостоятельности, включающей умения выстраивать стратегии своего жизненного и профессионального успеха, стремясь к гармоничному сочетанию личных и общественных интересов;

- создание системы комплексного психологического сопровождения студентов вузов, включающей индивидуальное консультирование, психологические коммуникативные и личностные тренинги, карьерное консультирование с целью формирования в условиях неопределенности значимых личностных ресурсов и культуры грамотного и взвешенного принятия жизненных решений.

Содержание рекомендаций *на уровне группы* предполагает создание условий для построения позитивных взаимоотношений, эффективного межличностного взаимодействия и успешного функционирования молодых людей в социальных группах, к которым они принадлежат. Сюда относятся:

- создание ценностно-мотивационного единства в студенческих коллективах, неформальных студенческих образованиях, развитие сопричастности общему делу: чем больше активных социальных сетей в стране будет у молодых людей, тем легче им будет ориентироваться в жизни и тем больше будет у них удерживающих мотивов, связанных с интересными проектами и личными связями в России;

- качественное сопровождение студентов выпускных курсов по вопросам возможного трудоустройства, карьерный коучинг, предоставление профильных мест практики не формально, а с полноценным включением в профессию, возможностью в полной мере оценить перспективы работы по получаемой специальности или выбрать альтернативные профессиональные пути;

- разработка и реализация эффективных программ взаимодействия вузов и предприятий: привлечение потенциальных работодателей к решению проблемы эффективного трудоустройства молодых специалистов, стимулирование повышения заинтересованности работодателей в профессиональном развитии, социальной мобильности и профилактике эмиграционной активности российской молодежи;

- поддержание социальных связей вузов с семьями студентов для непосредственного взаимодействия по вопросам сопровождения развития молодых людей и поддержки их в кризисные моменты жизни.

Основное содержание рекомендаций *на уровне общества/страны* включает:

- создание социально-экономических, политических, правовых, социально-культурных, экологических условий, повышающих привлекательность страны для жизни молодых людей и тем самым создание условий для наиболее полной реализации их профессионального и личного потенциала, удовлетворения базовых потребностей и интересов;

- формирование эффективного российского рынка жилья, межрегионального рынка труда, актуального, доступного и постоянно обновляющегося национального банка вакансий для молодых специалистов;

- обеспечение информационной и финансовой поддержки молодых специалистов в организации обустройства и занятости по месту жительства;

- создание и поддержание привлекательных для молодежи функциональных городских пространств в различных регионах России; создание, продвижение и поддержание в молодежной среде позитивного имиджа российских городов и регионов; формирование центров притяжения молодежных инициатив;

- систематическую оценку объемов, потоков, причин и прогнозов международной мобильности среди российской молодежи, получаемую на основе анализа результатов, организованного регулярного системного мониторинга планируемой эмиграционной активности студенческой молодежи во всех регионах РФ по единой программе в один и тот же промежуток времени;

- переориентацию наиболее мобильной студенческой молодежи с внешней на внутреннюю миграцию путем повышения привлекательности, доступности, стимулирования и поддержки мобильности студентов внутри страны с помощью таких форм, как межвузовские стажировки, посещение конференций и туристических слетов в других городах, культурные поездки и экспедиции по регионам России;

- совершенствование государственной системы миграционно-го учета;

- изучение мотивов уехавших из России молодых образованных людей, поддержание с ними социальных контактов с целью определения системы «выталкивающих» и «притягивающих» эмиграционных факторов;
- разработку государственных программ на федеральном и региональном уровнях, стимулирующих возвратную миграцию молодых людей с акцентом не только и не столько на экономических факторах, сколько на социально-психологических; создание безопасных условий для их профессиональной и личностной самореализации в России, способствующих формированию у возвращающихся молодых россиян стремления создавать семью и воспитывать детей, строить карьеру и свою жизнь, ориентируясь на благо России.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. АНКЕТА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЭМИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Уважаемый друг!

Приглашаем Вас принять участие в научном исследовании. Мы изучаем отношение студентов к различным сторонам жизни. Опрос проводится анонимно. Это означает, что никто не может узнать Ваше имя, а все Ваши ответы будут использоваться только в обобщенном виде исключительно в научных целях.

Перейдя к анкете, Вы подтвердите свое добровольное согласие на участие в исследовании, но при этом у Вас будет возможность в любой момент отказаться от участия в опросе и завершить его.

Тем не менее мы очень надеемся, что, согласившись на участие, Вы дойдете до конца и ответите на все вопросы анкеты. Потому что Ваше мнение очень важно для нас!

Анкета содержит немало вопросов, но мы постарались сделать их максимально интересными, актуальными и разнообразными. Время на заполнение анкеты не ограничено, Вы можете работать в удобном для Вас темпе. В среднем Вам понадобится 30–50 минут. Пожалуйста, постарайтесь быть максимально искренними. В анкете не может быть правильных или неправильных ответов, важны именно Ваша точка зрения, Ваше мнение.

Если Вы заполняете анкету с телефона, для удобства рекомендуем выбрать альбомную (горизонтальную) ориентацию страниц.

Если у Вас возникнут вопросы, Вы можете обратиться с ними к организатору опроса, кандидату психологических наук Надежде Викторовне Мурашечковой по e-mail: nvmurashchenkova@mail.ru.

1. Ниже приведены описания разных людей. Пожалуйста, прочитайте каждое описание и подумайте, насколько этот человек похож или не похож на Вас. Отметьте, насколько этот человек похож на Вас.

1 — совсем не похож(а) на меня;

2 — не похож(а) на меня;

3 — мало похож(а) на меня;

Раздел 2. Кросс-культурный анализ структуры социально-психологического пространства эмиграционных намерений

4 — умеренно похож(а) на меня;

5 — похож(а) на меня;

6 — очень похож(а) на меня.

	1	2	3	4	5	6
Для него (нее) важно придумывать новое и подходить ко всему творчески. Ему (ей) нравится делать все по-своему, своим оригинальным способом						
Для него (нее) важно быть богатым(ой). Он (она) хочет, чтобы у него (нее) было много денег и дорогих вещей						
Для него (нее) важно, чтобы с каждым человеком в мире обращались одинаково. Он (она) убежден(а), что у всех должны быть равные возможности в жизни						
Для него (нее) важно показать свои способности. Он (она) хочет, чтобы люди восхищались тем, что он (она) делает						
Для него (нее) важно жить в безопасном окружении. Он (она) избегает всего, что может угрожать его (ее) безопасности						
Ему (ей) нравятся неожиданности, он (она) всегда старается найти для себя новые занятия. Он (она) считает, что для него (нее) в жизни важно попробовать много разного						
Он (она) убежден(а), что люди должны делать то, что им говорят. Он (она) считает, что люди должны всегда следовать правилам, даже если никто за этим не следит						

Приложение 2. Анкета для изучения социально-психологического пространства эмиграционных намерений студенческой молодежи

	1	2	3	4	5	6
Для него (нее) важно выслушивать мнение других, отличающихся от него (нее) людей. Даже когда он (она) с ними не согласен(на), он(она) все равно хочет понять их точку зрения						
Для него (нее) важно быть простым и скромным. Он (она) старается не привлекать к себе внимания						
Для него (нее) важно хорошо проводить время. Ему (ей) нравится себя баловать						
Для него (нее) важно самому принимать решения о том, что и как делать. Ему (ей) нравится быть свободным и не зависеть от других						
Для него (нее) очень важно помогать окружающим людям. Ему (ей) хочется заботиться об их благополучии						
Для него (нее) важно быть очень успешным. Он (она) надеется, что люди признают его (ее) достижения						
Для него (нее) важно, чтобы государство обеспечивало его (ее) безопасность во всех отношениях. Он (она) хочет, чтобы государство было сильным и могло защитить своих граждан						
Он (она) ищет приключений, и ему (ей) нравится рисковать. Он (она) хочет жить полной событиями жизнью						
Для него (нее) важно всегда вести себя правильно. Он (она) старается не совершать поступков, которые другие люди могли бы осудить						
Для него (нее) важно, чтобы его (ее) уважали. Он (она) хочет, чтобы люди делали так, как он (она) скажет						

	1	2	3	4	5	6
Для него (нее) важно быть верным своим друзьям. Он (она) хотел(а) бы посвятить себя близким людям						
Он (она) твердо верит, что люди должны беречь природу. Для него (нее) важно заботиться об окружающей среде						
Он (она) ценит традиции. Он (она) старается следовать религиозным и семейным обычаям						
Он (она) ищет любую возможность повеселиться. Для него (нее) важно заниматься тем, что доставляет ему (ей) удовольствие						

2. Ответьте, пожалуйста, пять раз по-разному на вопрос «Кто я сейчас?». Отвечайте, пожалуйста, именно на вопрос «Кто я?», а не «Какой я?».

3. Оцените, пожалуйста, свои чувства по отношению к **СВОЕМУ ЛИЧНОМУ НАСТОЯЩЕМУ** по шкале от 1 (минимум) до 7 (максимум). Какое оно сейчас — **ВАШЕ НАСТОЯЩЕЕ**? В каждой строке выберите только одну цифру.

Безопасное	1 2 3 4 5 6 7
Неприятное	1 2 3 4 5 6 7
Светлое	1 2 3 4 5 6 7
Безнадежное	1 2 3 4 5 6 7
Прекрасное	1 2 3 4 5 6 7
Трудное	1 2 3 4 5 6 7
Успешное	1 2 3 4 5 6 7

Приложение 2. Анкета для изучения социально-психологического пространства эмиграционных намерений студенческой молодежи

Бессмысленное	1 2 3 4 5 6 7
Мое	1 2 3 4 5 6 7
Скучное	1 2 3 4 5 6 7
Активное	1 2 3 4 5 6 7
Длительное	1 2 3 4 5 6 7
Насыщенное событиями	1 2 3 4 5 6 7
Незначительное	1 2 3 4 5 6 7
Свободное	1 2 3 4 5 6 7
Застойное	1 2 3 4 5 6 7
Стабильное	1 2 3 4 5 6 7
Близкое	1 2 3 4 5 6 7
Определенное	1 2 3 4 5 6 7
Хаотичное	1 2 3 4 5 6 7
Сплоченное	1 2 3 4 5 6 7
Новаторское	1 2 3 4 5 6 7
Связанное с моим прошлым	1 2 3 4 5 6 7
Связанное с моим будущим	1 2 3 4 5 6 7

4. Оцените, пожалуйста, свои чувства по отношению к **СВОЕМУ ЛИЧНОМУ БУДУЩЕМУ** по шкале от 1 (минимум) до 7 (максимум). Какое оно — **ВАШЕ БУДУЩЕЕ?** В каждой строке выберите только одну цифру.

Безопасное	1 2 3 4 5 6 7
Неприятное	1 2 3 4 5 6 7
Светлое	1 2 3 4 5 6 7
Безнадежное	1 2 3 4 5 6 7
Прекрасное	1 2 3 4 5 6 7
Трудное	1 2 3 4 5 6 7
Успешное	1 2 3 4 5 6 7
Бессмысленное	1 2 3 4 5 6 7
Мое	1 2 3 4 5 6 7
Скучное	1 2 3 4 5 6 7
Активное	1 2 3 4 5 6 7

Длительное	1 2 3 4 5 6 7
Насыщенное событиями	1 2 3 4 5 6 7
Незначительное	1 2 3 4 5 6 7
Свободное	1 2 3 4 5 6 7
Застойное	1 2 3 4 5 6 7
Стабильное	1 2 3 4 5 6 7
Близкое	1 2 3 4 5 6 7
Определенное	1 2 3 4 5 6 7
Хаотичное	1 2 3 4 5 6 7
Сплоченное	1 2 3 4 5 6 7
Новаторское	1 2 3 4 5 6 7
Связанное с моим прошлым	1 2 3 4 5 6 7
Связанное с моим настоящим	1 2 3 4 5 6 7

5. Планируете ли Вы в будущем работать по получаемой сейчас специальности? Выберите, пожалуйста, подходящий для Вас ответ:

- 1 — однозначно нет;
- 2 — скорее нет;
- 3 — скорее да;
- 4 — однозначно да.

6. Ниже даны утверждения, с которыми Вы можете согласиться или не согласиться. Выразите, пожалуйста, степень Вашего согласия с каждым из них, поставив оценку от 1 — полностью не согласен(на) до 7 — полностью согласен(на):

	Полностью не согласен(на)	Не согласен(на)	Скорее не согласен(на)	Нечто среднее	Скорее согласен(на)	Согласен(на)	Полностью согласен(на)
ба. В основном моя жизнь близка к идеалу	1	2	3	4	5	6	7

Приложение 2. Анкета для изучения социально-психологического пространства эмиграционных намерений студенческой молодежи

	Полностью не согласен(на)	Не согласен (на)	Скорее не согласен (на)	Нечто среднее	Скорее согласен(на)	Согласен (на)	Полностью согласен(на)
бб. Обстоятельства моей жизни исключительно благоприятны	1	2	3	4	5	6	7
бв. Я полностью удовлетворен(а) моей жизнью	1	2	3	4	5	6	7
бг. У меня есть в жизни то, что мне по-настоящему нужно	1	2	3	4	5	6	7
бд. Если бы мне пришлось жить еще раз, я бы оставил(а) все как есть	1	2	3	4	5	6	7

7. Укажите, пожалуйста, Вашу национальность _____

_____.

8. Пожалуйста, отметьте степень согласия с нижеследующими утверждениями, используя шестибальную шкалу от 1 — абсолютно не согласен(на) до 6 — абсолютно согласен(на).

	Абсолютно не согласен(на)	Не согласен (на)	Скорее не согласен (на)	Скорее согласен (на)	Согласен (на)	Абсолютно согласен(на)
8а. Несмотря на то, что вокруг	1	2	3	4	5	6

Раздел 2. Кросс-культурный анализ структуры социально-психологического пространства эмиграционных намерений

	Абсолютно не согласен(на)	Не согласен (на)	Скорее не согласен (на)	Скорее согласен (на)	Согласен (на)	Абсолютно согласен(на)
меня живет столько разных народов, я всегда ясно осознаю свои национальные корни						
8б. Когда окружающие говорят о культуре и обычаях своего народа, я испытываю некоторый дискомфорт, потому что сам не могу точно определить, к какому народу себя отнести	1	2	3	4	5	6
8в. Мне неприятно лишний раз вспоминать о своей национальности	1	2	3	4	5	6
8г. Если бы у меня сейчас была возможность выбрать национальность, я выбрал бы ту же самую	1	2	3	4	5	6

9. Являетесь ли Вы гражданином Беларуси/Казахстана/России*? Если нет, то в графе «другое» укажите, пожалуйста, гражданином какой страны Вы являетесь.

- а. Да, я гражданин Беларуси/Казахстана/России*;
- б. Нет, я гражданин _____ (укажите, пожалуйста, страну).

10. Оцените, пожалуйста, насколько сильно Вы эмоционально привязаны к тому или иному месту и людям? Дайте ответ по шкале от 1 до 10, где 1 означает, что Вы вообще не чувствуете эмоциональной привязанности, а 10 — что чувствуете очень сильную эмоциональную привязанность.

10а. Насколько сильно Вы эмоционально привязаны к месту (городу, району), в котором сейчас живете?

0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Вообще								Чувствую очень		
не чувствую								сильную		
эмоциональной								эмоциональную		
привязанности								привязанность		

10б. Насколько сильно Вы эмоционально привязаны к Беларуси/Казахстану/России*?

0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Вообще								Чувствую очень		
не чувствую								сильную		
эмоциональной								эмоциональную		
привязанности								привязанность		

10в. Насколько сильно Вы эмоционально привязаны к своим родителям?

0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Вообще								Чувствую очень		
не чувствую								сильную		
эмоциональной								эмоциональную		
привязанности								привязанность		

10г. Насколько сильно Вы эмоционально привязаны к своим друзьям?

0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Вообще								Чувствую очень		
не чувствую								сильную		
эмоциональной								эмоциональную		
привязанности								привязанность		

11а. Насколько близкими к себе Вы считаете эти группы людей?

- 1 — совсем не близки;
- 2 — не очень близки;
- 3 — близки в какой-то мере;
- 4 — довольно близки;
- 5 — очень близки.

Белорусы/Казахстанцы/ Россияне*	Люди, живущие на нашей планете
1 2 3 4 5	1 2 3 4 5

11б. Как часто Вы используете слово «мы» применительно к этим группам людей?

- 1 — никогда;
- 2 — редко;
- 3 — от случая к случаю;
- 4 — часто;
- 5 — очень часто.

Белорусы/Казахстанцы/ Россияне*	Люди, живущие на нашей планете
1 2 3 4 5	1 2 3 4 5

11в. Как много общего, на Ваш взгляд, между Вами и этими группами людей?

- 1 — совершенно ничего общего;
- 2 — мало общего;
- 3 — есть что-то общее;
- 4 — немало общего;
- 5 — очень много общего.

Белорусы/Казахстанцы/ Россияне*	Люди, живущие на нашей планете
1 2 3 4 5	1 2 3 4 5

11г. Иногда люди думают о тех, кто не является их родственниками, как о членах их «семьи». В какой степени Вы считаете указанных ниже людей «своей семьей»?

- 1 — абсолютно нет;
- 2 — очень мало;
- 3 — в какой-то мере;
- 4 — в значительной степени;
- 5 — в очень высокой степени.

Белорусы/Казахстанцы/ Россияне*	Люди, живущие на нашей планете
1 2 3 4 5	1 2 3 4 5

11д. Насколько Вы отождествляете себя с этими людьми (чувствуете себя их частью, чувствуете привязанность к ним, озабочены их будущим)?

- 1 — абсолютно нет;
- 2 — очень мало;
- 3 — в какой-то мере;
- 4 — в значительной степени;
- 5 — в очень высокой степени.

Белорусы/Казахстанцы/ Россияне*	Люди, живущие на нашей планете
1 2 3 4 5	1 2 3 4 5

11е. Насколько Вы переживаете (бываете огорчены, стремитесь помочь), если с этими людьми происходит что-то плохое?

- 1 — абсолютно нет;
- 2 — очень мало;
- 3 — в какой-то мере;
- 4 — в значительной степени;
- 5 — в очень высокой степени.

Белорусы/Казахстанцы/ Россияне*	Люди, живущие на нашей планете
1 2 3 4 5	1 2 3 4 5

11ж. Насколько Вы хотели бы быть...

- 1 — абсолютно нет;
- 2 — очень мало;
- 3 — в какой-то мере;
- 4 — в значительной степени;
- 5 — в очень высокой степени.

Ответственным гражданином Беларуси/Казахстана/России*	Ответственным жителем планеты Земля
1 2 3 4 5	1 2 3 4 5

11з. Насколько сильной Вы чувствуете свою преданность...

- 1 — абсолютно нет;
- 2 — очень мало;
- 3 — в какой-то мере;
- 4 — в значительной степени;
- 5 — в очень высокой степени.

Белорусам/Казахстанцам/ Россиянам*	Людам, живущим на нашей планете
1 2 3 4 5	1 2 3 4 5

11и. Если эти люди нуждаются, как сильно Вы хотите им помочь?

- 1 — абсолютно нет;
- 2 — очень мало;
- 3 — в какой-то мере;
- 4 — в значительной степени;
- 5 — в очень высокой степени.

Белорусы/Казахстанцы/ Россияне*	Люди, живущие на нашей планете
1 2 3 4 5	1 2 3 4 5

12. Оцените, пожалуйста, свои чувства по отношению к НАСТОЯЩЕМУ БЕЛАРУСИ/КАЗАХСТАНА/РОССИИ* по шкале от 1 (минимум) до 7 (максимум). Какое оно, на ВАШ взгляд? В каждой строке выберите только одну цифру.

Безопасное	1 2 3 4 5 6 7
Неприятное	1 2 3 4 5 6 7
Светлое	1 2 3 4 5 6 7
Безнадежное	1 2 3 4 5 6 7
Прекрасное	1 2 3 4 5 6 7
Трудное	1 2 3 4 5 6 7
Успешное	1 2 3 4 5 6 7
Бессмысленное	1 2 3 4 5 6 7
Мое	1 2 3 4 5 6 7
Скучное	1 2 3 4 5 6 7
Активное	1 2 3 4 5 6 7
Длительное	1 2 3 4 5 6 7
Насыщенное событиями	1 2 3 4 5 6 7
Незначительное	1 2 3 4 5 6 7
Свободное	1 2 3 4 5 6 7
Застойное	1 2 3 4 5 6 7
Стабильное	1 2 3 4 5 6 7
Близкое	1 2 3 4 5 6 7
Определенное	1 2 3 4 5 6 7
Хаотичное	1 2 3 4 5 6 7
Сплоченное	1 2 3 4 5 6 7
Новаторское	1 2 3 4 5 6 7
Связанное с прошлым Беларуси/Казахстана/России*	1 2 3 4 5 6 7
Связанное с будущим Беларусии/Казахстана/ России*	1 2 3 4 5 6 7

13. Оцените, пожалуйста, свои чувства по отношению к БУДУЩЕМУ БЕЛАРУСИ/КАЗАХСТАНА/РОССИИ* по шкале от 1 (минимум) до 7 (максимум). Какое оно, на ВАШ взгляд? В каждой строке выберите только одну цифру.

Безопасное	1 2 3 4 5 6 7
Неприятное	1 2 3 4 5 6 7
Светлое	1 2 3 4 5 6 7
Безнадежное	1 2 3 4 5 6 7
Прекрасное	1 2 3 4 5 6 7
Трудное	1 2 3 4 5 6 7
Успешное	1 2 3 4 5 6 7
Бессмысленное	1 2 3 4 5 6 7
Мое	1 2 3 4 5 6 7
Скучное	1 2 3 4 5 6 7
Активное	1 2 3 4 5 6 7
Длительное	1 2 3 4 5 6 7
Насыщенное событиями	1 2 3 4 5 6 7
Незначительное	1 2 3 4 5 6 7
Свободное	1 2 3 4 5 6 7
Застойное	1 2 3 4 5 6 7
Стабильное	1 2 3 4 5 6 7
Близкое	1 2 3 4 5 6 7
Определенное	1 2 3 4 5 6 7
Хаотичное	1 2 3 4 5 6 7
Сплоченное	1 2 3 4 5 6 7
Новаторское	1 2 3 4 5 6 7
Связанное с настоящим Беларуси/Казахстана/России*	1 2 3 4 5 6 7
Связанное с прошлым Беларуси/Казахстана/ России*	1 2 3 4 5 6 7

14. Оцените, пожалуйста, насколько безопасно/небезопасно Вы чувствуете себя СЕЙЧАС в БЕЛАРУСИ/КАЗАХСТАНЕ/РОССИИ*? Дайте ответ по шкале от 1 до 10, где 1 означает, что Вы чувствуете себя сейчас в Беларуси/Казахстане/России* абсолютно небезопасно, а 10 — что Вы чувствуете себя сейчас в Беларуси/Казахстане/России* абсолютно безопасно.

Ваше ощущение небезопасности/безопасности в стране сейчас

0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Чувствую себя									Чувствую себя	
сейчас в Беларуси/ Казахстане/России*									сейчас в Беларуси/ Казахстане/России*	
абсолютно									абсолютно	
небезопасно									безопасно	

15. Ответьте, пожалуйста, насколько сильно Вы ощущаете, что принадлежите к такой группе людей, которая испытывает в Беларуси/Казахстане/России* дискриминацию, то есть предвзятое отношение к себе, нарушение равных с другими прав? Дайте ответ по шкале от 1 до 10, где 1 означает, что Вы абсолютно не ощущаете дискриминацию, а 10 — что Вы ощущаете дискриминацию в полной мере.

0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Абсолютно									Ощущаю	
не ощущаю									дискриминацию	
дискриминации									в полной мере	

16. Отметьте, пожалуйста, степень своего согласия со следующими утверждениями, используя шкалу:

- 1 — абсолютно не согласен(на);
- 2 — не согласен(на);
- 3 — скорее не согласен(на);
- 4 — скорее согласен(на);
- 5 — согласен(на);
- 6 — абсолютно согласен(на).

Утверждения	1	2	3	4	5	6
1. Я планирую в ближайшие пять лет переехать жить в другую страну						
2. Для меня решение переехать жить за границу в ближайшие пять лет — умное						
3. Переехать жить за границу в моих силах						
4. Большинство значимых для меня людей считают, что мне следует переехать жить за границу						
5. Я уже активно разрабатываю план действий для переезда за границу						
6. Я хочу в ближайшие пять лет переехать жить в другую страну						
7. Для меня решение переехать за границу в ближайшие пять лет — приятное						
8. Члены моей семьи хотят, чтобы я переехал(а) жить за границу						
9. В настоящее время я стараюсь получить как можно больше информации из разных источников о стране предполагаемого переезда						
10. Я готов(а) в ближайшие пять лет переехать жить за границу						
11. Для меня решение переехать жить за границу в ближайшие пять лет — полезное						
12. Если я захочу, я смогу переехать жить в другую страну						
13. Большинство моих друзей считают, что мне следует переехать жить за границу						
14. Я уже активно взаимодействую с теми, кто может помочь мне переехать жить за границу						
15. Я планирую в ближайшие пять лет переехать жить за границу навсегда						
16. Я планирую в ближайшие пять лет переехать жить за границу на время						

17. Выберите один из предложенных вариантов, в наибольшей степени отражающий Ваше положение на данный момент.

А. У меня **ЕСТЬ ЖЕЛАНИЕ** и **ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТИ** в ближайшие пять лет переехать жить из Беларуси/Казахстана/России* в другую страну.

Б. У меня **ЕСТЬ ЖЕЛАНИЕ**, но **НЕТ ВОЗМОЖНОСТЕЙ** в ближайшие пять лет переехать жить из Беларуси/Казахстана/России* в другую страну.

В. У меня **ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТИ**, но **НЕТ ЖЕЛАНИЯ** в ближайшие пять лет переехать жить из Беларуси/Казахстана/России* в другую страну.

Г. У меня **НЕТ ЖЕЛАНИЯ** и **НЕТ ВОЗМОЖНОСТЕЙ** в ближайшие пять лет переехать жить из Беларуси/Казахстана/России* в другую страну.

18. Если у Вас есть намерение в ближайшие пять лет переехать жить за границу, укажите, пожалуйста, в какую страну Вы собираетесь уехать. Если собираетесь уезжать, но страну еще не выбрали — выберите вариант «затрудняюсь ответить». Если не собираетесь переезжать в другую страну — выберите вариант «не планирую переезжать».

А. Я собираюсь переехать в _____
(укажите страну).

Б. Затрудняюсь ответить.

В. Не планирую переезжать.

19. ЕСЛИ БЫ Вы решили в ближайшие пять лет переехать жить из Беларуси/Казахстана/России* в другую страну, какие причины лежали бы в основе этого решения?

Завершите, пожалуйста, предложение «Если бы я решил(а) в ближайшие пять лет переехать жить в другую страну, то это было бы потому, что...» в соответствии с шестибалльной шкалой:

1 — абсолютно не согласен(на);

2 — не согласен(на);

3 — скорее не согласен(на);

4 — скорее согласен(на);

5 — согласен(на);

6 — абсолютно согласен(на).

Раздел 2. Кросс-культурный анализ структуры социально-психологического пространства эмиграционных намерений

Если бы я решил(а) в ближайшие пять лет переехать из Беларуси/Казахстана/России* жить в другую страну, то это было бы потому, что...	Абсолютно не согласен (на)	Не согласен (на)	Скорее не согласен (на)	Скорее согласен (на)	Согласен (на)	Абсолютно согласен (на)
1) я чувствую себя в Беларуси/Казахстане/России* небезопасно	1	2	3	4	5	6
2) мне ближе культура и традиции другой страны	1	2	3	4	5	6
3) я обеспокоен(а), что не смогу найти хорошую работу в Беларуси/Казахстане/России*	1	2	3	4	5	6
4) я хочу воссоединиться с родственниками за рубежом	1	2	3	4	5	6
5) я обеспокоен(а) высоким уровнем коррупции в Беларуси/Казахстане/России*	1	2	3	4	5	6
6) я ищу более легкую и комфортную жизнь для себя за границей	1	2	3	4	5	6
7) я не вижу перспектив для своей самореализации в Беларуси/Казахстане/России*	1	2	3	4	5	6

Приложение 2. Анкета для изучения социально-психологического пространства эмиграционных намерений студенческой молодежи

Если бы я решил(а) в ближайшие пять лет переехать из Беларуси/Казахстана/России* жить в другую страну, то это было бы потому, что...	Абсолютно не согласен (на)	Не согласен (на)	Скорее не согласен (на)	Скорее согласен (на)	Согласен (на)	Абсолютно согласен (на)
8) я стремлюсь к риску и ищу новые впечатления	1	2	3	4	5	6
9) я не удовлетворен(а) системой правосудия в Беларуси/Казахстане/России*	1	2	3	4	5	6
10) я ожидаю, что переезд позволит мне устроить свою личную жизнь	1	2	3	4	5	6
11) я не удовлетворен(а) качеством медицинских услуг в Беларуси/Казахстане/России*	1	2	3	4	5	6
12) я уверен(а), что переезд позволит мне повысить свой материальный достаток	1	2	3	4	5	6
13) я не удовлетворен(а) политической системой в Беларуси/Казахстане/России*	1	2	3	4	5	6
14) я считаю, что переезд за границу позволит мне реализоваться как профессионалу	1	2	3	4	5	6

Если бы я решил(а) в ближайшие пять лет переехать из Беларуси/Казахстана/России* жить в другую страну, то это было бы потому, что...	Абсолютно не согласен (на)	Не согласен (на)	Скорее не согласен (на)	Скорее согласен (на)	Согласен (на)	Абсолютно согласен (на)
15) я переживаю за будущее своих детей в Беларуси/Казахстане/России*	1	2	3	4	5	6
16) я обеспокоен(а) экологической обстановкой в Беларуси/Казахстане/России*	1	2	3	4	5	6
17) я не удовлетворен(а) качеством образования в Беларуси/Казахстане/России*	1	2	3	4	5	6
18) меня привлекают природно-климатические условия другой страны	1	2	3	4	5	6
19) я не удовлетворен(а) экономической ситуацией в Беларуси/Казахстане/России*	1	2	3	4	5	6
20) мне очень интересно узнать, каково это — жить в другой стране	1	2	3	4	5	6

20. Есть ли у Вас друзья, знакомые или родственники, живущие за границей, к которым при необходимости Вы можете обратиться за помощью? Выберите один или несколько вариантов ответа.

- А. Да, друзья, их ____ (сколько? Укажите количество).
Б. Да, знакомые, их _____ (сколько? Укажите количество).
В. Да, родственники _____ (сколько? Укажите количество).
Г. Нет, таких людей нет.

21. Ответьте, пожалуйста, на несколько вопросов относительно пандемии коронавируса. Оцените утверждения в соответствии со шкалой:

- 1 — полностью не согласен(на);
2 — скорее не согласен(на);
3 — нечто среднее;
4 — скорее согласен(на);
5 — полностью согласен(на).

	1	2	3	4	5
1. Больше всего я боюсь заразиться COVID-19					
2. Мне неприятно думать о COVID-19					
3. Мои руки потеют, когда я думаю о COVID-19					
4. Я боюсь умереть от COVID-19					
5. При просмотре новостей и историй о COVID-19 в социальных сетях я испытываю волнение и беспокойство					
6. Я не могу спать из-за страха перед COVID-19					
7. Мое сердце бьется чаще, когда я думаю о том, что могу заразиться COVID-19					

22. Болели ли (или болеете/болеют сейчас) Вы, Ваши родные, знакомые COVID-19? (выберите один или несколько вариантов ответа)?

- А. Да, я сам(а) болел(а)/болею.
Б. Да, переболели/болеют мои родные.
В. Да, переболели/болеют мои знакомые.
Г. Нет, не болел / не болели и не болею / не болеют ни я, ни мои родные, ни знакомые.

Ответьте, пожалуйста, на несколько вопросов о Вас.

23. Сколько Вам полных лет? _____

24. Ваш пол:

- а) мужской;
- б) женский.

25. Ваше постоянное место проживания на данный момент (укажите, пожалуйста, город / населенный пункт) _____.

26. Вы живете в этом населенном пункте с рождения или приехали из другого города/страны? Выберите, пожалуйста, подходящий вариант.

А. Живу здесь с рождения.

Б. Переехал сюда из другого населенного пункта своей страны.

В. Переехал сюда из другой страны.

27. Какими иностранными языками Вы владеете? Выберите один или несколько вариантов ответа:

а) не владею иностранными языками;

б) английским языком;

в) немецким языком;

г) французским языком;

д) испанским языком;

е) китайским языком;

ж) другим языком (укажите) _____.

28. Вы когда-нибудь были за границей (выберите подходящий вариант ответа)?

А. Нет, никогда не выезжал(а) за границу.

Б. Да, выезжал(а) один раз.

В. Да, выезжал(а) от двух до пяти раз.

Г. Да, выезжал(а) более пяти раз.

Д. Да, выезжал(а) регулярно от одного до нескольких раз в год.

29. Какое у Вас образование? Выберите на данный момент Ваш самый высокий уровень образования из перечисленных:

- а) среднее общее образование (школа);
- б) учусь сейчас в техникуме/колледже;
- в) среднее специальное образование (техникум, колледж);
- г) учусь сейчас в вузе (бакалавриат);
- д) высшее образование (бакалавриат);
- е) учусь сейчас в вузе (магистратура);
- ж) высшее образование (бакалавриат и магистратура или специалитет);
- з) несколько высших образований.

30. Укажите, пожалуйста, получаемую/полученную Вами специальность или направление обучения (если таких несколько, перечислите все через запятую) _____.

31. Отметьте, пожалуйста, высказывание, которое наиболее точно отражает Ваше материальное положение на данный момент.

А. На данный момент я испытываю значительные материальные трудности.

Б. Сейчас мне хватает денег только на самое необходимое.

В. На данный момент я не испытываю материальных трудностей, могу позволить себе многое.

Г. Мое нынешнее материальное положение позволяет мне ни в чем себе не отказывать.

32. Выберите, пожалуйста, вариант, отражающий Ваше семейное положение.

- а) холост / не замужем;
- б) состою в серьезных отношениях, но брак официально не зарегистрирован;
- в) в браке (официально зарегистрирован);
- г) разведен(а);
- д) вдовец/вдова.

33. Есть ли у Вас дети (выберите, пожалуйста, подходящий вариант ответа)?

- а) нет детей;
- б) да, один ребенок;
- в) да, двое детей;
- г) да, трое детей;
- д) да, больше троих детей.

34. Оцените, пожалуйста, насколько религиозным человеком Вы себя считаете? Дайте ответ по шкале от 1 (минимум) до 10 (максимум), где 1 означает, что Вы совсем не религиозны, а 10 — что очень религиозны.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Считаю себя								Считаю себя	
совсем не								очень	
религиозным								религиозным	

35. Считаете ли Вы себя последователем какой-либо религии, вероисповедания? Укажите, пожалуйста, какой именно?

- а) не считаю себя последователем какой-либо религии;
- б) православие;
- в) католичество;
- г) протестантизм;
- д) ислам;
- е) иудаизм;
- ж) буддизм;
- з) другое _____.

Благодарим за участие в опросе!

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мурашенкова Надежда Викторовна, кандидат психологических наук, доцент департамента психологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). Специалист в области социальной психологии молодежи, психологии миграции, психологии патриотизма, соавтор четырех книг, автор и соавтор более тридцати статей в области социальной и кросс-культурной психологии. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru.

Гриценко Валентина Васильевна, доктор психологических наук, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского государственного психолого-педагогического университета (г. Москва), специалист в области психологии миграции, межкультурного и межэтнического взаимодействия, автор и соавтор более десяти книг и более семидесяти статей по социальной и кросс-культурной психологии. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-3345-6789>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru.

Ефременкова Мария Николаевна, психолог, начальник лаборатории психофизиологического обеспечения ЧУЗ «Клиническая больница “РЖД-Медицина”» (г. Смоленск), специалист-практик в области психологии труда и профессионального развития. Научные интересы лежат в области психологии миграции и межкультурного взаимодействия. Соавтор двух книг, автор и соавтор десяти статей в области социальной и кросс-культурной психологии. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0201-5340>, e-mail: mnemema@yandex.ru.

Научное издание

Муращенко Надежда Викторовна
Гриценко Валентина Васильевна
Ефременкова Мария Николаевна

**Социально-психологическое пространство
эмиграционных намерений студенческой молодежи:
кросс-культурный анализ**

Зав. книжной редакцией *Е.А. Бережнова*
Редактор *Т.В. Фомина*
Компьютерная верстка: *Н.Е. Пузанова*
Корректор *Т.В. Фомина*
Дизайн обложки: *В.П. Кориунов*

Подписано в печать 27.09.2023.
Формат 60x88/16. Гарнитура Newton
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,4. Уч.-изд. л. 13,5.
Тираж 100 экз. (1-й завод — 50 экз.). Изд. № 2787

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: +7 495 624-40-27

Отпечатано ООО «Фотоэксперт»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42

В монографии представлен социально-психологический портрет ориентированной на эмиграцию студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России. Портрет, зафиксированный в условиях пандемии COVID-19 в различных социокультурных контекстах. В книге описаны как сходства, так и различия ориентированной на эмиграцию студенческой молодежи трех стран и отражены многие аспекты: выраженность эмиграционных интенций молодежи, эмиграционные мотивы, географические направления и особенности планируемой эмиграции, индивидуальные ценности, представления о личном настоящем и будущем, а также о настоящем и будущем страны проживания, профессиональная, этническая, гражданская и глобальная идентичности, система эмоциональных привязанностей студентов к стране, месту жительства и близким людям, удовлетворенность жизнью, воспринимаемые безопасность и дискриминация, страх перед COVID-19. Эта книга не только про прошлое, она про настоящее и будущее, про то, что важно и нужно делать, чтобы сохранить молодежь в своей стране.

ISBN 978-5-7598-2941-6

9 785759 829416